Камиль Зиганшин

Возвращение росомахи

КИТАП
УФА • 2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос)-4
З-59

Художник А.Э. Чушкин

Зиганшин, К.Ф.
З-59 Возвращение росомахи : повесть и рассказы / Камиль Зиганшин. – Уфа : Китап, 2015. – 184 с. : ил.

ISBN 978-5-295-06235-3

Главные герои книги – росомахи, редкие и загадочные обитатели северной тайги. Зверь этот не так уж велик – размером с лайку и на первый взгляд довольно неуклюж. Но в нём заключена такая сила и неукротимая отвага, что он способен в одиночку противостоять стае волков. Мало кто знает, что этот ловкий хищник может быть настоящим рыцарем, благодарным и верным другом. В повести рассказывается о судьбе двух поколений этих таёжных «робин гудов», их поразительной способности отстаивать право на жизнь и свободу.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос)-4

ТП – 116/15

ISBN 978-5-295-06235-3

© Зиганшин К.Ф., 2015
© ГУП РБ БИ «Китап» им. Зайнаб Биишевой, оформление, 2015

О КАМИЛЕ ЗИГАНШИНЕ И ЕГО ПРОЗЕ

Проза Камиля Зиганшина подробна, натуральна и вместе с тем высокодуховна. Звери, птицы, деревья, скалы, реки присутствуют в ней не в качестве фона, на котором разворачиваются действия, они, наполненные добротой и талантом художника, живут, дышат, разговаривают, пытаясь донести до читателя простую мысль: человек не царь Природы, а лишь ее часть, и, если честно, не лучшая часть.

Его повести об обитателях тайги «Щедрый Буге», «Маха, или История жизни кунички», «Боцман» сразу покоряют и очаровывают сочностью, красочностью языка, живописными картинами природы, прекрасным знанием повадок зверей и, что немаловажно, увлекательным сюжетом. Их с удовольствием читают люди любого возраста. В романах о старообрядцах «Скитники», «Золото Алдана», выдержавших не одно издание, также много глав посвящено диким животным.

Прожив несколько лет в дебрях Уссурийского края, Камиль Зиганшин научился и думать, и чувствовать по-звериному. Смотреть на всё глазами своих героев. Благодаря такому взгляду изнутри и мы – читатели – проникаемся любовью и уважением к ним, нашим меньшим братьям, как говорил Сергей Есенин.

В повести «Возвращение росомахи» писатель использовал для эпиграфа слова Дерсу Узала из одноименной книги В. К. Арсеньева: «Звери тоже люди, только говорят на своём языке и ходят на четырёх ногах!». Это кредо и самого Камиля Зиганшина.

К сожалению, в обществе бытует упрощённое представление о жизни животных. Их поведение упорно и эгоистично трактуется как совокупность рефлексов и инстинктов. Мол, нет у них рассудочной деятельности, она присуща только человеку! Но, если приглядеться, действия и поступки многих животных, как домашних, так и диких, каждодневно доказывают: не всё в их поведении объясня-

ется инстинктами. Они… мыслят! Примитивней, упрощённей, чем люди, но мыслят! У каждого из них, как и у людей, свой характер, свои привычки, свои цели. А жизнь иных сообществ организована столь гармонично и целесообразно, что впору и людям поучиться.

Обо всём этом новая повесть Камиля Зиганшина о росомахах – редких и, пожалуй, самых загадочных обитателях тайги, о которых сложены невероятные легенды.

Приглашаю читателей погрузиться в необычный, первозданный и волнующий мир Природы и понять его.

Николай Николаевич Дроздов,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
автор и ведущий телепередачи «В мире животных»

ОТ АВТОРА

О главных героях этой книги – росомахах, самых крупных представителях семейства куньих, большинству людей мало что известно. Кое-кто знает, что их в природе немного, что это ненасытный, чрезвычайно скрытный и молчаливый зверь-одиночка, отличающийся коварством и злобностью. (Последнее утверждение по большей части итог предрассудков, страхов и невежества.)

На самом деле росомаха – отважный, не пасующий ни перед кем зверь. Она, как правило, образцовый родитель. И за добро платит добром. К сожалению, широкое использование охотниками снегоходов и мотонарт поставило данный вид на грань выживания. В настоящее время росомахи сохранились лишь в глухой, преимущественно горной тайге и безлюдной лесотундре.

Повесть познакомит с привычками и характером росомах, поможет понять причины их «дерзости». Прочитав её, и вы (я на это очень надеюсь) проникнетесь симпатией к этим неутомимым бродягам севера.

При написании книги я опирался на материалы многолетних наблюдений российских и скандинавских зоологов, охотоведов, рассказы промысловиков, а также на собственный опыт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

(Повесть)

ЧАСТЬ I

ПЫШКА

Звери тоже люди, только говорят на своём языке и ходят на четырёх ногах!

Дерсу Узала

Глава 1

Лавина

Из промороженной глубины хребтов на долину надвигалась буря. Деревья зашевелились, раскачиваясь из стороны в сторону, словно пьяные. Ветер, задирая юбки елей, сбрасывал снег, завывал голодным зверем в сухих дуплистых стволах. Тайга грозно рокотала. Даже старый кряжистый кедр заскрипел суставами. Не выдержав очередного яростного натиска ветра, подкреплённого

мощным снежным зарядом, он затрещал и стал крениться к земле. Пытаясь устоять, судорожно цеплялся ветвями за обступавшую его молодёжь. Но кто удержит такую махину? Круша их, старец с горестным стоном рухнул на пухлую перину и затих, наполовину утонув в ней.

Много ветровалов и гроз пережил лесной великан и вот распластался с надломленной вершиной у ног более молодых собратьев. Не успела снежная пыль осесть, как из бурелома вынырнул и покатился к скалам похожий на медвежонка, мохнатый, пышный шар – росомаха. Ночная охота не задалась. Пробегав до утра, Пышка так и не встретила ни одного свежего следа, не выловила в струях ветра ни единого запаха. А грянувшая непогодь делала продолжение поисков и вовсе бессмысленным.

Росомаха заспешила к логову, устроенному в расщелине между плит неподалёку от горного ключа: пора было кормить детёнышей. На небольшой прогалине её чуткий нос уловил соблазнительный аромат рябчика (обитатели тайги, в отличие от людей, воспринимают окружающий мир не столько зрением, сколько обонянием и слухом).

Хищница перешла на мягкий, вкрадчивый шаг и, вычислив по сочащемуся из-под снега запаху местоположение ближайшей спаленки, прыгнула. Придавленная лапами курочка не успела даже взмахнуть крыльями. Вокруг тут же вздыбились белоснежные фонтаны от выпархивавших из соседних спален* рябчиков.

Через несколько минут от птицы осталась лишь кучка перьев. Случайный завтрак так взбодрил росомаху, что она несколько раз перекувыркнулась на бегу через голову.

Вот и приметная расщелина. Тут всегда тихо: отвесные стены надёжно ограждают от снежной круговерти. Раскидав широкой лапой нападавший перед лазом снег, Пышка проползла по длинному каналу в логово и, призывно урча, легла на тощую подстилку из полуистлевших листьев и мелких веток. Она так устала, что только в первые минуты чувствовала, как заелозили по её животу, лихорадочно работая лапками, оголодавшие малыши. Когда они наконец припали к соскам, её окатила волна блаженства, и она задремала…

Проснувшись, Пышка осторожно освободилась от зарывшейся в густую материнскую шубу ребятни и выбралась из логова. Редкостный покой, заполнивший окрестности, радовал. Жмурясь от слепящего света, росомаха осмотрелась. Белая лента речушки в лучах солнца кое-где искрилась мириадами крохотных бриллиантов. Тайгу после бури было

---

* Боровые птицы (рябчики, куропатки, тетерева, глухари) зимой спят под снегом.

не узнать. Повсюду торчали отщепы и обломки веток; во впадинках и ямках желтели груды непонятно откуда взявшихся листьев.

Над головой протрещала, здороваясь, сойка. По извилистому руслу тянулась вверх по течению строчка из округлых следов длинноногого самца рыси, живущего на этом же участке. Росомаха с удовольствием вспомнила, как она, ещё брюхатая, вместе со своим косматым кавалером отняла у этого кота зайца. Поначалу крапчатый сосед грозно шипел и щерился, но стоило её угрюмому спутнику обдать его мускусной струёй, как тот, морщась от едкой, перехватывающей дыхание вони, отскочил и, делая вид, что вовсе и не голоден, удалился.

Но сегодня иная ситуация: Косматый уже неделю как пропал. Теперь она охотится и смотрит за детёнышами одна. Интуиция подсказывала ей, что в исчезновении супруга повинны прямоходящие с Большой реки – оттуда несколько раз доносился несущий смерть гром. Пышка однажды даже видела, как такой гром издали убил могучего лося.

Может, пойти за крапчатым? Вдруг опять что-нибудь перепадёт. За скальным прижимом след рыси свернул в круто взлетающий боковой распадок. Пышка зашла было в него, но тут сзади раздался непонятный гул. Хищница остановилась. Гул усиливался. Выскочив из-за прижима, она увидела, что с гребня отрога катится, вскипая белыми бурунами, ломая, как спички, деревья, снежный вал.

«Малыши!!!» Высоко вскидывая зад, росомаха кинулась к логову. Но вал уже успел накрыть долину многометровой толщей снега. Местность так изменилась, что Пышка только по торчащим макушкам скал, обрамляющим расщелину, определила, где находится её нора. Росомаха забегала по бугристой мешанине, пытаясь уловить запах или услышать писк детёнышей. Единственное, что удалось ей вынюхать и раскопать, работая не только когтистыми лапами, но и зубами, – это мятый окровавленный ком: всё, что осталось от куропатки.

К утру о впрессованные в снег камни и сучья были сломаны несколько когтей, разодрана до крови кожа на лапах. Но кроме измочаленного зайца и ещё двух куропаток она ничего не нашла. Обессиленная мать задремала в одном из раскопов.

Разбудило её бьющее в глаза солнце. С трудом поднявшись на кровоточащие лапы, Пышка оглядела снежную мешанину, покрытую оспинами вырытых ям. Где-то под этой толщей её малыши! Глаза росомахи наполнились тоской: она понимала – их уже не спасти. Тем не менее, всё ещё надеясь на чудо, несколько раз кругами обошла полузасыпанные скалы, и, ничего не вынюхав и не услышав, побрела прочь, оставляя на снегу алые капельки.

От нервного потрясения росомаху охватила жажда движения. Она бездумно шла и шла, наращивая скорость, словно куда-то опаздывала. Широкие, покрытые жёстким волосом лапы были идеальными снегоступами. Соски распирало от прибывающего молока. (Эти болезненные ощущения продолжались ещё пару дней: пока молоко наконец «не перегорело».)

Крутые склоны очередного ущелья сходились всё тесней и тесней. Соединившись, в конце концов они вывели росомаху на водораздельный гребень. Ветер срывал с него снежную пыль. Искрясь на солнце, она тянулась в воздухе полупрозрачным шлейфом. Отсюда перед Пышкой открылась широкая лесистая падь, упирающаяся в смазанные дымкой хребты. Самый ближний, изрезанный мазками каменистых обнажений и осыпей, выделялся массивной, похожей на гигантскую нахохлившуюся куропатку горой.

Местность малознакомая, но черно-зелёные, посеребрённые снегом склоны, витиеватые змейки речушек, торчащие там и сям скалы напоминали прежний участок. Пышка понеслась равномерными махами вниз, взбивая снег и наслаждаясь скоростью.

Впереди с дерева посыпалась снежная кухта. Росомаха остановилась. Всё в ней замерло, кроме глаз, «прощупывающих» кроны. Ах вон оно что – в ветвях мелькали белочки в тёмно-серых шубках, с чёрными пушистыми хвостами. Хищница стала наблюдать за весёлой компанией в надежде, что хоть одна из них спустится на снег. Проворные зверьки долго и беспорядочно носились по ветвям кедра, играя друг с другом. Но вот они наконец прервали беготню и, закинув на спину хвосты, разбежались по кудрявым вершинам с темнеющими кое-где пучками шишек и принялись деловито шелушить их. Расправившись с одной, принимались за следующую. На снегу валялось множество голых стерженьков и ещё больше чешуек. Неугомонные хлопотуньи и не думали спускаться. Временами они поворачивались друг к другу и начинали «беседовать»: звонко цокали, цвиркали.

Разочарованная Пышка побежала к речке. Под обрывистым берегом, на быстротечье, густо парила полынья. Подойдя к дрожащей от напора воды закраине, стала всматриваться в прозрачную черноту. Заметив тёмную спинку хариуса, напружинилась и, как спринтер на старте, подалась вперёд. Молниеносное движение когтистой пятерни – и хариус с веерообразным спинным плавником, сияющим всеми цветами радуги, забился на снегу. Отталкиваясь хвостом, он чуть было не соскользнул обратно в полынью: росомаха едва успела накрыть его лапой...

Подкрепившись, она продолжила рыбалку. Однако стайка была уже настороже, и Пышке удалось выхватить всего лишь одну беспеч-

ную рыбёшку. Хрумкая её, боковым зрением засекла промелькнувшего на белом фоне тёмного, с длинным туловищем зверя. Повернула голову: «А! Выдра*! Это неинтересно».

«Родственница» подбежала ныряющими прыжками к противоположному краю промоины и бесшумно соскользнула в воду. Пышка же продолжила знакомство с новым участком. На пологом склоне она наткнулась на непрерывно тянущуюся парную борозду. Росомаха знала, что такие следы оставляют только люди и они таят опасность, но, поскольку бежать по укатанному снегу было легче, она перескочила на них.

Глава 2

Ермил

Дед Ермил неторопко обходил на окамусованных** лыжах Дальний путик***. Как и подобает промысловику, одет он был легко, тепло и удобно: ничего не висит, ничего не задевает. На ногах – кожаные олочи, сшитые из прочной шкуры сохатого. Поверх штанин суконная «труба», привязанная полосками сыромятины к поясному ремню. Куртка – обрезанная солдатская шинель. Сзади трусила на поводке рыжеватая лайка.

Охотник то и дело с грустью поглядывал из-под седых, сурово сдвинутых бровей на забрызганные солнцем сопки, распадки, купол горы, которую в деревне из-за не тающей даже летом снежной шапки именовали Сахарной Головой. Через неделю закончится промысловый сезон, и он покинет эти места до осени. А может, и навсегда: как-никак разменял восьмой десяток.

Из-за болей в спине и прострелов в левую ногу он в эту зиму большую часть сезона провалялся в зимушке. Порой было так худо, что за дровами на четвереньках со стоном выползал. Оттого и пушнины кот наплакал: четыре соболя и две норки – харчи не окупишь.

---

* Выдра – как и росомаха, относится к семейству куньих. Сравнительно крупный хищник. Тело длинное, слегка уплощённое. Ведёт полуводный образ жизни в чистых горных речках. Питается преимущественно рыбой.

** Камус – шкура с голени северных оленей, лосей, маралов, изюбрей, лошадей, приклеиваемая к поверхности лыж, чтобы они не проскальзывали обратно при подъёме в гору.

*** Путик – охотничья тропа, вдоль которой устанавливаются капканы и ловушки. Обычно имеет замкнутую форму.

Одно утешало старого промысловика: на лабазе почти сотня тушек беляков. Слава богу, зайцев нынче прорва. (Лето выдалось благоприятным, и во всех трёх помётах большинство зайчат выжило.) Снег вокруг иных поваленных осин – заячьих столовых – до того истоптан, что по нему можно было шагать не проваливаясь. Старик, ставя петли на тропах и сбежках, каждый день по два-четыре беляка снимал. Ружьишко пускал в дело лишь тогда, когда сами набегали.

Доставшийся ему от отца участок за пятьдесят с гаком лет он исходил вдоль и поперёк. Здесь знакомо каждое дерево и каждый камень. Сызмальства повадился: как выдастся свободный день, так с отцом в тайгу. Такова уж натура. А что поделаешь с натурой-то? На промысле он не только не тосковал о семейном уюте и удобствах жилухи, а даже, наоборот, отдаваясь всем сердцем во власть древнейшей страсти – охоте, забывал и о жене, и о доме.

– Эх! Было времечко, по сорок вёрст за день по целине хаживал, ещё капканы успевал ставить! Как же я буду без этих сопок?! – сокрушался Ермил Фёдорович.

От грустных раздумий его отвлекла синица. Радуясь первому теплу, пичуга неутомимо звенела серебряным колокольчиком. Её поддержали бойкой трескотнёй белобокие сороки-сплетницы. Эти звуки отвлекли старика от невесёлых дум.

– Чего это они сказать пытаются?

И тут же увидел ответ – лыжню пересекли свежие собольи следы.

Чтобы Динка не порушила их, Ермил не стал отпускать её с поводка.

«А соболь-то бывалый – следы путает мастерски!» – подумал дед.

Вот он спрыгнул с ели на снег, нарыскал, напетлял, прошёлся по бурелому, сдвоил следы, сделал полутораметровый прыжок на пень, с него – на кучу хвороста, затем взобрался на берёзу и ушёл верхом, перемахивая с ветки на ветку.

Теперь только по осыпавшейся хвое да мелким сухим веточкам можно было определить направление его хода. На свежей пороше эти посорки были хорошо заметны. Вскоре следы опять вернулись на лыжню. Между стволов мелькнуло и тут же исчезло в ложбине коричневое пятно. Промысловик мгновенно превратился в зрение и слух: «Неужто нагнал?! Да крупный какой!»

Из-за взгорка показалась «прыгающая» вверх-вниз тёмная спина и прямо на Ермила выбежал косматый зверь размером с собаку. Охотник опешил:

– Ба-а-а-тюшки! Росомаха!

Внешне зверь напоминал медвежонка: приземистое, плотно сбитое туловище, короткая шея, толстые ноги с широкими ступнями. Но, в отличие от топтыжки, шерсть намного длинней и лохматей, а по бокам хорошо заметная золотистая полоса – шлея, дугой окаймляющая тёмно-коричневое поле спины.

– Вот это удача! – возликовал, забыв про соболя, старик.

Ещё бы! Мех росомахи обладает чрезвычайно полезным для таёжников качеством – на нём от дыхания не оседает иней. Последний раз Ермил Фёдорович встречал следы росомахи лет пять назад. В прежние годы этот зверь был в их краях завсегдатаем: иные охотники за сезон до трёх брали. Но и тогда ему попадались лишь следы, а тут – живьём!

– Надо же! Впервой на погляд подпустила.

Промысловику и в самом деле выпала большая удача: увидеть росомаху так близко мало кому удаётся: острый слух вкупе с тонким обонянием помогают этому зверю избегать встреч с человеком.

* * *

Бежала росомаха несколько боком, плавными скачками. В пышном зимнем наряде она казалась массивной. Более длинные задние ноги делали её фигуру сгорбленной. И трудно было представить, что под внешней неуклюжестью и неповоротливостью скрывается гибкое и сильное тело.

Из-за бокового ветра росомаха слишком поздно уловила тягучую едкость табака. Эта вонь и заставила её поднять голову. Увидев впереди двуногого и оскалившуюся собаку рыжей масти, она нырнула под согнувшиеся от тяжести скопившегося снега еловые лапы.

Ермил спустил Динку с поводка. Вскоре та забрехала зло, настырно: похоже, загнала на дерево! Точно, вон в развилке чернеет.

Увидев приближающегося человека, росомаха заметалась: то на него зыркнет, то на яростно лающего пса. Понимая, что двуногий с тускло блестевшей палкой опасней собаки, Пышка спрыгнула с ветки на снежную перину. Динка успела подскочить и хватануть её за ляжку, но тут же, отчаянно запричитав, закрутилась на снегу, будто юла. А росомаха побежала ровным галопом, почти не проваливаясь, дальше. Иногда она оглядывалась и, как казалось Ермилу, злорадно улыбалась.

Частокол деревьев мешал сделать прицельный выстрел. Расстроенный охотник прикрикнул на собаку:

– Чего спужалась?! Нагоняй давай!

Та, поджав хвост, поспешила возобновить преследование. Однако росомаха не только не прибавила ходу, а, напротив, остановилась и, повернувшись к лайке задом, задрала хвост. Обрадованная Динка с ходу набросилась, но тут же отпрянула. Мотая головой, завизжала. Вроде как заплакала от обиды и, тыкаясь, будто слепая, в обступавшие стволы, отскочила. Тошнотворная струя мускусной железы уго-

дила ей прямо в морду: бедная собака на некоторое время потеряла зрение и нюх*. Пышка же тем временем исчезла.

– Вот бестия! – ругнулся огорчённый Ермил. – Умеет постоять за себя.

От Динки, хотя она без конца тёрлась о снег и стволы деревьев, ещё несколько дней воняло так, что промысловик перестал впускать её в избушку. Чтобы верная помощница не мёрзла, охотник постелил на дно пихтовой конуры оленью шкуру. Переживал. Ведь когда его прихватывала болезнь, она приносила для него из своих драгоценных запасов косточки и, положив на нары, подталкивала поближе – мол, угощайся, погрызи. После чего, устроившись рядом, жалеючи урчала.

* * *

Сняв с путиков капканы и рассторожив все кулёмки**, пасти*** и прочие самоловы, старик сложил на лёгкую волокушу мешочек с добытой пушниной, провиант в дорогу и пяток тушек промороженных зайцев (остальных сын позже вывезет). Из зимовья, наполовину засыпанного снегом, вышел задолго до рассвета. До деревни было тридцать два километра, и Ермил, несмотря на хромоту, рассчитывал одолеть их дотемна.

Сойдя на лёд, он обернулся. Воронка растаявшего снега вокруг железной, в бурой окалине печной трубы, поленница свеженарубленных дров да разбегающиеся в разные стороны плотно накатанные путики указывали, что здесь обитал человек. Но пройдёт пара недель, метели занесут все эти следы-знаки, и зимовье примет нежилой вид.

Схваченный утренним морозом и прибитый ветрами снежный покров хорошо держал и волокушу, и человека. Под камусом в такт шагам поскрипывал снег. Попутный ветер не только с шипением гнал колючие кристаллы снега вдоль русла, но и подбавлял скорости путнику. Шлось так ходко, что Ермил уже к полудню оказался у высоченной обугленной сосны, расщеплённой ударом молнии почти до комля. В этом месте был поворот на тропу, идущую поперёк узкого лесистого отрога. Её прорубил ещё отец, дабы срезать дорогу к селу. Дело в том, что река через два километра упирается в скали-

---

* Некоторые едва улавливаемые нами запахи для животных нестерпимы. Настолько тоньше у них обоняние.

** К у л ё м к а – ловушка для пушных зверьков. Представляет собой загородку из вертикально вбитых в землю деревянных колышков. Перед входом давок из двух брусьев с приманкой на сторожке.

*** П а с т ь – опадная давящая ловушка на крупного зверя.

стый, изъеденный промоинами прижим и, круто загибаясь, возвращается обратно, только уже с другой стороны отрога. Посему отцова перемычка заметно укорачивала дорогу в село.

Когда охотник подъезжал с волокушей к берегу, он увидел у парящей промоины силуэт, похожий на чёрную каплю. Приглядел-ся. Опять она – росомаха!

Ермил узнал её по необычайно пышному, почти круглому хвосту. Старик ухмыльнулся в бороду: «Ну, голубушка, не обессудь! Сама напрашиваешься на шапку!» Подав крутившейся сзади Динке знак «лежать!», снял с плеча ружьё.

«Для верного выстрела далековато, но ежели подойти ближе – может заметить», – прикинул он. Вставив патрон с картечью, поймал в прорезь прицела убойное место. Выровняв мушку, плавно потянул спусковой крючок.

Пышка от раскатистого грома и резкого удара в основание хвоста взвилась так высоко, что чуть не угодила в промоину. Крутанувшись в воздухе, она в три маха взлетела на берег и исчезла в чаще столь быстро, что зверобой успел сделать вдогонку всего один выстрел.

Не дожидаясь, когда рассеется сизое облако дыма, Ермил бросился в погоню. Съезжая на речку, врезался в присыпанный снегом торос. Носок одной лыжины с треском переломился. Ехать стало невозможно. Охваченный охотничьим азартом, старик скинул лыжи и продолжил погоню. По льду пробежал легко, но в лесу местами стал проваливаться по самый пах. Уже через метров двадцать выдохся окончательно: месить рассыпчатую «крупку» не было сил.

Он ещё раз оглядел следы беглянки. По размашистым прыжкам и редким алым каплям на снегу понял: росомаха ранена, но легко.

– Без лыж не догнать!.. Даст Бог, выживет... Эк осрамился... Да уж, прежде-то не знал промаху, – бурчал себе под нос расстроенный промысловик, возвращаясь к речке. Вытесав топориком гибкую берёзовую плашку, приладил тонкими гвоздиками сломанный носок и побрёл в село. Но и в дороге никак не мог успокоиться:

– Трухлявый пень! В кои веки росомаха сама в руки шла, а я прошляпил. На печку пора! – бранился он, нервно теребя разлохмаченную ветром бороду.

Пышка тем временем поднялась на одну из вершин водораздельной гряды и легла на снег. Прислушалась. Погони нет. Можно перевести дух и попытаться избавиться от перебитого у основания хвоста: при любом движении он обжигал острой болью.

Свернувшись калачиком, росомаха в несколько приёмов перекусила полоску шкуры и измочаленные сухожилия. Когда она

поднялась, пушистый хвост – её гордость и краса – остался лежать на снегу. Зверю было странно и непривычно видеть его отдельно от себя.

Вылизав шершавым языком рану, она долго чистила испачканную кровью шерсть и умывала морду лапами. Приведя шубу в порядок, скрылась в таёжных дебрях. Росомаха хорошо запомнила лицо бородача, умеющего громом разящей палки перебивать хвост, и его рыжего зевластого сообщника.

Через несколько дней Пышка решила пройти по следам двуногого: не вернулся ли он. Шла осторожно, в стороне от парной колеи. Подойдя к логову, устроенному из сложенных друг на друга почерневших стволов, с шапкой снега сверху, убедилась, что её обидчик больше не появлялся.

Успокоенная росомаха возвращалась на свой участок напрямик, по длинному распадку. Его дно было густо усеяно беличьими следами-четвёрками. На рассыпчатом снегу они представляли собой ряд нечётких ямок. Отпечатки совсем «тёпленькие», даже запах не выветрился. А вон забил белый фонтанчик: белка шишку откапывает. Выверенный прыжок – и ужин обеспечен.

Теперь можно и отдохнуть. Промяв в снежной перине удобное ложе, Пышка свернулась в клубок. Хотела было по привычке прикрыть морду пышным хвостом, но ноющая боль в его основании напомнила, что теперь хвоста нет.

Глава 3

Весна идёт

Всё имеет начало и конец. Выстуженная и прореженная морозами тайга легко и свободно пропускала сквозь прозрачные кроны берёз и лысые ветви лиственниц тёплые лучи оживающего светила. Прогретые шишечки сосен и елей оттопыривали чешуйки, и из кармашков вовсю стали выпадать спелые семена. Вращаясь вокруг оси, они разносились ветром далеко от материнских деревьев.

Капель с каждым днём набирала силу. К вечеру, когда заметно холодало, не успевшие сорваться капли замирали на сосульках, удлиняя их изо дня в день. Сам снежный покров потемнел, потяжелел, стал зернистым; ребристые надувы и пузатые сугробы осели. Небо, раздвигаясь и поднимаясь всё выше и выше, приобретало хрустальную чистоту.

Возбуждённые глухари, в предвкушении скорых смотрин, надменно выпятив чёрную с зеленовато-синим отливом грудь, прохаживались на реди́нах. Опуская коричневато-пепельные крылья, они то и дело чертили на снегу упругими маховыми перьями любовные послания застенчивым капалухам.

Солнце уже хорошо прогревало южные склоны, и на обнажающихся участках щетинкой пробилась молодая трава. Между трухлявых валёжин появились сморщенные, будто от старости, гномики – строчки и сморчки – первые грибы. На оголившуюся макушку муравейника вылез муравей-разведчик. Ползая по разворошённой кровле, он оценивал ущерб и прикидывал, чем в первую очередь следует заняться после пробуждения рабочих муравьёв.

Пышка, выбрав место с хорошим обзором, обычно днём подолгу дремала на подсохших проплешинах, а в сумерках отправлялась на северные, всё ещё заснеженные склоны, к горным пикам. Именно там охота была удачливей: на южных ей почему-то попадались одни ежи. Увидев росомаху, они натягивали на лоб колючий капюшон и, насторожённо выглядывая из-под него, ждали, что будет дальше. Стоило ей сделать шаг, начинали угрожающе пыхтеть, слегка подскакивать, пытаясь уколоть иглами. После того как кончик одной иглы застрял в мочке носа, Пышка к этим зверушкам не приближалась, даже если была сильно голодна.

Лишь только муравейники ожили, росомаха в самый солнцепёк, чтобы удовлетворить потребность в кислой пище, клала на кучу мохнатые лапы. Отважные муравьишки, суматошно бегая, густо облепляли их и обстреливали сотнями едких струек. Их не смущало то, что враг в тысячи раз крупнее и сильнее. Как только нос Пышки начинало щипать от запаха муравьиной кислоты, она слизывала шевелящуюся массу и, тщательно разжевав, проглатывала. Затем набирала новую порцию. Наевшись, уходила, а бедные труженики, не ведая усталости, приступали к ремонту жилища.

* * *

Прошёл год. Вновь зазвенели от талой воды распадки. Речка вспучилась, взломала ледяные оковы и вырвалась на простор. Загрохотали перемалываемые в узких горловинах льдины. В тайге появились одиночные комары, почему-то большие и лохматые. Они мрачно гудели над головой росомахи, норовя усесться на нос. Вылезли из подземных каморок, прикрытых старыми листьями

и прошлогодней травой, шмели. Оглядевшись, они с гулом разлетались собирать нектар с первоцветов.

Лишь обозначалась заря на востоке, как тетерева, отрастившие перед брачными турнирами мясистые красные брови, спешили на зарастающие гари и моховые болота. Собравшись на проталинах, обрамлённых посеревшими холстинами уцелевшего снега, косачи, в строгих чёрных фраках с красиво загнутыми фалдами, начинали, раскинув крылья, время от времени подпрыгивать и воинственно «чуфыркать»: издавать далеко слышное шипение, похожее на «чуфыш-ш-ш», гортанно бормотать, булькать.

Этими полными страсти звуками, разносившимися в холодном, влажном воздухе, петухи вызывали соперников на турнир. Когда такой храбрец объявлялся, бойцы, до предела налив кровью брови и распушив вытянутые шеи, начинали демонстрировать сидящим на деревьях рыжеватым курочкам свою удаль – набычившись, топтались, надувались, гневно бубнили. Иные от избытка кипящей страсти взрывались чёрным сполохом трепещущих крыльев и взмывали свечой вверх. Каждый старался доказать сидящим вокруг тетёркам, что именно он самый достойный кавалер.

По завершении ритуала курочки улетали с выбранным партнёром к месту, которое было заранее облюбовано ими для строительства гнезда. Там, вдали от посторонних глаз и совершался праздник любви.

Пышка уже хорошо изучила свой участок. Больше всего её радовал царящий здесь покой. Парные следы двуногих встречались лишь на самом краю её владений, за лесистой грядой – как раз там, где она когда-то лишилась хвоста. Оттуда с осени, когда ложился снег, нередко доносились выстрелы, и Пышка долгое время туда не ходила. Но однажды, преследуя табунок оленей, всё же забежала и даже дважды пересекла следы двуногого. Задавив оленуху, росомаха больше недели провела возле неё. За всё это время Пышку никто не потревожил. И она стала заглядывать на эту территорию без былого страха.

Как-то ближе к закату Пышка отправилась к горбатой гряде: днём там стреляли. Идя навстречу ветру, она уловила в налётных струях аромат крови.

Ведомая густеющим с каждым шагом запахом, Пышка вышла на истоптанную лесную полянку. На побуревшей от крови земле лежала неряшливым комом требуха, голова и раздвоенные копыта оленя. Едва росомаха приступила к трапезе, как кусты зашевелились и выбежали волки-разведчики, тоже привлечённые запахом крови.

Подав стае сигнал «всем сюда», они, разойдясь полукружьем, устрашающе клацая зубами, стали подступать к росомахе. Но та

давно усвоила, что в таких случаях главное – вести себя уверенно и смущать противника взглядом в упор. Вон и вожак со своей свитой появился. Хвосты, приподнятые до уровня спины и немного изогнутые в средней части, выдавали их агрессивный настрой*. Матёрый, увидев Пышку, тяжело вздохнул: «Опять эта вонючка!»

Он хорошо помнил, каким нестерпимым смрадом она обдала его осенью, когда они с волчицей попытались отнять у неё добычу. Волк, грозно сверкнув глазами, глухо зарычал было, но по его обмякшему хвосту Пышка поняла, что серый не собирается драться. Коротким ворчанием она поприветствовала его. Тот в ответ примирительно улыбнулся и издал вполне дружелюбный рык. (Мимика у волков настолько красноречива, что эмоции легко «читаются».)

Некоторое время никто не двигался. Смотреть друг на друга долго в этой ситуации было бестактно, и звери то и дело отводили глаза в сторону. Наконец вожак, судорожно сглотнув слюну, отошёл и лёг на жухлую траву. Его примеру последовали остальные. Наевшись, Пышка взяла в зубы печень (знала, что после серых ничего не останется) и, сопя от сытости, удалилась. Все остались довольны друг другом.

Небогатая на звуки «речь» зверей, дополненная языком телодвижений и нервных импульсов, весьма выразительна. Там, где человек тратит много слов, зверю достаточно одного взгляда или позы. Так, поджатый хвост, чуть сгорбленный хребет, опущенная голова свидетельствуют о признании превосходства противника. Но особенно хорошо звери чувствуют друг друга по взгляду. В нём они могут прочесть всё. И если в глазах промелькнёт скрытое коварство, зверя уже не обманешь дружелюбным помахиванием хвоста. Самое хорошее взаимопонимание наблюдается у представителей конкурирующих видов. Оно и понятно – это помогает им избегать конфликтных ситуаций. В жизненно важных вопросах звери, как правило, идут на компромисс.

Росомахи – животные всеядные. Зимой в меню, конечно, преобладает мясо, как свежедобытое, так и падших зверей. При этом предпочтение отдаётся боровой птице: куропаткам, рябчикам, а если повезёт, то и глухаря задавят. Пышка тоже обожала дичь и особенно успешно добывала её из снежных спален.

Сегодня же она решила поохотиться у солончака, что в изголовье распадка. Хотелось добычи посерьёзнее. Обильно сочащаяся оттуда охристого цвета влага, стекая ко дну рыжими струйками, покрывала почву белёсой коркой соли. Она была густо истоптана копытами и вылизана до ямок оленьими языками.

---

* В отличие от собак хвосты у волков всегда опущены.

Дождавшись, когда к земле потянулись последние лучи и таёжную чащу наполнил мягкий свет тлеющего заката, Пышка побежала к солончаку по хорошо набитой тропке. Свежие вмятины от копытец козули* и кабарги вселяли надежду на успех. Ждать в засаде пришлось недолго. Лишь стемнело, послышался характерный перестук.

Готовясь к прыжку, росомаха, дабы блеск глаз не выдал её, прикрыла веки. Когда оленуха, не успевшая полностью сменить зимнюю, пепельно-серого цвета шерсть на рыжеватую летнюю, оказалась напротив, Пышка увидела, что та не одна – за ней бежал тонконогий оленёнок. У росомахи дрогнуло сердце. Она предупредительно уркнула и отвернулась. Косуля настороженно покосилась на хищницу и, самоотверженно загораживая собой детёныша, прошмыгнула мимо…

* * *

Наконец истлели последние сугробы. Снежные забои сохранялись лишь в глубоких тенистых ложбинках. Ветер старательно разносил по тайге прелые запахи прошлогодних трав и ошмётки спрессованных листьев. Готовясь к лету, наша героиня активно меняла роскошную зимнюю шубу на летнюю. Из-за торчащих во все стороны остатков длинной шерсти и выпадающего пуха она выглядела теперь неряшливо. Но не одна Пышка утратила привлекательность. Вон и белки из холёных красавиц превратились в тощих доходяг, а их шикарные хвосты стали похожи на истрёпанные плётки.

Талая вода схлынула, и желтовато-мутная река, войдя в берега, текла, гоняя по поверхности подвижные воронки. Пышка бродила по пойме и осматривала мелкие лужи в надежде поживиться рыбой. Заметив колебания спинных плавников, заходила в воду и, загребая когтистой лапой, выкидывала вёрткую серебристую рыбёшку на берег. Однако эта мелочь только распаляла аппетит.

Тем временем на галечную косу, заваленную плавником, вышла тощая медведица. За ней плелись три довольно упитанных медвежонка. Мамаша направилась к воронам, галдящим на многоярусном завале: по характеру крика чёрных кумушек она поняла, что там есть чем поживиться. Подойдя к нему, медведица раскатала стволы и, достав из-под них погибшую в паводок лису, подозвала

---

* Косуль в некоторых регионах Сибири называют козулями либо дикими козами.

медвежат. Двое из них, не желая делиться, стали с угрожающими воплями таращить глазёнки, толкаться, рычать, да так яростно, что ни один не мог приступить к еде.

Пока драчуны мерились силой, третий медвежонок спокойно хрумкал предложенное матерью угощение. Когда забияки прекратили бузу, от лисы осталась половина. Медведица же всё это время, не обращая внимания на отпрысков, грызла лосиный рог – бесценный источник минеральных солей. Когда детвора покончила с лисой, мамаша увела потомство в тайгу.

Как только семейка скрылась, Пышка подошла к месту медвежьей трапезы. От земли исходил запах чуть подтухшего мяса, но вокруг ничего, кроме клочков шерсти и парящих в прохладном воздухе кучек медвежьего помёта, не нашла.

Росомаха поскакала дальше: где-нибудь и ей повезёт. Точно – вон матёрый беляк на молодой травке кормится. Пышка под прикрытием поваленной лесины подкралась почти вплотную. Косой, поняв, что бежать поздно, не растерялся: опрокинулся на спину и, выставив вперёд лапы, замахал ими часто-часто. Налётчица отпрянула: не хотелось морду под когти подставлять. Заяц тем временем вскочил и отбежал на безопасное расстояние. Опять неудача!

Тщательно процеживая носом воздух, а он у росомах чует в лесу намного дальше, чем видят глаза, Пышка выхватила наконец аппетитный запах. Читая на ходу всё более густеющие воздушные послания и рассматривая встречающиеся следы, она шаг за шагом восстанавливала картину недавней трагедии.

Вот тут несколько косуль, а следом и серый перебежали через ключ. Волк долго гнал одну из них по тропе. А вон из тех кустов уже сильно пахнет кровью. Точно! Тут он её и зарезал. Волк здоровый: добычу не по земле волок, а закинул на спину. Куда же он унёс её? Пышка принюхалась. Запашистые струйки тянулись из кедрача.

Росомаха прильнула к траве и пошла, осторожно переставляя полусогнутые лапы: вдруг серый ещё там. «Сколько мяса, сколько мяса!» – подстрекательски трещала с осины сорока. Вот и выходной след. Совсем свежий. Стало быть, ушёл. По всей видимости, попить после обильной трапезы. Надо поторапливаться!

Увидев росомаху, терзающую его добычу, волк пришёл в бешенство и с ходу атаковал воровку. Но та не стушевалась: обнажив желтоватые клыки, с медвежьим рёвом сама ринулась навстречу. Серый оторопел от такой наглости и едва увернулся от просвистевшей перед мордой когтистой пятерни. Росомаха, сделав сальто через голову, всё же сумела полоснуть его брюхо длинными когтями снизу.

На отчаянные вопли товарища примчалась пара волков. Они решили проучить нахалку. Поодиночке серые не рисковали связываться с росомахой: низкая болевая чувствительность и хорошая реакция позволяли той драться отчаянно и с невероятным упорством. А сообща был шанс преподать дерзкой вонючке отменную трёпку. Но и тут у них ничего не вышло – росомаха взобралась на дерево и, не проявляя ни малейшего беспокойства, дожидалась, пока стае надоест караулить её.

Глава 4

Верхи. Отец Сергий

Село Верхи вытянулось тремя улицами вдоль берега озера, занимающего большую часть межгорной котловины. В центре – площадь. На ней с одной стороны двухэтажное здание бывшей конторы леспромхоза, с другой – школа с пришкольным участком. Основали Верхи при Екатерине Великой казаки и крестьяне, бежавшие сюда от расправы после подавления пугачёвского бунта. Топкие мари и дремучие леса, окружающие обширный, отдельно стоящий горный массив, надёжно ограждали беглый люд от царских властей. Сейчас с большаком село связывала семидесятикилометровая лесовозная дорога, по-змеиному вихляющая по сосновым гривам и марям. До середины девяностых годов XX века здесь, наряду с госпромхозом, был крупный леспромхоз. Могучие Уралы и КрАЗы за год вывозили по зимнику до миллиона кубометров первосортной древесины.

В то время в посёлке действовала школа-десятилетка, клуб с инструментальным ансамблем и художественной самодеятельностью, почта, два магазина. Но пришли иные времена, и леспромхоз как-то незаметно умер: вывозить многометровые хлысты мачтового леса стало невыгодно, а пригодная для сплава речка текла, минуя жилые края, прямо к студёному морю-океану. Клуб закрыли. Вместо трёхсот дворов осталось полторы сотни. Слава богу, что школу сохранили, правда, стала она восьмилеткой. Госпромхоз пока держался. И мужики продолжали, как испокон веку в тутошних краях, промышлять пушнину, бить на мясо зверя, ловить, вялить рыбу, подсачивать смолу у вековых сосен, вываривать пихтовое масло.

Связь с миром поддерживала автолавка. Два раза в месяц из города приезжал на вездеходе ГАЗ-66 экспедитор Семён Львович, лысоватый, рыхлый мужчина неопределённого возраста. За не схо-

дящую с округлого лица услужливую улыбку селяне прозвали его Подковой.

Приезда автолавки все, особенно дети, ждали, как праздника. К обеду собирались у единственного двухэтажного, рубленного из лиственницы здания – бывшей конторы леспромхоза.

Помимо ходового товара Семён Львович доставлял почту, газеты, пенсию, солярку для дизельной электростанции. А в город увозил ягоды, кедровые орехи, сушеные грибы, пихтовое масло. Зимой их сменяли мороженое мясо и дичь, в основном рябчики, куропатки, а также масло и творог.

Оставшись без работы, народ перешёл на самообеспечение. Стали сажать больше картошки, капусты, держать скотину, коз на шерсть; всё лето и осень заготавливали дары тайги. Кто не ленился – жил в достатке. Особенно выгодно оказалось собирать на продажу клюкву и бруснику: не портится и цена хорошая. Некоторые семьи за сезон до полутонны сдавали.

Подкова приторговывал и водкой, но на общем сходе ввели на её продажу запрет. Случилось это после того, как бывшие лесорубы, отмечая в конце зимы пятидесятилетие своего бригадира Игната, перепившись, стали выяснять отношения. Вальщик Герасим вспомнил, что Игнат когда-то лишил его премии за поломку мотопилы «Дружба». Словесная перепалка переросла в драку. Рассвирепевший Герасим схватил стоявший у печи топор и профессиональным ударом развалил обидчику череп. Придя домой, всю ночь пил, дико орал. Жена с детьми, опасаясь за жизнь, убежала к свекрови. То ли от курева, то ли от упавшей свечки, рубленный из смолистого кедра дом Герасима под утро полыхнул. Жар внутри был такой, что когда дотлели последние угли, то и костей не нашли – один пепел. Не знали, что и хоронить. Слава богу, ветра не было, а то и вся улица выгорела бы.

Эта трагедия потрясла селян: «Дожили! Куда катимся?!»

Собравшиеся на пепелище бабы голосили во весь голос:

– Двух таких орлов ни за что ни про что потеряли! Две семьи враз осиротели!

– Допраздничались!

Валентина, жена зарубленного Игната, чуть ли не на каждого мужика кидалась:

– Кто теперь моих пацанов поднимать будет?! Вы?! Пропойцы проклятые!

Тогда и порешили: «Больше водку в село не завозить!»

Приехавший через неделю Подкова попытался втихаря продавать, но случайно увидевшая это Валентина пришла в бешенство и ястребом накинулась на Семёна Львовича:

– Ещё раз привезёшь, оболью твою колымагу бензином и спалю!

Подкова до того перепугался, что на её глазах вылил две поллитровки и побожился соблюдать решение схода.

Ещё бы! Доход с каждой поездки и без спиртного почти в два раза превышал расходы: за иные дары леса магазины и рестораны платили ему в три раза больше, чем он селянам.

Более того, после введения сухого закона он уговорил охотоведа Степана Ермиловича, уже второй год исполнявшего и обязанности директора госпромхоза, закрепить за ним примыкающий к дороге на Верхи большой, почти в триста квадратных километров, промысловый участок. Местные охотники давно забросили его из-за удалённости. Для Подковы же он был очень удобен – так и так каждый раз проезжал мимо, да и горы там были не такие крутые, как на остальных участках.

* * *

В селе на взгорке стояла обветшавшая церковь, построенная в середине 19 века. Во времена леспромхоза её использовали в качестве склада и за зданием худо-бедно следили. А когда леспромхоз закрыли, она быстро пришла в запустение.

Весной, накануне Страстной недели, бабке Екатерине приснился сгоревший сын Герасим. Был он весь в чёрном: «Матушка, неприютно мне здесь, помолись за меня. Испроси у Господа искупления греха моего смертного». Женщина проснулась. Обливаясь слезами, она бухнулась на колени и до утра молилась перед образами. А подоив и выгнав в стадо корову, пошла к подругам. Рассказала про сон. Обсудив его, они сговорились перед Пасхой в Чистый четверг прибрать церковь и помолиться там вместе.

Целый день дотемна выгребали хлам, мыли пол, вытирали с сохранившихся росписей на стене пыль. На следующий день стали готовиться к Пасхе. Одна принесла Псалтырь в кожаном переплёте, другая – икону Казанской Божией Матери, Библию. Развесили вышитые полотенца, застелили скатертью стол для яиц и куличей.

Старославянский толком никто не знал, но всё же пытались читать по писаному, улавливая музыку молитвы сердцем.

После одного из таких совместных молений сваха Екатерины, бабка Люба, села на паперти. Счастливая улыбка озарила её лицо:

– Ой, девочки! Как здесь хорошо! И не уходила б никуда. Вот кто объяснит – молюсь, молюсь дома, всё одно страшно жить. А сюда

прихожу – и будто кто силы вселяет. И думаю: «С Божьей помощью как-нибудь поставим с Катей мальцов на ноги».

– Да и мне уходить отсель не хочется. Тут даже дышится легче.

– А что? Давайте каждое воскресенье собираться. Глядишь, ещё кто сподобится, присоединится.

Долгое время они так и ходили то втроём, то впятером. Их так и прозвали – «церковницы».

Однажды вместе с Подковой в село приехал священник и предложил крестить желающих полным погружением. И желающие нашлись. С той поры и кое-кто из мужиков стал заглядывать в церковь. А учитель истории с сыновьями захаживал. Мягкому и молчаливому старшему Сергею, любившему рисовать в уединении, царящая в церкви атмосфера до того пришлась по душе, что иногда приходил и без отца. Стоял, подолгу рассматривая лики. После окончания школы он поступил в медучилище на фельдшерское отделение.

Приезжая домой на каникулы, Сергей с раннего утра до захода солнца пропадал в церкви. Смастерил и поставил у входа две лавочки, побелил свободные от росписей стены, отремонтировал вместе с друзьями крышу. Окончив училище, он, уже работая на «скорой помощи», поступил в семинарию. Это в селе никого не удивило.

Ближе к окончанию его учёбы тётка Елена, взявшая на себя обязанности церковного старосты, поехала в епархию с просьбой направить парня после рукоположения в сан в Верхи. Епископ Филарет благословил. Так и образовался полноценный приход, а заодно и фельдшерский пункт.

Через год с небольшим отец Сергий обвенчался с одноклассницей, тихой работящей девушкой Ириной.

С Божьего благословения и при финансовой помощи пожертвователей – в основном выходцев из Верхов, живущих в городе, – селяне приобрели несколько икон и три колокола. Мастер золотые руки Николай Пуля в благодарность за то, что отец Сергий легко и без осложнений удалил мучавший его двое суток аппендицит, вырезал за зиму Царские врата и оклад для иконостаса. Женщины с энтузиазмом учились пению на клиросе. Вскоре у них сложился такой замечательный хор, что приехавшие из епархии на освящение колоколов и Царских врат представители духовенства во главе с епископом не могли скрыть восхищения.

Помимо служб отец Сергий каждое воскресенье после причастия читал проповеди. И такие они были мудрые и проникновенные, так брали за душу, что послушать их стало собираться чуть ли не полсела. Люди приходили не только за наставлениями, но и заодно обсудить свои болячки, испросить нужного лекарства.

* * *

По окончании Петрова поста отец Сергий отправился на речку Ворчалку порыбачить: завтра день рождения матушки, а она у него большая любительница рыбы.

День был ясный, тихий. Поляна, поросшая травой и полевыми цветами, звенела от стрекота кузнечиков. Впереди как-то странно летал орёл. Он то пикировал вниз, то вновь взмывал вверх.

– За кем-то охотится, – сообразил батюшка и прибавил шаг. Взойдя на бугор, увидел мчащегося по поляне зайца. Расчётливыми прыжками вбок он каждый раз уклонялся от грозного преследователя. Орёл тут же взмывал, а косой возобновлял бег. И когда стервятник, падая сверху, вновь выпускал крючковатые когти, заяц делал резкий бросок в сторону, правда, с каждым разом всё короче.

– Эх! Замотает! – сокрушённо вздохнул отец Сергий.

Но вот косой достиг пихтача и, бросив победный взгляд на пикирующую птицу, скрылся под зелёными лапами.

– Ай да молодец! – похвалил священник.

С остановками на пробные забросы он дошёл до верхних порогов, у которых обычно брал не меньше дюжины радужных хариусов. Но сегодня что-то ни одной поклёвки. Батюшка расстроился до крайней степени. Ещё бы! Чем же он порадует матушку?

Поднялся выше, к Ямам. И там ничего. Речка словно вымерла. Даже кругов на воде не видно. Лишь неосевшая муть в следах барсука. Тот, видимо, охотился за лягушками и в азарте несколько раз заскакивал в воду. На влажном берегу отчётливо видны отпечатки его лап. Похожи на медвежьи, только поменьше размером: пятипалая ступня с венчиком от когтей.

Отец Сергий прошёл ещё пару километров, закидывая наживку на быстрину, но безрезультатно. Только тут он заметил, что солнечный диск уже завис в проёме между гор. Поняв, что дотемна домой не успеть, батюшка расположился на ночлег прямо на берегу. Скромный ужин состоял из двух картофелин, пары сухарей, пластинки сала и чая из листьев смородины с чагой. Этот берёзовый гриб придавал напитку не только красивый коричневый цвет, но и вкус свежести, аромат леса.

Разбудили батюшку хлопки тугих крыльев. Не поднимая головы, отец Сергий приоткрыл глаза: сквозь прорежённый восходящим солнцем туман разглядел на беломраморных берёзах стаю тетеревов. Перелетая с ветки на ветку, они кормились листьями.

Полюбовавшись на краснобровых с лирообразными хвостами косачей, священник собрал в кучку потухшие головешки и запалил костёр. Выпив две кружки бодрящего чая, поспешил домой. Чтобы укоротить путь, пошёл, срезая извивы русла, напрямик.

Кедровка, летая перед ним зигзагами, скрипуче выкрикивала: «Тревога! Тревога!» Не жалея себя, она предупреждала обитателей леса о появлении самого страшного для них зверя – человека. Откуда ей было знать, что этот человек ни разу ни в кого не выстрелил.

Однажды, ещё в седьмом классе, друг уговорил пойти на охоту. Кто-то из взрослых подстрелил косулю. После короткой конвульсии она затихла, а из глаз, смотрящих, как казалось Сергею, с немым укором, выкатилась слеза. Ошеломлённый подросток при этом ощутил такую боль, словно свинцовая пуля угодила не в оленя, а в его сердце. С тех пор Сергей возненавидел охоту. Но в тайге бывать любил. Она заряжала, настраивала на светлые мысли, вызывала восхищение своей бесконечной и непостижимой красотой. Возвращался он после таких прогулок наполненный любовью и радостью.

С пологой седловины до отца Сергия донёсся непонятный звук: как будто кто-то скрёбся и урчал внутри пустой бочки. Свернув с перевитой мускулистыми корнями кедров звериной тропы, он увидел между обомшелых глыб чернеющий провал. Подошёл ближе – на дне глубокой ямы метался какой-то зверь. Когда глаза немного пообвыкли, разглядел молодого медведя. Тот стоял на задних лапах, вытянув передние вверх, и смотрел маленькими глазками с явно выраженной мольбой о помощи.

– Да уж, не повезло тебе! Погоди, что-нибудь придумаю, – участливо произнёс батюшка.

Косолапый перестал метаться и сосредоточенно вслушивался. Отец Сергий свалил стоящую неподалёку сухостоину. Толстый конец подтащил к провалу и стал опускать в яму. Это вызвало у пленника неожиданную реакцию: он зарычал и, с яростью набросившись на приближающуюся лесину, принялся с остервенением раздирать кору, кусать ствол. Священник опешил. Он понимал, что, спасая такого непредсказуемого зверя, сильно рискует, но не оставлять же живую тварь на верную смерть.

После нескольких злобных атак пленник сообразил, что лесина ему ничем не грозит. Покрутившись ещё немного вокруг неё, обхватил ствол лапами и полез наверх.

Выскочив из ямы, Пышка, а это была она, отбежала на несколько метров и, глянув на своего спасителя, благодарно уркнула. После чего, приныривая, скрылась в чаще. Увидев у зверя на боку широкую

рыжеватую полосу, отец Сергий понял, что это росомаха, только почему-то бесхвостая.

Хоть и не привечает это животное народная молва, батюшка радовался тому, что Провидение вчера так далеко увело его от дома.

«Расскажу матушке, вот радости-то для неё будет!» – подумал он.

Перекрестив вдогонку убежавшую росомаху, священник ещё какое-то время постоял с улыбкой на устах.

Глава 5

Сушь. Бескормица

За два месяца нещадно палящего солнца земля так иссохла, что даже вся трава пожухла. Местами она вообще исчезла, как будто спряталась от зноя. За всё это время на выбеленном небосводе не появилось ни облачка. Изредка налетавший ветерок не ослаблял жары. Речка превратилась в длинную галечную ленту. Лишь кое-где среди камней сочились вялые струйки.

Умолкли птицы. Одни лишь стрекозы неподвижно висели в полуденном мареве, да звенели на высохших стеблях неугомонные кузнечики. Разогретые солнцем кедры источали густой смоляной дух. А над куртинами болотного багульника стоял такой дурман, что человека, попавшего в их невысокие заросли, вскоре начинал одолевать сон. Задержись на такой полянке на пару часов – останешься на ней навеки.

Зато исчезли комары и гнус. Правда, на смену им появились кровососы похлеще: тучи слепней и оводов. Но эти атаковали только днём. С наступлением сумерек можно было передохнуть.

Пышка спасалась от жары на дне тесного ущелья, заваленного обломками скал. Поскольку солнце заглядывало в него мимоходом, здесь всегда царили полумрак и прохлада. Росомаха выбиралась из этого природного холодильника лишь для того, чтобы утолить голод. К сожалению, вылазки всё чаще оказывались безрезультатными: изнывающая от зноя и безводья тайга почти опустела. И до засухи живности в этот год было меньше обычного. Зимой небывалые морозы и затяжные снегопады основательно подкосили численность животных и птиц. Боровую же дичь добил случившийся ранней весной обильный дождь. Следом, как это часто бывает в этих краях, ударил мороз, закупоривший большую часть ночевавшей в снегу птицы. Пережившие зиму олени откочевали на восток. Рыба, предчувствуя засуху, скатилась в большую реку.

У Пышки, правда, было два праздника для желудка. Первый – весной, когда начал таять снег. Росомахи по своей природе санитары: не брезгуют ни падалью, ни мясом с душком. И когда стали вытаивать туши погибших в зимнюю бескормицу зверей – оленей и более мелких животных – Пышка каждый день наедалась до отвала. Понимая, что подобное изобилие не вечно, она часть падали разнесла по «кладовым». Чтобы мясо дольше сохранялось, устраивала их в тенистых низких местах.

Второй такой праздник случился, когда с юга полетели к северным гнездовьям утки. Они шумными стаями садились ночевать на мелководные заводи. Порой пернатых было так много, что над водой стон стоял. Вот уж попировала тогда росомаха! Ловила просто: ночью сталкивала в воду кусок коряги и, спрятавшись за ней, незаметно подплывала к дремавшим птицам. Оказавшись рядом, хватала ту, что поближе. Но никто из пернатых так и не остался в этих краях, не свил гнезда – наверное, тоже чуяли надвигающуюся сушь. Пышку какое-то время выручали сделанные весной запасы. Когда они кончились, росомаха, рыская по тайге, обнаружила в яме под речным прижимом плескавшуюся рыбёшку. Но её хватило всего на три дня.

Пышка поняла, что из этой пустыни пора уходить. Подчиняясь внутреннему голосу, она направилась к синеющему вдали острозубому хребту, за которым каждый вечер пряталось раскалённое светило.

Перевальной седловины достигла за два перехода. С неё открылась обнадёживающая картина. В отличие от оставшейся за спиной иссушенной, выжженной солнцем тайги, здесь всё зеленело, на полянках колыхалось на ветру густое разнотравье, цвели ромашки, иван-чай. Хрустальный перезвон воды, текущей под камнями, вплетался в пение лесных птах. Пышка повеселела – дожди не обошли эти места.

По дну тенистой ложбины росомаха спустилась к роднику, бегущему на север. Жажда так измучила её, что она пила и пила без остановки, словно боялась, что вода исчезнет. Напившись, продолжила путь не сразу. Переведя дух, ещё раза два приложилась к роднику. Только после этого пошла по берегу бойко лопотавшего ключа. Торопливо сбегая по дну ущелья, он собирал дань с каждой ложбинки и как-то незаметно окреп до размеров речушки.

Решив, что пора отдохнуть, Пышка прилегла на траву рядом с вытекавшим из распадка ручейком. В месте его впадения в речку образовалась небольшая заводь. На дне, в кутерьме ярких солнечных бликов, угадывался массивный топляк. Приглядевшись,

Пышка различила колышущиеся по его бокам плавники. Неужели таймень? Выступающий из воды краешек хвоста подтвердил: точно, он! Да какой здоровенный!

Лениво пошевеливаясь, «северный крокодил» охлаждался в родниковой воде. Но, как вскоре выяснилось, затаился он тут неспроста.

На берег опустилась стайка куропаток и принялась склёвывать мелкие камешки. Вдруг вода вспучилась и из неё вылетела зубастая пасть. Схватив зазевавшуюся птицу, она тут же исчезла. Куропатки дружно перелетели на соседнюю излучину и как ни в чем не бывало продолжили прерванное занятие. Вскоре одна из них перекочевала в желудок Пышки.

Сытая росомаха весело поскакала по берегу речки дальше. Под вечер лесистые склоны раздвинулись, и открылась гладь озера. Слева в него обрывались высокие гранитные кручи с зелёными островками кедрового стланика. Справа подпирал пологий берег, заросший плотно стоящими елями.

Скалы, деревья, отражаясь в зеркале озера, казались опрокинутыми в него – до того тиха была вода, неподвижен и ясен воздух. Золотистые блики солнечной дорожки делили водоём на две части. Нет-нет да кое-где плеснёт рыба. В устье речушки табунились, касаясь спинными плавниками поверхности воды, ленки. Росомаха облизнулась, но их было не достать.

На противоположном берегу виднелось несколько надломленных ветром белых столбиков. Приглядевшись, Пышка сообразила, что это дым и поднимается он из таких же, как у лишившего её хвоста двуногого, построек, только большего размера. По открытой воде оттуда доносились крики птиц, блеяние коз, густое и протяжное мычание, напоминающее рёв сохатых.

«Вот где можно поживиться!» – обрадовалась росомаха и поспешила на разведку. В низменном чернолесье наткнулась на пахучие метки сородича. Вон и отпечатки его лап. Самец! Крупный!

Неплохо бы познакомиться*. Но она не стала отвлекаться и продолжила путь.

Логова двуногих уже были хорошо видны. Первый ряд тянулся вдоль берега, остальные, разделённые широкими тропами, проходили в отдалении. Возле каждого большого строения были ещё и поменьше. И все они огорожены тонкими сухостоинами.

---

* Брачный сезон у росомах, как и у соболей, растянут с мая по август, но максимальная интенсивность спаривания приходится на июль. Потомство же благодаря паузе в развитии эмбрионов рождается в феврале-марте.

Росомаха взобралась на разлапистую сосну и стала наблюдать за крайним, самым ближним к ней, двором.

Возле небольших построек прохаживались утки, копошились похожие на капалух птицы. За оградой паслись козы.

«Как много еды», – радовалась, предвкушая добычу, Пышка. Правда, настораживало то, что по двору сновали двуногие.

Наконец солнце послало последний луч света и скрылось за обугленными зубцами. Сумеречная мгла незаметно заполняла, растворяла всё вокруг. Когда совсем стемнело, монотонно зарокотал какой-то, похоже, очень большой, зверь. Из проёмов построек полился золотистый свет. Но больше всего росомаху изумили ярко вспыхнувшие на макушках высоких «сухостоин» маленькие солнышки. Когда рокот прекратился, они погасли, и всё погрузилось во тьму. Дождавшись полной тишины, Пышка, вглядываясь в чёрные силуэты построек, опасливо прокралась к ограде, переплетённой цепкими, шершавыми плетями хмеля. Среди доносившихся со двора запахов свежего навоза, душистого сена, псины – один показался ей особенно знакомым. Так пахло от двуногого, который своей огнебойной палкой лишил её хвоста. Пышка вспоминала его с неприязнью всякий раз, когда надо было укрыть нос от кровососов.

Это встревожило росомаху. Она замерла в нерешительности, но близость богатой поживы приглушила страх. Найдя в ограде удобную лазейку, Пышка осторожно протиснулась в неё и оказалась… у собачьей конуры. Чутко дремавшая Динка высунула голову. Кольнув росомаху острым взглядом, она признала зловредную вонючку, но атаковать не решилась. Ограничилась оглушительным лаем. Её тут же поддержали соседские псы. Заливистый гвалт волной покатился по селу. Росомаха тоже опознала старую знакомку: это её зимой она обрызгала струёй мускуса.

В человечьем логове тем временем затеплился огонёк. Пышка, юркнув обратно, поспешила под защиту леса. Она была не столько испугана, сколько расстроена постигшей её неудачей. Но вскоре эти чувства сменились злостью: сначала её лишили хвоста, а теперь испортили охоту. Остаток ночи росомаха провела на мысу, острым клювом уткнувшимся в воду. Вытянувшись на щербатой плите, ещё хранящей дневное тепло, она раздражённо прислушивалась, как перебрехиваются и подвывают встревоженные псы. Чем дольше слушала, тем сильнее было желание досадить обидчикам.

Когда солнце позолотило морщинистую кору вековых кедров и заставило свечами вспыхнуть стволы берёз, Пышка вернулась на свой наблюдательный пункт и весь день терпеливо следила за происходящим в селении. Самцы двуногих по большей части сидели у ограды, самки же мыли на реке разноцветные шкуры, на поле колотили палками вокруг зелёных пышных кустиков.

Колотили так, что поднималась пыль. Одни детёныши двуногих копошились на куче с песком, другие с визгом и криками гонялись друг за другом.

Вон и белоголовый обидчик вышел из своего логова. Пройдя мимо построек к заросшему невысокой травой холмику, он ненадолго скрылся и появился уже с чем-то красноватым в руках. Сколько ни напрягала зрение росомаха, она никак не могла разгядеть, что это. Подсказку принёс ветер.

«Ого! Мясо! – Пышка судорожно сглотнула обильную слюну. – Оказывается, двуногие тоже устраивают схроны в земле! Ну что ж, ночью наведаюсь!» – «улыбнулась» росомаха.

Человек скрылся в логове, но ненадолго. Вскоре он вынес миску и поставил её перед конурой. Рыжая псина с жадностью набросилась на еду. Белоголовый, походив по двору, вышел за ограду и сел на сухое бревно под берёзой. Засунув в рот белую палочку, стал время от времени выпускать изо рта клубы дыма.

Пышка была поражена: «У этого двуногого даже маленькая палочка изрыгает дым и огонь! С ним надо быть поосторожнее».

Ночью, когда стихла вялая собачья перебранка, росомаха спустилась на землю и прокралась при дрожащем свете звёзд к холмику на поляне. Ей не терпелось добраться до мяса. Обойдя схрон вокруг, нашла спуск. Он вёл к обитой шкурой двери. Сквозь узенькую щёлочку сочился будоражащий аромат. У Пышки внутри всё затрепетало. Она была готова на любой подвиг, лишь бы проникнуть в скрытый за дверью мясной склад. Осторожно спустившись по трём дощатым ступенькам, хищница толкнула дверь. Та не поддалась. Навалилась плечом – и это не помогло. Как быть?

Запустив в щель когти, росомаха потянула дверь на себя. Она чуть подалась, но дальше не пускала железка с загнутым «клювом». Росомаха осторожно дотронулась до неё. Убедившись, что та не опасна, потихоньку, чтобы не разбудить собаку, стала толкать её во все стороны. В какой-то момент железка вышла из скобы и безвольно повисла.

Щель сразу расширилась. В образовавшийся проём на Пышку хлынула такая густая волна заячьего духа, что у неё перехватило дыхание. Голодный зверь был вне себя от счастья – за дверью оказалось столько мяса, что будущее представилось в самом радужном свете…

Глава 6

Грабежи

Царил полдень – знойный, тихий. Погружённый в маревую дымку лес как будто колыхался. На скамейке у ворот, под ажурной тенью берёзы привычно сидел, небрежно зажав между двух пальцев самокрутку, дед Ермил. Лоб и заросшие колючей щетиной щёки блестели от пота, словно намазанные салом. Изнывая от жары, он то и дело отирал рукавом рубахи выступающий бисер пота и отмахивался от налетавших слепней.

Попыхивая дымом сквозь густые, прокопчённые до желтизны усы, старик поглядывал то на копошившихся в пыли куриц, то на осанистого петуха, то на щиплющих траву ослепительно

белых гусей, то на пробегавшую с гиканьем ребятню. От всего этого в душе Ермила Фёдоровича царило умиротворение, которое враз разрушило приближающееся причитание:

– Господи, за что ж така напасть?! Убыток-то какой!

Калитка распахнулась: к нему семенила разгневанная старуха.

– Скока можно дымить! Ты почто дверку в ледник не затворил? Уж всё запотело, отмякло.

Старик недовольно вскинул глухариные брови:

– Чё расшумелась! Не был я сёдня там!.. Сама, небось, не заперла… Докурю – гляну…

Спустившись по ступенькам в ледник, Ермил сразу почувствовал, что в нём и впрямь заметно потеплело. Запалил свечку. Когда глаза привыкли к полумраку, оглядел запасы. У дальнего края за дощаной стенкой лежала вперемежку со льдом нарубленная кусками лосятина – сын дал, ближе к двери возвышалась гора набитых зимой тушек зайцев. Только вот брезент, прикрывавший их для лучшего сохранения холода, почему-то лежал в проходе. Подняв его, промысловик увидел погрызенную заячью голову. Самой тушки не было.

– Вот это да тебе! Кто ж так похозяйничал? – Выругавшись, старик вышел и, накинув на ушко крючок, для верности подпёр дверь ещё колом.

Утром, выгнав корову в стадо, он заторопился к леднику. Все запоры на месте, следов на росной траве нет. Вот и славно!

В следующие два дня дед не выходил из дома: ноги опять отказали. Беспокоясь за припасы, он отправил к леднику старуху. Там всё было в порядке. На третий, как только полегчало, поковылял сам. Его взору предстала картина возмутительного по наглости набега: дверь снизу прогрызена, на земле желтели щепки, кусочки древесины, а заячьих тушек явно поубавилось. По мускусному запаху было ясно: тут похозяйничала росомаха.

– Уу-у, паскуда! – загудел Ермил Фёдорович, потрясая костлявым кулаком. – Ну погоди, мы тоже не лыком шиты! Посмотрим, кто кого!

Исторгая все известные ему мудрёные русские изречения, он принёс из сарая двухпружинный капкан с цепочкой и потаском на конце. Спустившись к двери, заткнул пуком сена дыру, а капкан установил в выкопанную перед ней ямку и слегка притрусил его травой.

Росомаха повторила набег лишь на четвёртый день. В этот раз погром был ещё более ужасным: дверь прогрызена теперь с другого края и из дыры сочится тошнотворный запах. Распахнув дверь,

Ермил увидел на заиндевелых заячьих тушках несколько расплывшихся жёлто-коричневых пятен. Он от ярости заскрежетал остатками зубов.

– Да что же она прицепилась ко мне? Неужто та, что зимой подранил? Надо Динку тута привязать. И как это я раньше не смякитил? Эх, старость не радость!

Но лишь только он подвёл собаку к леднику, та, жалобно скуля, стала что было сил упираться. Вырвавшись, убежала и не появлялась во дворе до следующего дня.

Проклиная всё на свете, старик зашагал прямо через огороды к дому сына – Степана, работающего в госпромхозе охотоведом. Поспел в самый раз: сын, сидя на нижней ступеньке высокого крыльца, натягивал кирзовые сапоги. При этом уворачивался от поджарого, белой масти кобеля с черными «сапожками» на лапах, пытавшегося лизнуть его лицо. Когда псу это удалось, загнутый кренделем хвост от восторга заходил ходуном.

Степан потрепал загривок Мавра с нежностью, никак не вязавшейся с его суровым обликом. Ястребиный нос, густая чёрная, с едва наметившейся сединой борода и усы придавали его лицу угрюмое выражение. Взгляд зеленоватых глаз из-под нависших косматых, точь-в-точь как у отца, бровей был насторожённым и цепким. Степан был до того высок, что в иные избы ему приходилось входить пригнувшись.

– Доброго здоровья, сынок. Дело есть! – Ермил зачем-то помял мясистый, с красными прожилками нос и продолжил: – В общем, так: росомаха повадилась зайцев таскать из мово ледника. А ноне вообще всё мясо испоганила. Така вонь – дышать не можно! Без мяса оставила! Подсоби изловить али пристрелить воровку. Хитрющая, зараза, ничего не боится! Запор поставил – дверь прогрызла. Капкан насторожил – обошла.

– Да-а, батя! Не повезло тебе. Признавайся, где ей насолил?

– Да было дело… Ранил в конце сезона одну.

– Вот она и сводит счёты.

– Так тем паче изловить надо.

– Ладно, поймаем твою обидчицу. У меня как раз с прошлого года заявка на живоотлов росомахи лежит. Вот на семинар съезжу и займусь…

Отец недовольно закряхтел, сдвинул ершистые брови:

– Япона мать! Так она ж к тому времени не токмо припасы, но и всех курей кончает, а бабка – меня. Коль страх потеряла, скока ещё напакостит… Знаешь же, росомахи на башку отмороженные, хуже медведя. Отец сказывал, что как-то собака ему склад росомаший нашла. Сорок куропаток насчитал… И эта не успокоится, покамест не перетаскает всё.

– Извини, батя, но по-другому никак. Семинар важный, по новому учёту – не поехать не могу. А чтоб кур не трогала – не запирай ледник. Мясо всё одно испорчено.

Ермил в сердцах затоптал брошенный окурок и, махнув рукой, ушёл.

Глава 7

Охота

Получилось так, что на летний учёт зверей собрались только через две недели.

Осторожно, чтобы не разбудить семью, Степан пробрался на кухню. Выпил вприкуску с хлебом простокваши. Снял со стены ружьё. Отработанным движением приложил его к плечу и, прижавшись правой щекой к ложу, мгновенно поймал мушку.

Подхватив приготовленный рюкзак, вышел во двор.

– Чего, брат, грустишь?! Вставай, в тайгу идём.

Остромордая лайка недоверчиво приподняла голову. Увидев на плече хозяина ружьё, преобразилась: глаза загорелись, закрученный в кольцо хвост заплясал из стороны в сторону. Теперь уже Мавр поторапливал: поскуливая и нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу, подталкивал Степана к калитке.

Заря едва подсветила восточный край неба, а промысловики уже собрались возле бревенчатой конторы госпромхоза. Выходить на летний учёт зверя и дичи следовало затемно: появится солнышко – и следы на росной траве исчезнут.

Мужики курили и оживлённо обсуждали наболевший вопрос: будет дождь или нет? Наметившаяся с вечера облачность давала какую-то надежду.

Недовольные затянувшимся ожиданием собаки грызлись между собой. Особенно старался чёрный кобель Михаила Макаровича – одного из старейших штатных охотников. Правое разорванное пополам ухо драчуна свисало к надбровью, а второе высоко торчало. Это придавало его морде обманчиво-добродушное выражение. Оно-то и сбивало всех с толку. Когда он начинал чересчур буйствовать, Макарыч одёргивал: «Уймись, Тайфун! Кому говорю! Уймись!» Тот в ответ подбегал и с виноватым видом тёрся о голенища сапог. Вторая лайка Макарыча, гордая своими шароварами и закрученным в полтора кольца хвостом, в грызне не участвовала – держалась особняком.

Самого Михаила Макаровича селяне зачастую величали Поддубным. Природа скроила этого человека по особому заказу: широкая грудь, кряжистый торс, узловатые руки, бычья шея.

На учёт вышло семь бригад. Каждая должна пройти по три маршрута и отметить на карточках обнаруженные следы и места визуальных встреч с животными, боровой дичью. Степан, кроме Макарыча, взял в свою бригаду прибывшего на практику долговязого студента Васю, голубоглазого, по-мальчишески нескладного паренька с огненно-рыжими вихрами.

* * *

Похожие на взгорбленных медвежат росомахи бежали, принюривая, вверх по долине ручья. Судя по размерам – самец с самкой.

Увидев людей, они проворно скрылись.

– Подождём. Если сразу гнать, могут бежать весь день, – тормознул спутников охотовед.

– Странно, что их две … Ты про одну говорил, – обернулся к Степану Макарыч.

– Так гон начался. Вот и спарились. Когда вдвоём, они не так чутки. Потому нас и зевнули. Похоже, пришлые, из-за хребта – там нынче сушь небывалая.

– Как это я сразу не сообразил, – подосадовал промысловик. – Слушай, Степан, мне показалось али нет? Одна, кажись, без хвоста.

– Точно, без хвоста! А я подумал: поджала, что ли?

– А разве росомахи без хвостов бывают? – удивился студент.

– Всякое бывает. Есть же люди без ноги или без руки, – откликнулся охотовед. – Могла в драке потерять. Для этого зверя авторитетов нет. Прёт как танк: или победит, или погибнет. Одна может у стаи волков добычу отнять.

– Нам на лекции говорили, что росомаха страшно прожорлива. С латыни её название так и переводится – обжора!

– Ну как сказать, – замялся Степан. – На мой взгляд, это утверждение неверно. Судя по размеру желудка, она вряд ли способна съесть больше четырёх килограммов. Так про росомаху говорят, скорее всего, потому, что она большую часть добычи сразу же растаскивает по схронам. А названий у неё много. У норвежцев – «горный кот», у финнов – «обитатель скал», у шведов – «отважная». Вот и решай – кто же она на самом деле.

Охотовед подвёл Мавра к месту, где скрылась парочка, и приказал:

– След!

Пёс старательно всё обнюхал и молча понесся в чащу. Собаки Макарыча бросились вдогонку.

– Студент, слушай лай. Он о многом говорит. Умная собака, когда нагонит зверя, лает сначала негромко и редко, чтобы не напугать его и в то же время привлечь внимание хозяина. Когда хозяин подходит, лай становится громким, азартным и злобным, – на бегу объяснял Степан.

Вскоре донеслось позывистое подвывание с нотками охотничьей страсти. Учётчики, привычно лавируя между деревьями, бросились изо всех сил на голос: знали, что медлить нельзя, – когтистая и вёрткая росомаха способна серьёзно покалечить собак.

Загнанных в бурелом зверей псы облаивали, давясь от ярости. Вдруг все трое с визгом отпрянули. Это угрюмый кавалер Пышки, задрав хвост, выпустил в собак жёлто-коричневую струю. Псы от едкого, нестерпимого смрада принялись, жалобно скуля, тереться мордами о траву. Больше всех досталось Мавру: часть жидкости угодила ему прямо в нос.

Вонючки же, пользуясь моментом, скрылись. Собаки, чувствуя вину, прятали от стыда глаза, заискивающе виляли хвостами, но по следу пошли только после окрика.

Весь день, изнемогая от духоты, они мотали звероловов по буреломному лесу. Сами измучились – дышали надсадно, словно запалённые жеребцы, и хозяев уморили. Возьмут след, пробегут сто-двести метров и теряют.

– Штоб вас волки съели! – сердился Макарыч.

– Чего зря ругаешься? Росомахи же им нюх попортили, – вступился за собак Степан.

Не забывая об основной работе, учётчики на ходу обозначали карандашом в карточках встречавшихся зверей и дичь. Кого-то видели визуально, кого-то определили по следу, кого-то по свежему помёту. Чаще всего появлялись пометки «рябчик», «заяц».

– Медвежьи задиры! Степан Ермилович, смотрите! Медвежьи задиры! – восторженно завопил Вася, показывая на разодранную когтями сверху вниз кору пихты с потёками смолы.

– Хвалю! Приметливый! – похлопал его по плечу охотовед. – Только не надо так шуметь: зверь пугается. В нашем деле главное – выдержка... Глянь, а на этом стволе задиры ещё выше. Представляешь, какой громила тут ходит!

Под вечер сплошь облепленные репейниками собаки уверенно вывели охотников на галечную излучину, но тут опять скололись со следа и растерянно забегали по прогретым за день камешкам. Сделав несколько кругов, каждый шире предыдущего, лайки, вывалив

языки, встали. Мавр вообще был близок к отчаянию: тошнотворный запах росомашьей струи заглушал все прочие. Собакам Макарыча тоже повсюду чудился запах росомах.

– Эх вы, пустобрёхи! Облапошили вас росомахи! – подтрунивал Степан.

– За речкой озеро с островом, вокруг зыбуны. Место крепкое, скорей всего, туда и умотали, – предположил Макарыч.

– С утреца проверим, а сейчас ночёвку пора ладить.

– Степан, может, ко мне – тут недалече? Версты две, не боле.

– А что? Хорошая идея! Пошли.

Глава 8

Беседы

Наполовину вросшая в землю избёнка с почерневшими венцами и односкатной, с широким напуском, крышей стояла на краю елани, зажатой между лесистым отрогом и бойким ключом. У южной стены – поленница крупно наколотых дров. Одна из тропок сбегала мимо неохватных сосен прямо к каменистому ложу ручья. Когда подходили к зимовью, с берёзы слетела парочка рябчиков. Спланировав в разные стороны, они задорно засвистели.

– Узнали, сорванцы! Всю зиму подкармливаю. С ними хорошо! Вон как чисто трельку выводют! – потеплевшим голосом пробасил Макарыч.

Дверь в избушку была открыта настежь и подпёрта поленом для проветривания. Внутри сумрачно и прохладно. Углы тонули в полумраке. Маленькое подслеповатое оконце едва освещало стол и прокопчённые за многие годы венцы. С обеих сторон стола – нары из толстых деревянных плах, застеленных лосиными, уже изрядно потёртыми шкурами. Слева – железная печь. Вдоль стен – полки с посудой, мотками верёвок, правилки. Под потолком – перекладина для сушки одежды, на крючьях мешочки с крупой, сухарями.

Чтобы не нарушать царящей здесь прохлады, ужин готовили на костре. Горячие струи воздуха, поднимающиеся от него, мерно покачивали тёмные ветви обступавших деревьев. Уставшие собаки повалилась тут же, расслабленно вытянув лапы. Задремавший Мавр и во сне продолжал охотиться: бил хвостом, хрипло рычал, будто бежал за зверем.

Поели, помыли посуду, а чай, заваренный на листьях зверобоя и смородины, пошли пить, спасаясь от кровососов, в зимушку. Макарыч с трудом протиснулся сквозь узкий дверной проём.

– Когда рубил – худой был, – оправдывался он.

– И как давно рубили?– полюбопытствовал практикант.

– Давненько. Ты, поди, и не родился ишо.

Поскольку уже стемнело, пришлось зажечь свечку. Только тогда заметили в колеблющемся пламени листок, пришпиленный ножом к стене.

– Кто-то гостил, – Макарыч снял записку и протянул практиканту. – Прочти, очки дома оставил.

– «Благодарствую за приют. Этот нож – за глухаря. Грешен, не устоял, подстрелил на твоём участке. Не серчай. Обнимаю. Лукьян».

– Плохо, конечно, что подстрелил, но молодец, что не утаил, – похвалил охотовед.

– А то как же! Обманешь – фарт уйдёт, да и покоя на душе не станет. По-честному-то жить оно приятней.

– Что верно, то верно! Чистая совесть – главное в жизни! – согласился Степан, лохматя пятернёй жёсткие кудри так, что из них посыпался лесной мусор.

По давно установленному обычаю на уже занятом участке другие промысловики не охотились. Это добровольное размежевание угодий добросовестно исполнялось. Права соседей не нарушались. Избушки и лабазы не знали замка. Их охраняло уважение к старому, выработанному веками порядку.

– Михаил Макарович, а можно вопрос? – подал голос Вася.

– Валяй, студент! – пророкотал промысловик.

– У вас вот шрам на шее. Это не медведь?

– Рази это шрам?! Так, царапина. Шрам вот! – Макарыч засучил рукав и показал бугристые лиловые борозды. – Честно говоря, сам виноват. Миша в берлоге обычно головой на юг ложится – такая манера у него. А мы с Лукьяном поторопились. Давай тыкать не с той стороны. Вижу, снег вздувается и выскакивает с рёвом чёрная туча. Пастью руку с жердиной схватила и давай трепать. Слава богу, собаки насели с двух сторон, отвлекли. Тут уж Лукьян не оплошал – с одного выстрела уложил.

– Хорошие у вас лайки, спасли.

– Плохих не держим.

Допив чай, Макарыч ладонью смёл со стола крошки и отправил их в рот. Вася же не унимался:

– А правда, что медведь в берлоге лапу сосёт?

– Брехня! Семерых брал, лапы у всех сухие, – степенно произнёс Макарыч. – И ещё учти на будущее: медведь не такой увалень и простодыра, как в книгах пишут. Ловок и быстроног, чертяка. А уж голова-то как работает! Прошлой осенью с одним долго раз-

бирался. Иду, значит, по путику, капканы проверяю. Где подновлю, где новые поставлю. Вдруг вижу, след мой стал почему-то намного больше. Метров двести так. Потом опять нормальный. Что за наваждение?! Повернул назад, приглядываюсь. Только тогда дошло – это ж медведь по моим следам протопал!

Я вперед вернулся и там, где след перестал быть широким, сделал круг. Смотрю, метрах в шести за кустами – снежная ямина. Представляешь, докуда эдакая махина сиганула. Потом – ещё одна. Дальше уже шагом. В гору почесал. Там под стлаником пустот полно – для берлоги удобные места. Ну, думаю, завтра с собаками приду и добуду. И что? – Тут Макарыч сделал многозначительную паузу. – Наутро выпал такой снег, что всё скрыл. Вот ведь какая башковитая зверюга: знает, когда ложиться.

– Недавно прочитал в журнале, будто росомаха – это медведь-лилипут.

Степан засмеялся:

– Ну и загнули ребята! Конечно, росомаха похожа на медвежонка, но относится всё-таки к семейству куньих. Правда, выделена в отдельный род – росомахи. Среди куньих она самая крупная. Зоологи её ещё гигантской куницей называют. Так что её не лилипутом, а Гулливером правильней будет величать.

Какое-то время пили чай молча.

– А вы, Михаил Макарович, как промышлять зверя предпочитаете? Капканом или гоном? – нарушил молчание Вася.

– Ловушками, конечно, поуловистей, но в угон намного веселье. Это и промысел, и азарт. Хоть и тяжко вдругорядь, зато удовольствие.

Тут парнишка повернулся к охотоведу:

– Степан Ермилович, я вот заметил такую вещь: в глазах зверей всегда печаль таится. Как вы думаете – почему?

– Бог его знает… Может, оттого, что жизнь не лёгкая, может, оттого, что век их короток, а может, нас боятся.

Так, кружка за кружкой, тянулся разговор.

– Василий, а теперь ты расскажи нам чего-нибудь. На следующий год у тебя диплом. Тему-то выбрал? – обратился к пареньку охотовед.

– Мой руководитель предложил проанализировать результаты акклиматизации уссурийского енота, вернее енотовидной собаки, у нас в Кировской области.

– Интересная тема. Всегда важно знать, что дало местной фауне появление нового вида. Бывают ведь и негативные последствия. Вон на Огненной Земле в середине пятидесятых годов выпустили пятьдесят канадских бобров, а сейчас их численность перевалила за четыреста тысяч. Теперь ломают голову, как спасти от этих «дро-

восеков» леса… А про енотов я одну потешную историю могу рассказать. После третьего курса практику на Дальнем Востоке, на реке Иман, проходил. Там в августе, когда идут муссонные дожди, паводки случаются похлеще весенних. В тот год вода особенно большая была. Мы с егерем на лодке островки объезжали. Спасали тех, кто не успел уйти в сопки.

Видим, на одном енотовидные собаки жмутся. Вода уж у ног, а они возле затопленных нор стоят, трясутся. Подплываем к ним. Бедолаги обрадовались, забегали туда-сюда, но в лодку лезть боятся. Для вида зубы скалят. Егерь выбрался на берег и на них так рявкнул, что иные сразу в обморок попадали – до того пугливые. Тем, кто устоял, пинком для острастки слегка поддал. Они брык – и лежат, словно околели. Бери за шиворот и делай что хочешь. Потеха!

Шестерых в два мешка растолкали, а седьмой не поместился. Пришлось положить прямо на дно, а на морду куртку накинуть. Плывёт лодка, покачивается, уключины скрипят – страшно енотам, не шевелятся. Ежели вдруг и заворочается какой, егерь топнет: «А ну!» – и мешок вмиг цепенеет. А тот, который на дне, знай себе под куртку тычется – прячется, стало быть. Выбрали берег повыше, выпустили. Разбежались кто куда – искать незанятые норы, рыть новые. А мы опять по островам.

Уже в сумерках высмотрели енота огромного, прямо бочонок на ножках. Так он сам в лодку прыгнул. Выпускать его егерь не стал. Жену решил разыграть. Вошёл в дом, развязал мешок и вытряхнул енота на пол. Супруга, как обычно, набросилась:

– Ты чего? С ума сошёл? Только мокрой псины в доме не хватало!

От её крика енот брякнулся без чувств.

– Вот видишь, – говорит ей егерь, – даже дикий зверь от твоих криков сразу окочурился. Каково же мне с тобой бок о бок столько лет жить?

– Во молодец! Надо ж такое удумать, – давился со смеху Макарыч. – Мою старуху бы так припугнуть, чтоб не ворчала лишка… Отменный ты, Стёпа, рассказчик и вообще правильный мужик. Уважаю! Опосля учёбы домой вернулся, не то что мой дурень. Того, на модный манер, «урбанизацией» контузило. Не понимаю, как он в тех бетонах живёт?! Вода невкусная, воздух грязный, шум, толкотня. По мне, самая лучшая крыша – небо, лучший дом – густая ель. Сегодня под одной заночевал, завтра под другой. Простор! Красота! Дышать сладко!

– Это верно! Тайга – воля! Город – тюрьма! – согласился Степан.

– У нас и народ не такой порченый.

– И то правда! Люди посовестливей. А городские что?! Привозил мой начальник одних. Вооружены до зубов: карабины с оптикой, приборы ночного видения. Не охота, а убийство ради забавы.

– Так вы же тоже убиваете, – робко заметил Вася.

– Тут, студент, большая разница. Они убивают ради удовольствия, а мы – для пропитания семьи. Убивать ради удовольствия – грех.

– Зачем же тогда росомах выслеживаем? Их ведь не едят.

– Мы и не собираемся их убивать. Для зоопарка ловим. Пусть городские увидят, какой необычный и редкий зверь в нашей тайге обитает.

– А по мне, лучше б его не было. Зловредная, шкодливая тварь. Не столько съедает, сколько ворует и портит. Чем их меньше в тайге, тем лучше, – вдруг рассердился, что-то вспомнив, Макарыч.

Степан улыбнулся:

– Эх, Макарыч! Всю жизнь в тайге прожил, а не уразумел, что бесполезных зверей не бывает. Каждый для чего-то нужен. Росомаха-то как раз очень даже необходимый зверь. Ведь её главное предназначение – очищать лес от останков погибших, начиная с мыши, кончая сохатым. А вредничает она только по отношению к людям: мстит за убийства. Ты прикинь, сколько зверья каждый год добываем! По мне, росомаха – борец за справедливость. Так сказать, таёжный робин гуд. Вот и к бате она не случайно повадилась: он ведь ранил зимой одну...

Глава 9

Остров

Затянутое облаками небо едва посерело, а Степан уже кашеварил. Перекусив, загасили костёр и вышли на поиски росомах.

Хоть и обмелела речка, на другой берег переходили по огромной, недавно упавшей лесине. Собаки же зашли в воду с радостью. Переплыв, энергично отряхнулись и умчались в чащобу, где почти сразу взяли след. Он действительно привёл к озеру. А если быть точным – к старице, вытянутым кольцом охватывающей продолговатый лесистый остров. Берег – сплошь вязкий ил. Дальше вода, затянутая ряской. В одном месте она была разорвана двумя чёрными полосами – росомахи переплывали. Бежавший впереди всех Мавр рванул было в горячке к воде, но, с трудом выдирая из ила лапы, отступил. Псы в нерешительности затоптались, заскулили, как бы извиняясь.

– Лапы узкие, не держат. У росомах-то они что лыжи. А зимой, когда обрастают густым жёстким волосом, ещё больше делаются: от следов пестуна* не отличишь, – пояснил практиканту охотовед.

– Недалеко отсюда староверская гать была. Мне её когда-то дядя показывал. Пошли, там и перейдём. Только б дерево с зарубкой найти.

Память Михаила Макаровича не подвела. Свернув у сосны с затёсом, покрытым коростой запёкшейся смолы, посохами нащупали гать и перебрались по уложенным по дну брёвнам на остров. Вышли в аккурат на мыс.

– Вы пока тут побудьте. Только собак не отпускайте, а я пройду по берегу, разведаю. Не курите и не шумите. Тихо надо, иначе спугнём.

Степан вернулся через час.

– Там, где на ряске полосы, на берегу обрывки водорослей валяются – напáдали, когда росомахи отряхивались. Следы уходят к взгорку. Весь остров обошёл – выходного нет. Значит, точно на острове. Затаились. План такой: я пройду на противоположный конец острова и развешу сети, а вы с собаками ровно через час выходите. Ваша задача как можно громче стучать, кричать – гнать их на меня. Главное – раньше времени не стронуть.

В назначенное время Макарыч с Васей, колотя сухими палками по стволам, двинулись вдоль узкого острова. Собаки на поводках поначалу шли молча, но, возбуждённые необычным поведением людей, забрехали на все лады.

Росомахи отдыхали на каменистом обнажении чуть выше развалин староверческого скита. Услышав крики и лай, они кинулись к дальнему концу острова. Наткнувшись на косо натянутую сеть, побежали вдоль неё. Степан, подпустив их поближе, выстрелил в воздух. Звери в страхе метнулись в разные стороны и, взлетев на ближние сосны, затаились в кронах. От сизого облака порохового дыма в лесу запахло тухлыми яйцами.

Набежавшие собаки окружили приземистое дерево, на которое взобрался Угрюмый, и принялись облаивать его. Макарыч непроизвольно вскинул ружьё.

– Берём живыми, – напомнил Степан и, достав из рюкзака мелкоячеистую сеть, развесил её по кустам вокруг дерева. После этого срубил прямоствольную берёзку и отсёк все ветки. На конец жерди привязал петлю из жёсткой капроновой верёвки.

---

* П е с т у н – медвежонок предыдущего помёта (обычно самка), оставшийся с матерью и помогающий воспитывать (пестовать) медвежат текущего года (сеголетков).

Подведя её к отмахивающейся с грозным рыком росомахе, охотовед ловко накинул петлю на лапу и стянул упирающегося Угрюмого сначала на нижнюю ветку, а потом и на землю. Макарыч в тот же миг накрыл зверя солдатским одеялом. В темноте росомаха сразу затихла. Звероловы спеленали ему лапы, стянули их между собой и, надев на голову чёрный холщовый мешок, пошли ко второй сосне, под которой уже бесновались, хрипели от ярости лайки.

Эта росомаха взобралась гораздо выше, и Степану пришлось срубить ещё одну берёзку. Связав гибкие стволы внахлёст, он с трудом подвёл конец жерди к зверю. Из-за большой длины она играла из стороны в сторону, и охотоведу никак не удавалось накинуть

«пляшущую» петлю на лапу. Промучившись минут пять, Степан опустил шест, чтобы передохнуть и увеличить размер кольца.

– Уходит! Уходит! – завопил Макарыч.

Прогремел выстрел, следом второй. Всё произошло так быстро, что Степан едва успел заметить мелькнувшую в хвое бурую тень.

– Вот шельма! Верхом ушла! Здоровая, а прыгает, что белка! Лишь только ты шест опустил, так она сиганула на ближнюю сосну и пошла, пошла... Чуть успел стрельнуть. Кажись, зацепил.

– Японский городовой! Предупреждал же – живьём берём! – в сердцах ругнулся охотовед.

Звероловы облазили остров вдоль и поперёк, дважды обошли его по береговой линии: всё пытались найти выходной след, но впустую. Собаки даже ни разу голос не подали. Если бы они умели говорить, то рассказали бы, что пахнет зайцами, куропатками, глухарями, прелой травой, а вот запаха росомахи нигде не было.

– Что за чертовщина?! Ничего не понимаю. Не сквозь землю же она провалилась, – растерянно бормотал старый охотник.

Глава 10

Ночёвка

Сгущающиеся сумерки напомнили, что пора становиться на ночлег.

Подойдя к кряжистому кедру, Степан объявил:

– Шабаш, товарищи учётчики! – и, сняв рюкзак, осторожно вытряхнул из него росомаху.

Василий разжёг костёр, повесил на косо воткнутую палку прокопчённый чайник, и звероловы разлеглись на толстом слое хвои. Чистые, спокойные небеса обуглились в багровом огне заката, и их кто-то принялся старательно засевать зёрнышками звёзд. Ковш Большой Медведицы склонился к горе и стал поливать её макушку чёрной краской.

Пламя то и дело выхватывало из тьмы рваные куски леса. Лежать на пружинящей подстилке после трудного дня было приятно. Усталость словно стекала в землю, а с небес вливалась сила. Но надо было вставать и идти за дровами, варить кашу для себя и собак.

Управившись с делами, опять устроились у костра. Степан снял с головы росомахи мешок. Зверь угрожающе заурчал. Это был самец. Бусинки чёрных глаз горели в бессильной злобе. Не будь его лапы надёжно стянуты в «букет», саданул бы когтями.

Охотовед подозвал Васю:

– Ну, студент, знакомься с росомахой. Видишь, голова действительно похожа на медвежью. Но морда более короткая и ушки маленькие, слегка прижатые. И мех намного длиннее. Из-за этого туловище кажется нескладным и массивным, – Степан осторожно провел рукой по спине пленника. – Потрогай, какой шелковистый волос. Он единственный в своём роде: волоски настолько гладкие, что кристаллики инея не оседают на них – сразу осыпаются. Видишь светлую шлею по бокам? Она всегда от плеч до основания хвоста тянется. А поперёк лба ещё одна светлая полоска. Эта хорошо оттеняет тёмную смоляную маску вокруг глаз.

– Такой красивый зверь, а в нашей библиотеке про него ничего нет.

– Неудивительно. Про них вообще мало что написано. Росомахи очень скрытные. Ведут столь уединённый образ жизни, что за ними сложно наблюдать. А зверь не только красивый, но и интересный! Многие его качества вызывают уважение. Неутомимый, целеустремлённый, бесстрашный. Не пасует ни перед волками, ни перед медведем, но в отличие от серых кровь зря не льёт: бессмысленной резнёй не грешит. Росомаха – хищник, но хищник рачительный. Это я и для тебя, Макарыч, говорю, – повернулся к промысловику Степан.

– Хороша рачительность – шкодят, воруют. Натуральные мародёры! – упрямо стоял тот на своём.

– Чего ты на них так взъелся? Тебе лично что плохого росомахи сделали?

– Мне, может, и ничего, да люди говорят.

– Говорят, в Москве кур доят, – обрезал охотовед. – Я одно знаю точно: не тронь зверя – и он тебя не тронет. Это не только росомах касается. Помнишь моего одноклассника Антипа? Он ещё живоотловом занимался.

– Как же! Помню. Известный бездельник был, прости господи. Ты, наверное, его историю с медведицей имеешь в виду?

– Да.

– Ой, а что за история? – встрепенулся студент.

– Да ничего хорошего… Вон Степан пусть и расскажет, – раздражённо буркнул промысловик.

– На самом-то деле история весьма поучительная… Медвежонок угодил в одну из ловчих ям, а поскольку Антип проверял их редко, малыш в ней и помер. Так медведица затаилась поблизости и караулила, пока обидчик не появился. Замяла насмерть… Что ж, теперь будем кричать: «Медведи кровожадные! Людей убивают! Лучше б их не было!» Сам ведь напросился…

Пока шла беседа, собаки чистились. Тщательней всех вылизывался Мавр, но, несмотря на все его старания, едкий запах держался, вызывая время от времени у него приступы кашля.

– Что, вонькая зверюга?! Половчей надо быть, – погладил любимца Степан. Лайка слегка вздрагивала под тяжестью хозяйской руки, а глаза светились счастьем и бескорыстной преданностью, свойственной лишь собакам. Мавр боготворил хозяина. Умей он говорить, воскликнул бы: «Что прикажешь, повелитель?» Ради доброго отношения пёс был готов на любой подвиг, даже на новую встречу с вонючкой.

Ночную тишину прорезал густой волчий вой, гордый и уныло-щемящий одновременно. Волк начал снизу и постепенно возвышал тон. Ему ответил голос потоньше, но полный силы, заливисто-трепещущий. Учётчики замерли.

– Ну, студент, у тебя сегодня хорошая практика. Слушай! Это молодой заявляет о себе. Радуется жизни! – шёпотом пояснил Макарыч.

Не успели оба воя слиться в слаженный дуэт, как к ним присоединился третий. И вот уже переливается от утробно-низкого до высокого, как туго натянутая тетива, многоголосый хор.

– Воют так, ровно душу вынуть хотят. Сколько в этих «песнях» звериной тоски, какая отрешённость! – произнёс Степан.

– У меня прям мурашки по спине забегали, – отозвался Вася и перекрестился.

– А я люблю их арии. Особливо когда враз несколько завоют с повизгиванием и подбрёхом. Вслушайтесь, это ж целый оркестр. У каждого свой голос. Взрослый воет басом, у волчицы голос выше и пожиже. У самых матёрых песня в несколько колен и протяжная.

В это время в волчью песню врезался тонкий, срывающийся на частый, отрывистый собачий лай, визгливый скулёж.

Вася вопросительно глянул на Макарыча.

– Это волчата голос пробуют… А сейчас переярок*… Слышишь, начинает хорошо, а конец не вытягивает – сипит. Если внимательно слушать, то можно определить, сколько в стае волков и какого они возраста.

– Да, волки – удивительное племя. Умные, организованные. В стае жёсткая иерархия и дисциплина. На охоте каждый чётко знает свою роль. Но вместе с тем они, как и люди, все разные. Кто-то ленив – ест

---

* Переярок – волк прошлогоднего помёта; волк моложе одного года называется прибылым.

только то, что, как говорится, само в пасть идёт, кто-то жесток – режет не раздумывая и без меры. Для таких убийство – забава. Кто-то верен, а кто-то предаст не задумываясь. Но что у них не отнять – супружескую верность они хранят всю жизнь. Трогательно заботятся о потомстве. Если волчица погибает, волк в одиночку воспитывает и кормит волчат. А сам так и остаётся вдовцом, – просвещал студента Степан, подкладывая сучья в костёр.

– Читал, будто волчица не защищает потомство, даже когда люди её детёнышей из логова забирают. Издали молча наблюдает. А как же материнский инстинкт? – вопросительно глянул на охотоведа парнишка.

– Сложный вопрос. Версий много. Возможно, она бережёт жизнь для того, чтобы на следующий год дать новое потомство. А может, надеется выследить, куда унесут волчат, и ночью освободить их. Хотя, скорей всего, первопричина – страх. Страх перед человеком. Конечно, странно, что у волков он проявляется в столь гипертрофированном виде. Наверное, сказывается опыт предыдущих поколений. Человек всегда воевал с волками. И те, кто пытался защитить потомство, погибали. Выживали те, кто уходили, – рассуждал вслух Степан. – Между прочим, опытные волчатники никогда не опустошают логово полностью. Одного щенка обязательно оставляют. Если всех взять, то волки этим логовом больше не пользуются. А так каждый год можно урожай собирать.

– Верно Степан Ермилович говорит, – не утерпел, встрял многоопытный Макарыч. – У волков всё подчинено сохранению жизни волчицы. Если выхода нет, то волк даже себя может подставить под выстрел. А иной проявляет такую смекалку, что диву даёшься. Как-то гнал парочку на лыжах. Впереди волчица, за ней волк. Когда они добежали до поваленного дерева, он ударом лапы сбросил её под ствол. Завалил снегом и побежал дальше. Не всякий человек до такого додумается, а тут волк!

Встав, Макарыч прошёлся взад-вперёд, разминая ноги. Потом хитро посмотрел на Васю:

– Хочешь настоящего матёрого послушать?

– Ещё бы!

– Погоди чуток, – произнёс охотник полушёпотом, придавшим особую значительность моменту. Откашлявшись, он сложил руки рупором у рта, придавил горло с обеих сторон большими пальцами, а указательными слегка сжал переносицу, закинул голову и затянул низким басом. Потом забрал повыше, раскрывая ладони. Завершая песню, взял такие минорные ноты, что собаки дружно заскулили.

– Эх, не то! Мощи нет и гнуси мало. Тоски не хватает! – расстроился Макарыч, отирая губы. – Давно не вабил.

И тут вдруг завыл Мавр. Это было до того неожиданно, что промысловик чуть не поперхнулся. Выл кобель, высоко задрав скорбную морду. Всем своим видом он выражал непомерную тоску и боль. Пел так выразительно и проникновенно, что сидящие у костра боялись пошевелиться. А кобель Макарыча Тайфун от удивления или страха поджал хвост и забился между котомок. В это время Мавр взял такую ноту, что у всех по спинам пробежал озноб. Пёс при этом закатил глаза и весь задрожал.

Когда он умолк, растроганный Степан кинулся его обнимать и целовать. Мавр от такого бурного проявления чувств хозяина даже застеснялся.

– Ну, друг! Не ожидал! Ну ты выдал! Певец! – взволнованно бормотал охотовед.

– Похоже, в нём есть волчья кровь, – резонно заметил Макарыч.

– Да ты что! На хвост посмотри – чистокровная лайка, – возмутился Степан.

Разговор прервала поспевшая пшённая каша с салом. Вася съел свою порцию и украдкой глянул в котелок.

– Не стесняйся, сынок, доедай. Тебе не повредит – вон какой худой, – ободрил его Макарыч.

Подновив захиревший было костерок, студент выскоблил котелок до дна.

Чем выше поднималось пламя, тем яснее проступали колеблющиеся стволы кедров. Глядя на их игру, паренёк заснул. Степан ещё какое-то время сидел, наблюдая за волшебной пляской вихрастых протуберанцев, но безжалостный сон свалил и его. Подбросив сучьев, Макарыч укрыл товарищей плащ-палаткой и устроился рядом.

Васе снилось, будто он стоит в толпе людей. К ним ползёт паукообразное чудище. Оно хватает и поедает людей одного за другим и уже подбирается к нему. Вася бежит, бежит и оказывается в дремучем лесу. Чудище, почти догнавшее его, неожиданно останавливается. Оно почему-то боится зайти в лес. Воспользовавшись заминкой, Василий вбегает в стоящий среди деревьев необычный дом: его стены и крыша совершенно прозрачные. Откуда-то появляются люди в касках и начинают стрелять по дому из карабинов. Вася мечется по комнатам, но спрятаться негде. Он слышит приближающийся вой, но вместо волка появляется громадная росомаха. Она сгребает стрелков, как муравьёв, и проглатывает их…

В эту ночь и охотоведу снился странный сон: какие-то уродливые создания, похожие на доисторических бронтозавров. Они напали на его жену и дочь, когда те собирали грибы. Женщины сумели увернуться и с криком бросились в разные стороны. Степан мчится на помощь, но не видит их. Слышит только крики: «Папочка, ты где? Стёпа, помоги!» Степан пытается бежать, но ноги не повинуются. Он уже не идёт, а еле-еле двигает ими, словно к ним приковали многопудовые гири.

От ужаса охотовед открыл глаза. Спина и лоб в холодном поту. Степан поёжился. Медленно обведя взглядом густую паутину из ветвей и листьев, спящих рядом товарищей, сообразил, что это всего лишь сон. Тем не менее он так и не смог успокоиться. Встал и направился к ручью умыться. Его догнал Вася.

– Степан Ермилыч, я вот тут всё думал, думал о том, какой росомаха нужный и полезный зверь… Может, вторую ловить не будем, а? Вы же говорили, что заявка на одну.

Лицо охотоведа посветлело. Он улыбнулся и обнял парнишку:

– Ты прав! Пусть бегает…

С той поры росомаха не появлялась в селе. Как будто между ней и людьми было заключено негласное мировое соглашение.

Глава 11

Одиночество

Пышка видела, как Угрюмого длинной палкой стянули на землю. Как псы набросились было на него, но двуногие почему-то отогнали их. После этого собаки ринулись к ней. Их злобный лай не предвещал ничего хорошего. Когда перед ней замаячила петля, Пышка поняла, что если не покинет дерево, то тоже угодит в руки двуногих.

Решение пришло мгновенно: резкий, пружинистый толчок сильных задних лап – и она, пронесясь торпедой по воздуху, закачалась на ветке соседнего дерева, и тут же прыжок на следующее. Прогремел гром, ногу обожгла боль, но росомаха не обращала на это внимания: она была сосредоточена на том, чтобы не сорваться. Ещё прыжок! Ещё!.. Ура! Получается!!!

В росомахе проснулись таившиеся в самых глубинных слоях генетической памяти способности предков: прилагая отчаянные усилия, она совершала прыжки с дерева на дерево, превозмогая пронзавшую бедро боль. Ранение и неимоверное напряжение сил вскоре стали сказываться. Перемахнув на очередное дерево, Пыш-

ка не удержалась и полетела вниз. В падении как-то исхитрилась ухватиться за самую нижнюю ветвь и перебраться по ней к стволу. Припав к шершавой коре, прислушалась. Лай приближался.

На прыжки уже не было сил. Спускаться на землю опасно. Росомаха полезла вверх. Вдруг передняя лапа провалилась в пустоту. Дупло! Просунула в него голову – ствол полый. Какая удача! Лучшего убежища не сыскать! Пышка расширила зубами отверстие и нырнула в спасительную тьму. Внутри пахло древесной трухой, смолой и соболем – похоже, часто тут отдыхает. Дно дупла было мягким от осыпавшихся гнилушек. Беглянка свернулась на них и погрузилась в целительный сон. Колоссальное физическое и нервное напряжение дали о себе знать: она проспала почти сутки.

Разбудил голод. Попытка встать отдалась болью в правом бедре. Лёжа на подстилке, росомаха, чтобы размять простреленную мышцу, стала потихоньку двигать ногой. Одновременно прислушивалась к звукам, доносившимся снаружи. Тихо! Только в кронах шелестит ветерок. Осмелев, привстала и высунула морду из дупла. Тщательно «ощупала» чутким носом воздух. Повертела головой. Ничего подозрительного. В лесу текла обычная жизнь. Деловито сновала сойка, долбил трухлявую осину дятел, с быстротой молнии пронесся по валёжине с набитыми в защёчину орешками неугомонный труженик – бурундук. Ни одного постороннего звука и запаха. Едва улавливался лишь лёгкий, почти выветрившийся кисловатый дух человеческого пота. Росомаха понимала, что оставаться на острове опасно – раз двуногие нашли сюда дорогу, они не оставят её в покое.

Цепляясь когтями за ребристую кору, она спустилась по стволу вниз головой. Припадая на повреждённую лапу, вышла на берег и переплыла на другую сторону в пихтач, густо обвешанный сизыми космами лишайника. Подлесок и трава под его почти непроницаемой для солнечных лучей кроной отсутствовали. Землю сплошь устилал мох и рыжий слой хвои. Пышка ступала по нему, как по мягкой лисьей шкуре, совершенно неслышно.

Натерпевшись страху, она вздрагивала от малейшего шороха. Услышав что-либо подозрительное, замирала. Зорко всматриваясь вглубь леса, жадно принюхивалась к приносимым ветром запахам. В основном это были запахи белок. Вон суетятся одна, вторая… Куда ни повернись – везде белки. В этом году здесь хороший урожай. Шебуршат по стволам, возятся с шишками в кронах, копошатся с лежащими на земле. Кто с урканьем, кто с цоканьем, а те, что постарше, – молча. На Пышку даже не глянут – чувствуют, что ей не до них.

Росомаха пересекла чащобу и направилась к речке: там легче добыть что-либо съестное. По пути, подчиняясь внутреннему голосу, разыскала нужное растение. Разжевав несколько кисловатых листьев до кашеобразного состояния, втёрла их языком в рану.

Послышался хруст сучьев. Пышка припала к земле. Зашевелились кусты, раздвинулись ветки, и в просвете она разглядела оленя-первогодка. Увидев затаившуюся росомаху, он от неожиданности высоко подпрыгнул на месте и, по-собачьи «пролаяв», сиганул, приминая подрост, обратно.

Преследовать его раненая Пышка не могла. Обследуя берега, она вскоре увидела греющееся на солнцепёке утиное семейство: пять птенцов-пуховичков и родителей. По хохолку на коричневой голове и узкому, на конце слегка загнутому клюву Пышка узнала в них крохалей и стала подкрадываться. Когда до птиц оставалось два прыжка, бдительный папаша всё же засёк её. Прозвучал сигнал тревоги, и семейство сыпануло в воду.

Что тут началось! Отец и мать, призывно покрякивая, часто-часто зашлёпали по зеркальной глади крыльями и ринулись на стремнину. А птенцы, едва поспевая за ними, так старательно и быстро махали почти беспёрыми крылышками и перебирали по воде перепончатыми лапками, что их крошечные тельца казались малюсенькими глиссерами.

Обескураженная Пышка поковыляла дальше. Выискивая поживу, она обследовала каждый кустик, бугорок, валёжину. Обнаружив обглоданные кости кабарги, тут же с жадностью сгрызла их. Увидев, что из-под пня выползают земляные осы, расширила канал к гнезду с личинками. Но эти крохи только раззадорили аппетит. Наконец ей повезло – нашла полянку с грибами. Набив до отказа желудок, она, спасаясь от гнуса и облепивших рану мух, поднялась на скалистый, хорошо обдуваемый ветром утёс.

Вытянувшись на прохладной глыбе, росомаха прикрыла глаза. Она лежала не шелохнувшись так долго, что ворона сочла её околевшей. Сев на ветку, вещунья торжествующе закаркала. На её призыв слетелись подружки и, обманутые неподвижностью зверя, стали, подпрыгивая, подступать всё ближе. Тут уж Пышка не оплошала: выметнувшаяся молнией когтистая пятерня схватила птицу, когда та нацелилась клювом в глаз.

Быстро заживают раны у зверей. Окрепшая росомаха решила пройтись по разбросанным на её участке «складам». Поскольку для дальних переходов силёнок было ещё маловато, отправилась к самому ближнему, с заячьими тушками, добытыми у Белоголового.

Когда подходила, кисловатый запах человеческого пота, приносимый ветром, предупредил о том, что люди близко. Лай собаки подтвердил это. «Опять за мной!» – решила росомаха и поспешила свернуть к другому схрону. В этот момент неподалёку с земли поднялась, громко хлопая крыльями, пара тетеревов, но Пышка была настолько встревожена, что даже не глянула в их сторону.

Несмотря на то что следующую кладовую росомаха устраивала ещё весной, вышла к ней, благодаря цепкой памяти, безошибочно. Глубокая траншейка, вырытая на северном склоне холма и прикрытая сверху толстым слоем мха, хорошо сохранила оленину. От неё исходил лишь лёгкий, обожаемый Пышкой душок. Учуяв его, она потеряла власть над собой: предвкушая наслаждение от трапезы, принялась, урча, тереться о мясо щекой.

Часть съела сразу, а остаток закопала обратно. Его ей хватило на несколько дней. Ещё одну неделю продержалась у склада в кедровом стланике, широко разросшемся по склону отрога. Эти невысокие, в рост человека, деревья напоминали огромных пауков, раскинувших гибкие мохнатые лапы во все стороны. Переплетаясь, они образовывали непроходимые для копытных, а уж тем более для двуногих, заросли. (Поздней осенью стволы кедрового стланика полегают, прижимаясь к земле, и, укрытые толщей снега, выдерживают самые суровые морозы.)

Верхушки спутанных, словно волосы неряхи, веток уже украсили зеленовато-фиолетовые шишечки, в которых зрели мелкие, но необычайно сытные и вкусные молочные орешки. Разогретая на солнце хвоя благоухала бодрящим ароматом смолы. Над этими обширными полями стланика возвышалась скалистая гряда. Пышка, как и все её соплеменники, любила побродить и, лишь только окрепла, полезла на неё поглядеть, что скрывается за зубчатым гребнем.

Взобравшись, осмотрела открывшиеся дали. За текущей внизу речушкой возвышался очередной хребет, иссечённый сетью распадков и ложбин. Единственным звуком, тревожащим царящую вокруг тишину, был клёкот орла, восседавшего на каменном уступе.

Полуденное солнце жарило так, что на него и глянуть было боязно – ослепит. Спустившись в падь, Пышка заметила лиса. Пересекая полянку, он то и дело

замирал, прислушивался. Вдруг высоко подскакивал и, перегибаясь в воздухе, отвесно пикировал в траву. Делая при помощи взмахов хвоста резкие развороты влево-вправо, выхватывал из путаницы стебельков мышку. А съев, возобновлял охоту.

Понаблюдав за этими прыжками-свечками, Пышка двинулась дальше. У ручья, ступенчатыми каскадами сбегавшего с гор, она взобралась на глыбу, облепленную накипями лишайника, и улеглась в ожидании сумерек, когда зверьё выходит кормиться. Вокруг порхали желтокрылые бабочки. Шуршали прозрачными крыльями стрекозы. Летая парами, одна над другой, они играли, ласкаемые солнечными лучиками: то, поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, то плавно барражировали над землёй. Откуда-то выскочил неутомимый трудяга бурундучок и изумлённо уставился на росомаху чёрными глазками-бусинками. Стоило Пышке шевельнуться, как он исчез с непостижимой быстротой.

Глава 12

Вдвоём

Казалось, всё складывалось удачно, но Пышке было тоскливо и неприютно. Заканчивалось время брачных игр, а она всё ещё одна. У любого живого существа есть потребность не только в пище и безопасности, но и в продолжении рода. Ведь как хорошо, когда рядом есть кто-то, к кому можно прижаться, приласкаться; вместе загнать добычу, сытно поесть, выкормить потомство. С Косматым они прожили с перерывами меньше года, а Угрюмый и вовсе промелькнул в её жизни как молния: едва сошлись, как двуногие поймали его.

Сколько вокруг витает запахов, но среди них нет даже намёка на запах самца. Пробежала соболюшка. У комля кедра она вдруг остановилась и, присев на выступающий корень, принялась чистить языком шёрстку. Сзади к ней подкрадывался соболь. Она делала вид, будто не замечает его. Приблизившись, ухажёр прыгнул на неё. Та выскользнула из цепких объятий и сама зажала его голову под мышкой. Соболь стал извиваться, а освободившись, обхватил подругу «вокруг талии» двумя лапами и крепко прижал. Соболюшка широко раскрыла рот – Пышке показалось, что та смеётся. Когда игра закончилась, парочка расцепилась и, с нежностью прижимаясь друг к другу, разлеглась в тенёчке. Вскоре соболюшка, помахивая хвостом, отправилась в убежище под корнями. Кавалер последовал за ней.

Пышка вздохнула: «Хорошо вдвоём!»

От этой мысли она встрепенулась и побежала ныряющим галопом. Вскоре порыв ветра донёс до неё запах сородича. Он становился всё явственней. По характерной резкости определила – самец! Вот и следы. Матёрый!

Вечерело, но росомаху приближение ночи не смущало. Своему носу она доверяла больше, чем глазам. Следы самца беспорядочно петляли по тайге. Где же «выходной»? Тут все запахи перебил запах лося. Он был так силён и столь крепко сдобрен ароматом крови, что Пышка не удержалась и свернула на него.

Метров через сто увидела торчащие из травы беловатые кончики рогов и шерстистый бок. Обрадованная росомаха от восторга несколько раз перевернулась через голову: такая гора мяса гарантировала пропитание надолго. Только надо будет побольше на запас прикопать.

С трудом разорвав толстую шкуру, Пышка с жадностью глотала кусок за куском. Насытившись и немного передохнув, принялась растаскивать мясо по схронам. Обустраивать их было непросто. Рыть глубокие траншейки мешали корни, камни, но крепкие когти и зубы делали своё дело. Чтобы свежие раскопки не бросались в глаза, присыпала их листьями, пучками травы, древесным хламом. Иногда для верности заваливала камнями.

Крупный самец росомахи вышел к месту пиршества Пышки в тот момент, когда та отгрызала «серьгу»*. Росомаха с нескрываемым восхищением уставилась на пришельца. Её глаза заблестели. В них читалось: «Как хорош! Впервые вижу такого красавца!»

По её телу волной пробежало сладостное томление.

Чтобы лучше разглядеть самца и запомнить его запах, она обошла гостя вокруг. Тот в ответ обнажил в «улыбке» белые клыки и поглядывал на неё с не меньшим интересом. Пышка, стремясь обольстить кавалера, сделала несколько игривых прыжков и замерла. Между ними как бы проскочила искорка. Но они ещё долго изучающе поглядывали друг на друга, демонстрируя движениями и взглядами сходные желания. Когда Пышка попыталась подойти к Клыку поближе, он повёл себя весьма странно.

– Это мой участок! Я тут хозяин, – проворчал он и угрожающе поднял губу.

Пышка в ответ посмотрела по сторонам, точно говоря:

– Твой так твой! Мне у тебя нравится, – и мелким бисером просеменила к нему. Положив голову на его шею, нежно потёрлась

---

* Серьга – мясистый нарост под горлом с кулак величиной. Как и рога, имеется только у самцов.

и заурчала, окончательно растопив сердце сурового Клыка. С этого дня они почти не разлучались. Их любовные игры, напоминающие то ли объятия, то ли борьбу, продолжались несколько дней.

Постоянно курсируя по участку, Клык не забывал освежать метки: подняв хвост, прыскал несколько капель из мускусной железы или мочился на пенёк, на кочку. Спускаясь по склону, просто прижимался задом к траве. Никто из соплеменников не имел права нарушить границы его владений. Случалось, правда, забредали, но с соседями всё решалось миром, а вот если появлялся чужак, он тут же безжалостно изгонялся.

Отдыхать парочка забиралась на макушку изъеденной временем скалы. Когда садилось солнце и по тайге разливались мягкие сумерки, росомахи выходили на охоту. Хищники избегают яркого дневного света. Их любимое время – полумрак либо лунная ночь. Именно тогда в лесу, погружающемся в вечернюю прохладу, просыпается жизнь – и для хищников наступают самые добычливые часы.

* * *

Сентябрь выдался тёплым и сухим. О приближении холодной поры напоминали лишь печальные крики пролетающих на юг гусиных стай. Клык с Пышкой теперь не утруждали себя охотой: питались преимущественно в изобилии уродившимися ягодами. Мясистая голубика, правда, давно отошла, зато на старых горельниках поспела кисло-сладкая брусника, а на мшистых марях – полная терпкого кровянистого сока клюква. Прежде Пышка не обращала на неё внимания, но, глядя с каким аппетитом поедает эту ягоду Клык, попробовала. Оказалось, что очень даже вкусно.

После первых заморозков на ягодники слетелись дружные стайки куропаток. Они так раскормились, что с трудом поднимались в воздух. Теперь добыть осторожную курочку, а тем более петушка не составляло особого труда. Наевшись нежного белого мяса, росомахи от избытка сил приступали к любимым акробатическим упражнениям: кувыркались, боролись, высоко подпрыгивая, гонялись друг за дружкой.

Спать забирались в курумник*. Там их никто не тревожил, но Клык всегда был начеку. Перед тем как лечь, вставал на задние лапы. Прощупав глазами округу и убедившись, что всё спокойно, прижимался к свернувшейся калачиком возлюбленной. Спал чутко: одним ухом слушал шум леса, возню мышей, скрежет кедровок. Стоило появиться постороннему звуку, как он тут же поднимал голову и осматривался.

---

* К у р у м н и к – россыпь крупных камней.

Вот раздался чуть слышный треск, а Клык – уже весь внимание. Ничего страшного – невдалеке проходит кабарга! Изящный оленёнок на тонких, как карандашики, ножках осторожно пробирается по краю сизого, обвешанного лишайниками, ельника. У него нет рогов, а из-под верхней губы почти вертикально вниз торчат тонкие и очень острые, наподобие кабаньих, клыки. Кабарга то и дело останавливается, чтобы отщипнуть свисающие с веток сизые пряди. Но сытый Клык даже не шевельнулся. Проснувшаяся вскоре Пышка сразу уловила в воздухе запах кабарожьей струи и посмотрела на спутника с упрёком: «Как же ты, милый, проспал?! Ай-ай-ай!»

Вообще-то ей грешно было обижаться на кавалера. С ним Пышка никогда не знала голода.

В октябре оголённую тайгу накрыли затяжные дожди. Из тяжёлых низких туч беспрерывно сыпала холодная морось, кутая склоны хмурых сопок в белёсую муть. Потянулись дни скучные и однообразные.

Снег выбелил окрестности в одну ночь. Горы, казалось, приблизились, речка стала как будто шире, а серые пласты облаков опустились так, что Пышка то и дело поглядывала вверх: не цепляют ли они острые макушки елей? «Белые мухи» продолжали и днём засыпать тайгу.

Глухарь, набив зоб сосновой хвоёй, уселся на опушённую снегом ветку. Под весом грузной птицы та резко качнулась и, осыпая сугроб серебристым шлейфом, мгновенно прорисовалась зелёной лапой.

Пышка всегда радовалась этому празднику света. Помимо приятной пухлости снежного покрова, ей нравилось то, что на нём отчётливо видны все следы. И сейчас они с Клыком с любопытством, как будто впервые, оглядывали отпечатки своих лап, по форме напоминающие каплю с широким веером от длинных когтей.

Морозы за несколько дней утихомирили речку, накрыв её хрустальной бронёй. Тайга и её обитатели застыли в немом оцепенении. Лишь косая строчка следов горностая была короткой, едва приметной весточкой жизни. А вон и сам зверёк вынырнул, но через несколько метров вновь исчез в снежной толще.

Временами на тайгу накатывали такие волны холода, что перестрелка лопающихся от стужи деревьев не прекращалась ни на минуту. Но росомахи от морозов не страдали. Они с осени облачились в тёплые шубы с красиво струящимся мехом. От Клыка теперь вообще невозможно было отвести взор – до того он был великолепен!

Шуба шубой, но, чтобы не замёрзнуть, требовалась и пища. И чем крепче мороз, тем больше. Неутомимо рыская по лесу, Клык

выследил оленя. Провислая спина и понуро опущенная голова с корявыми рожками выдавали его почтенный возраст. Стоя в тальнике, тот настолько погрузился в свои старческие думы, что даже не слышал крадущихся шагов. Когда же в застывшем воздухе наконец почуял росомаху, бежать было поздно. Тем более что путь к бегству преграждала вторая росомаха. Оставалось одно – выскочить на реку. На отполированном ветрами льду копыта предательски расползлись, и бедолага завалился на бок.

Росомахи же чувствовали себя на нём как искусные фигуристы. Запрыгнуть на беспомощно барахтающееся животное и перегрызть ему шейную артерию для Клыка было минутным делом.

Когда рогач затих, железные челюсти росомах заработали мерно и сосредоточенно. Масляные от нарастающей сытости глаза удачливой парочки сладко щурились.

На запах крови слетелись вороны. Рассевшись на склонившейся над рекой берёзе, они, прыгая с ветки на ветку, нетерпеливо ожидали, когда хищники наедятся и уйдут. Но те даже отдыхать устроились тут же, прямо на льду. Как только какая-либо из ворон садилась на оленя, Клык вскакивал и, злобно оскалившись, отгонял.

Настал день, когда росомахи догрызли последнюю кость, и надо было искать новую поживу. Однако удача покинула их: все погони и засады были безрезультатными. Во время очередного затяжного снегопада звери и вовсе попрятались по норам и убежищам. За три дня парочка не встретила ни одного следа, не выцедила ни единого сулящего пищу запаха.

Лишь на четвёртый день им попалась заячья сбежка. Распутывая хитроумные петли и гигантские прыжки вбок, росомахам удалось обнаружить закопавшегося в снежную толщу беляка. Косого выдали чёрные кончики ушей. Заройся тот поглубже, ни за что бы не нашли. Правда, с прыжком Клык оплошал – в когтях остался лишь клок белой шерсти.

Подхлёстываемый страхом смерти, здоровущий беляк, убегая, так далеко заносил ноги вперёд, что туловище вставало почти перпендикулярно к земле. И, чтобы не опрокинуться, ему приходилось всё время тянуть голову вниз.

Парочка, не раздумывая, кинулась в погоню. Бежать по пушистому, неслежавшемуся снегу даже широколапым росомахам было трудно. Поэтому они решили воспользоваться присущей зайцам манерой уходить от преследования, бегая по кругу.

Клык продолжил погоню, а Пышка залегла за валёжиной у тропы. Когда неутомимый скороход поравнялся с ней, она расчётливым прыжком опрокинула его на снег и прокусила затылок...

После этого неудачи отступили. Во время затяжной метели, когда всё живое, как обычно, попряталось, на их участок откуда-то забрело стадо северных оленей. Что побудило их перекочевать на заваленные снегом горы, для росомах было загадкой. Ведь здесь, чтобы докопаться до ягеля*, беднягам приходилось долго и нудно копытить сыпучую толщу. Особенно тяжело доставался ягель неокрепшему молодняку. После ночёвок на снегу всё чаще стали оставаться их замёрзшие тела. Для росомах же глубокий снег был союзником. Заботы о пропитании сменились заботами о том, как понадёжней спрятать дармовое мясо. Февраль превратился в бесконечное пиршество. Под шубами супругов появился довольно приличный слой жира. Тем не менее Пышка стала всё чаще разнообразить мясной рацион хвоёй сосен и корой молодых деревьев: приближалось время щенения и ей требовались витамины.

Глава 13

Потомство

Хотя морозы по ночам ещё кусались, солнце начало потихоньку плавить поверхность снежных надувов. С разлапистых елей время от времени шумно опадала комьями снежная кухта. Вокруг тёмных стволов снег проседал, образуя глубокие воронки. Если день был тёплым, снег подтаивал и за ночь схватывался льдистой коркой. Этим спешили воспользоваться волки. По насту они легко догоняли и оленей, и лосей. Не доев одну жертву, на следующий день резали ещё и ещё. Такая безрассудная алчность серых, с одной стороны, вызывала недоумение у росомах, а с другой – радовала, поскольку обеспечивала пропитанием и их.

В один из пасмурных и ветреных дней Пышкой вдруг овладело беспокойство. Малыши в утробе так разбуянились, что она вынуждена была время от времени ложиться. В конце концов росомаха забралась под ветви кедрового стланика и замерла, прислушиваясь к мягким ударам изнутри. Нетерпеливый Клык попытался побудить подругу продолжить поиски добычи, но Пышка так глянула на него, что он тут же принялся копать в снегу пещеру. Малыши тем временем успокоились. Росомаха встала и решительно направилась в сторону лесистого нагорья. Клык покорно зашагал следом.

---

* Ягель похож на лишайник, но относится к грибам. Он очень богат белками.

В закрытом с трёх сторон скалами тупичке Пышка остановилась. Супруг всё понял: принялся рыть в мощном снежном надуве родовую берлогу. За несколько часов работы прокопал туннель длиной метров десять, с двумя отдушинами в потолке. Внутри устроил три камеры: гнездовую, продуктовую и уборную*. Самая просторная – гнездовая. Кладовая и уборная – поменьше. Единственный вход в логово представлял собой овал размером тридцать на сорок сантиметров. Все приметные пеньки и неровности в окрестностях парочка пометила где мочой, где калом.

Под утро на свет появились три мокрых комочка, облепленных реденькими волосками дымчатого цвета. Малыши были слепы и совершенно беспомощны. Единственное, что они умели, – ползти на запах молока. Насосавшись, затихали у лохматого подбрюшья между тёплых, широких лап матери. Пока они спали, Пышка тщательно вылизывала их.

Клык же поспешил на охоту. За ночь развиднелось. Снег под лучами солнца искрился так, что слепил глаза. Света много, но тепла ещё маловато.

Обнаружив свежие следы косуль, Клык, размашисто «ныряя», пустился в погоню. Увидев росомаху, грациозные олешки, взметая снег, в ужасе бросились врассыпную. Прыгали врастяжку, словно камешки-голыши по воде. Вычислив по частым, беспорядочным прыжкам самую слабую особь, Клык погнался за ней. Бежал без надрыва, ибо знал, что, как бы косуля ни старалась, наступит момент, когда она встанет.

Вначале поджарая козочка легко взмывала над снежной перины. Но с каждой минутой её прыжки становились всё ниже и короче. Острые кромки наста секли шкуру ног, особенно передних. На колотых льдистых пластинках появились алые пятнышки. И вот уже беглянка перешла на мелкий, путающийся шаг. Взмыленные бока колыхались часто-часто, язык вывалился от изнеможения. Последние силы покинули косулю. Она встала, опустила изящную головку, обречённо ожидая развязки. Сокрушительный удар по крупу опрокинул животное на снег… Клык отгрыз заднюю ногу и понёс её в логово.

Пышка, переполненная материнским счастьем, дремала в полутьме. У сосков, наполовину утонув в тёплой, мохнатой шубе,

---

* Летом росомахи постоянных убежищ не имеют. С наступлением холодов устраивают временные убежища – неглубокие норы либо используют естественные углубления. Только перед родами они роют долговременные снежные берлоги, сходные с берлогами белых медведей. Длина туннеля к гнездовой камере может колебаться от пяти до тридцати метров.

сладко почмокивая крошечными ротиками, посапывали малыши. Розовые, с тонкой кожицей животики сытно раздулись. Учуяв дразнящий аромат мяса, мамаша приподняла голову. Осторожно освободившись от сосунков, она с жадностью набросилась на ещё не остывшую добычу. Насытившись, посмотрела на кавалера глазами, полными благодарности.

Через несколько дней шёрстка у детёнышей закурчавилась и приобрела кремовый цвет с тёмными крапинками на лапках. Малютки пока ещё были вялыми, малоподвижными. Большую часть времени дремали. Просыпались лишь для того, чтобы отыскать в густой шерсти упругий сосок и поесть.

Родители растили своих отпрысков по-спартански: щенки лежали без подстилки, прямо на голой земле. Старший был самым крупным среди них. Ещё его выделял крутой, широкий лоб. Слезящиеся глазки только начали открываться, а он уже видел. Нечётко, но видел. Братья же ещё с неделю были незрячими и находили мать – источник тепла и пищи – по запаху. Это преимущество помогало Лобастому опережать остальных в поиске самого щедрого на молоко соска.

Когда наконец прозрели и братья и стали посягать на его права, первенец злился и решительно оттеснял конкурентов головой. Если такой манёвр не помогал, отпихивал лапами. Того, кто пытался огрызаться, Лобастый хватал едва прорезавшимися зубками за ухо и принимался теребить, таскать из стороны в сторону, урча сквозь стиснутые челюсти.

Средний брат, добродушный увалень, в таких случаях не сопротивлялся. Дождавшись конца трёпки, продолжал делать намеченное. Больше всего доставалось последышу. Как только мать засыпала, Лобастый, набычив голову, отжимал младшего к снежной стенке, не давая тому возможности вдоволь насосаться. Через несколько дней малыш до того ослаб, что так и остался лежать там.

Вернувшийся с охоты Клык обнаружил скрючившегося в углу камеры отпрыска, взял его в пасть, чтобы переложить к Пышке. Поняв, что детёныш мёртв, вынес наружу и зарыл в снег.

Сосунки постоянно требовали молока и тепла. Поэтому Пышка редко покидала логово. Да и не было в том нужды – Клык исправно обеспечивал её мясом. Однако вскоре он стал пропадать. Как-то на целых три дня. Рассерженная росомаха укусила его за ухо, но Клык в ответ стал отлучаться ещё чаще. Пришлось смириться с охлаждением отношений. А малыши требовали всё больше пищи.

Однажды перед уходом Клык так безучастно глянул на Пышку, что та поняла – он не вернётся. Принесённой им зайчатины хватило

ненадолго. За пару дней были раздроблены и сгрызены все скопившиеся от прежних трапез кости. Молоко у Пышки пошло на убыль.

Ребятня не наедалась. Будь в живых все трое, братьям пришлось бы совсем худо. Голодные вопли росомашат вынудили Пышку оставить малышей и идти на охоту. Следов, заслуживающих внимания, поблизости не оказалось: Клык основательно «зачистил» эту территорию. Удалось поймать лишь перебегавшую по снегу к куче валёжин мышку.

Искать поживу надо было вдали от логова. Вскоре ей повезло: поймала двух зайчат. Голод утолила, но, чтобы накормить малышей, нужна была более крупная добыча. Росомаха обошла устроенные вместе с Клыком в пору изобилия «схроны», но они оказались пусты – бывший кавалер уже опустошил их. Пришлось вернуться к голодным детям и хоть скудно, но покормить их. Через день голод и недовольный писк отпрысков опять погнали её на охоту. Теперь она отправилась за соседний отрог. Там в изголовье одного из распадков имелся часто посещаемый оленями солёный ключ.

При спуске с косогора ей почудился запах мяса. Принюхавшись, определила, что он доносится из пещерки, образованной елью, вывороченной с корнями. Проход в неё преграждали два толстых, ровно обрезанных ствола. Один из них лежал на земле, второй наклонно нависал над ним. В глубине, под сложенным шалашиком пластом земли, в полумраке виднелись кусок мяса и тушка рябчика. Добраться до этого богатства можно было только протиснувшись между брёвен.

Подлетела сорока.

– Чэп-щэп, чиррп-черек! Опасно! Опасно! – прыгая с ветки на ветку, беспокойно затараторила лесная болтушка.

Долго стояла росомаха в нерешительности. Она и без сороки понимала, что неспроста проход к мясу перекрыт брёвнами. Ещё раз тщательно принюхалась. Запаха металла не было. Нос улавливал только будоражащий аромат мяса. Тем не менее благоразумие взяло верх: Пышка продолжила путь к солончаку. Но тот не оправдал ожиданий – ни одного свежего следа. Последний – трёхдневной давности. Тропить его не было смысла.

Что же делать? Ослабленной голодом росомахе тяжело было продолжать поиск добычи. А перед глазами постоянно всплывало обнаруженное на косогоре мясо. Выбора нет – детей надо кормить!

Вернувшись к странному сооружению, Пышка осторожно протиснулась между брёвен и, ухватив рябчика, тихонько потянула его на себя. В тот же миг на неё рухнуло что-то тяжёлое. Раздался хруст. Пышка рванулась, но тело прожгла такая боль, что она на время потеряла сознание.

Очнувшись, росомаха попыталась выбраться из-под бревна, но задние лапы не слушались. Пышку охватил панический страх, однако материнский инстинкт быстро подавил его. Упираясь передними лапами в нижний ствол, она, раздирая шкуру, чуть-чуть продвинулась вперёд. Ещё чуть-чуть! Ещё!.. Всё! Шкура на крестце содрана, зато она на свободе!

Переведя дух, бедняжка попыталась встать, но задние лапы по-прежнему не повиновались. Она их даже не чувствовала. Росомаха торопливо съела рябчика, следом – кусок мёрзлой оленины и, загребая снег передними лапами, поползла. Задние безвольно волочились следом. Сейчас всё было подчинено одной цели: добраться до потомства!

Когда она ползла по склону вверх, за ней оставалась взбитая лапами бугристая снежная траншея. Зато вниз росомаха, благодаря длинной, гладкой шерсти, скользила, оставляя за собой лишь неглубокий жёлоб. Самым трудным оказался подъём на террасу перед логовом.

Росомашата встретили мать жалобным скулежом. Напрягая последние силы, она подползла к ним. Почуяв тепло и запах молока, малыши зашевелились и, толкая друг друга, вцепились каждый в свой сосок. Насытившись и согревшись, они сладко засопели.

Через четыре дня Пышка околела. До последнего вздоха она кормила своих детёнышей. Те ещё долго жались к остывшему телу матери, яростно теребя холодные соски.

ЧАСТЬ II

ТОП

Стреляя в зверей, мы стреляем в свои души.

Глава 14

Ермил. Спасение росомашат

Дед Ермил, несмотря на то что уже не единожды давал зарок завязать с промыслом, как только открывался сезон, начинал метаться по дому. В конце концов не выдерживал и уходил в тайгу, обещая жене, что лишь на пару недель, душу отвести. Но никогда не держал слово. Вот и нынче, хотя в его меховой копилке было уже девять соболей и пора было домой, да и суставы разболелись так, что по утрам, прежде чем подняться с нар, по полчаса массировал колени и поясницу, старый

охотник всё же решил продолжать охоту, чтобы довести счёт до пятнадцати хвостов. Тогда уж никто не скажет, что Ермилу пора на покой.

Но верно в народе говорят – человек предполагает, а Бог располагает. Вечером у него начались страшные рези в животе. А как съест что-нибудь, даже просто выпьет чайку, так боль становилась нестерпимой. Похоже, открылась давно забытая язва. Два дня лечился травами, но ему становилось всё хуже и хуже. Надо было срочно выбираться.

Отправился в путь налегке – взял только шкурки соболей и несколько сухарей. В село вошёл в середине ночи. Как ни странно, в его избе теплился огонёк.

– Батюшки! Неужто чует, что иду? – обрадовался Ермил.

Как только стукнула калитка, дверь отворилась. Маленькая, придавленная годами жена всплеснула сухонькими ладошками:

– Господи! Слава Богу, живой! Чего только не передумала – сны плохие видела.

– Не зря видела. Чтой-то совсем плохо мне, мать. Еле дошёл.

– Может, сбегать Стёпу разбудить?

– Угомонись. Утро вечера мудренее… Динке лучше поесть дай...

К утру деду стало хуже, и Степан отвёз его в город, в больницу. Прощаясь, отец сказал:

– Сынок, похоже, я тут надолго. Ты уж сходи, собери мои капканы, да пасти с кулёмками опусти.

– Не волнуйся, батя. Всё сделаю. Ты, главное, поправляйся.

* * *

Сразу же выбраться на отцовский участок Степану не удалось. Всё время задерживали какие-то дела. Попал уже в марте. На первом путике снял трёх соболей и одну норку. Вернее, только её переднюю часть: сохранилось то, что находилось в воде. Остальное мыши съели. На втором в кулёмки угодила пара огненно-рыжих колонков. Третий, последний, путик – Ермиловский угол – был самым длинным, но из семидесяти ловушек порадовала только одна пасть, стоящая в самом конце у «чайного» родника. Уже издали было видно, что самолов сработал. Степан непроизвольно прибавил шаг. Однако пасть оказалась пуста.

По остаткам шерсти на бревне и уже оплывшим под солнцем следам охотник определил, что в ловушку угодила росомаха. Сильный зверь сумел выбраться из-под тяжёлого давка и, оставляя на снегу борозду (со стороны казалось, будто протащили мешок с песком), уполз в сторону скалистого нагорья.

По характеру следа Степан понял, что у зверя не действуют задние конечности. Это обнадёживало: значит, ушёл недалеко! Однако, к удивлению опытного охотоведа, ему пришлось, несколько раз теряя и вновь находя борозду, идти три километра, прежде чем она упёрлась в зажатую между скал снежную нору. Овал лаза от частого посещения был отполирован до блеска.

– Ах вон оно что! К детям ползла.

Степан принялся топором вскрывать канал, но всё никак не мог добраться до камеры. Выручил Мавр – его чуткое ухо что-то уловило и он, дрожа от возбуждения, принялся раскапывать сугроб метрах в пяти от Степана. Тот бросился на помощь. Когда истончившийся купол обвалился, охотовед увидел мохнатый ком. Степан отпрянул было, но ком не шелохнулся.

В голове пронеслось: «Мёртвая! А где же детёныши?»

Шерстинки на краю шубы слегка зашевелились. В густом меху охотовед нащупал двух щенят. Отощавшие малыши едва слышно пищали. Они были так слабы, что, когда пытались поднять головки, их начинала сотрясать неудержимая дрожь. Тем не менее лобастый щенок открыл рот и даже попытался оскалиться. Второй, напротив, смотрел доверчиво, с надеждой.

Малыши были такими худыми, что сквозь нежную шубку прощупывалось каждое рёбрышко и улавливался стук сердца. Вид крошек растрогал охотоведа. Он, как никто другой, понимал: ещё день-два – и им конец.

– Давайте-ка сюда, заморыши! Тут тепло! – Степан засунул малышей за пазуху.

Потом вытащил из норы и росомаху. Увидев, что та без хвоста, ахнул:

– Батюшки, старая знакомая!

Придя в зимовье, Степан растопил железную печь, развёл в кружке с горячей водой сухое молоко и налил его в пластиковую бутылку. Пометавшись в поисках подходящей соски, отрезал от кожаной перчатки мизинец и, проткнув шилом дырку, надел на горлышко. Попив тёплого молока, малыши подняли тупые мордочки и запищали, требуя добавки. В итоге каждый выхлебал граммов по триста.

– Сколько ж дней вы, ребятки, голодали?! – оглядывая росомашат, произнёс Степан. Сознание того, что он спас их от смерти, наполнило его сердце радостью.

Вернувшись домой, первым делом спросил жену:

– Вера, ты не знаешь, у кого в деревне ощенилась сука?

– На что тебе?

– Да вот росомашат на отцовом участке подобрал. Мать померла. Пристроить надо.

Степан вынул из-за пазухи найдёнышей.

– Ой какие хорошенькие! – воскликнула жена. – В рубашке, похоже, родились. Пока ты ходил, у нашей Натальи Аська ощенилась. И представляешь, один из щенков – копия твой Мавр.

Степан вздохнул с облегчением: его двоюродная сестра Наталья – добрый человек. Уж у неё-то росомашата не пропадут.

Дверь открыл муж сестры – Николай. Этот поджарый, жилистый мужик объявился в посёлке лет пять назад после отбытия срока в колонии. Человеком он оказался мастеровым и безобидным. Сойдясь с вдовой Натальей, жил тихо: рыбачил, плотничал по дворам, частенько помогал отцу Сергию. Это он вырезал из сосновых плах Царские врата, обрамление для иконостаса. Как бы оправдывая свою необычную фамилию – Пуля, делал он всё быстро и ловко.

Степан показал Николаю спящих в корзинке малышей.

– У них мать погибла. Вера сказала, у вас Аська ощенилась. Возьми, пожалуйста, выкормить надо.

– А чьи щенки-то?

– Росомахи.

Николай напрягся.

– Я, конечно, не охотник, но слышал, что росомаха вредный зверь. Мол, в тайге она главный мародёр, чуть ли не подручная сатаны. Даже…

– Зачем всех слушаешь? – перебил раздражённо Степан. – Если что интересно, у меня спроси. Про любого зверя расскажу. На самом деле росомаха очень даже полезный и умный зверь. А главное – нужный тайге.

– Ну ладно, коль так. А долго ли выкармливать?

– До осени. Потом на зообазу сдадим. На росомах всегда большой спрос.

– Айда, попробуем Аську обмануть.

Пуля взял росомашат и, обсыпав их сенной трухой, устилавшей пол хлева, отодвинув щенят, сунул их прямо к брюху собаки. Та тщательно обнюхала пополнение. Запах не чужой, но её малышами не пахнет. Зарычала было на всякий случай, но голодные росомашата уже успели прилепиться к соскам. Материнский инстинкт не позволил лишить их пищи. Тем более что сосали они до того жадно и энергично, что Ася даже задремала от блаженства. (Ей нравилось, когда так активно опустошались её сосцы.)

Перед уходом Степан наклонился и ласково погладил собаку.

– Умница! Спасибо тебе.

После живительного сна росомашата сели и заозирались: куда это они попали? Вокруг светло и просторно, рядом на мягкой подстилке копошатся незнакомые щенки. Вместо тёмного косматого живота перед ними вздымался белый и довольно гладкий. От него не пахло матерью. Всё чужое. Зато тепло и сытно! Но где же мама?!

Тут что-то заскрипело, и стало ещё светлей. Над ними склонился большой зверь. Лобастый предупредительно ощерился. Наталья, а это была она, осмотрев малышей, запричитала:

– Бедняжечки! Какие вы худенькие! Ну ничего, я вас откормлю, вы только кушать не ленитесь.

Мелодичные звуки и нежные прикосновения были до того приятны, что по телу росомашат пробежала сладкая дрожь.

Через месяц найдёныши окрепли и освоились. Теперь они не лежали часами под боком Аськи, а резво бегали по двору, участвовали в общих играх с щенками и потешных потасовках. Лобастый в азарте подчас так злобился, что горлышко начинало дрожать от хриплых звуков, а игра переходила в драку. Николай с Натальей от души смеялись, видя, как неуклюже переваливается на бегу с лапы на лапу убегающий от него брат. За такую комичную походку они назвали его Топом.

Этот добродушный малыш всем улыбался. Кто-то возразит: «Росомаха не может улыбаться!» Ну да, не может. А вот Топ мог, причём так искренне, что ему тоже начинали улыбаться в ответ.

Несмотря на упитанность, он в этой дворовой команде был самым подвижным и любопытным. Вскоре Топ знал в лицо обитателей не только этого человечьего логова, но и большинство соседей. Его удивляло то, что на них нет тёплой, пушистой шерсти. Ещё больше удивляло пристрастие людей к ходьбе на двух лапах. Он тоже так умел, но на четырёх-то удобней и быстрей.

Топ различал людей не только по внешнему виду, но и по голосам. Грубые, хриплые принадлежали самцам. У самок голоса были нежнее и мягче. Особенно приятный был у пышнотелой коротышки, кормившей их.

Запахи, шедшие от неё, приветливый взгляд говорили: её не надо бояться, ей можно доверять. Выражая свою симпатию, Топ частенько покусывал мягкие пальцы кормилицы, а во дворе, не отступая ни на шаг, путался под ногами. Там же постоянно крутилась коза Манька. Она всё норовила пожевать подол юбки. Топ из ревности запрыгивал козе на спину и, больно кусая загривок, отгонял подальше.

Молока у Аськи на всех не хватало, и Коротышка стала подкармливать малышей кашами. Больше всего накладывала увальню Топу. Она же приучила его есть хлеб. Однажды, отщипнув кусок от ещё тёплого каравая, протянула его любимцу, ласково воркуя: «Ешь, Топушка, ешь!» Малыш опасливо обнюхал необычное угощение и отвернул мордочку: запах приятный, но пробовать страшно.

– Глупенький! Это так вкусно! – Наталья демонстративно откусила кусочек и, аппетитно чмокая губами, снова протянула хлеб малышу.

Топ последовал красноречивому примеру, а разжевав, весело покачал хвостом: «Вкусно! Ещё!»

Восхищённая понятливостью малыша, Наталья потрепала его за ушками: «Умница!» – и протянула кусочек побольше. Когда она попыталась также подкормить и приголубить Лобастого, тот сердито заурчал и попятился.

С того дня любимым лакомством Топа стал свежеиспечённый хлеб. Когда хозяйка пекла его и по двору расплывался пьянящий хлебный дух, он, в ожидании тёплой краюхи, садился у двери, терпеливо дожидаясь угощения.

Настал день, когда щенкам и росомашатам начали давать мясо, рыбу. При «дележе» лучший кусок, как правило, отхватывал Лобастый.

– Знатный добытчик из него выйдет, – заключила хозяйка.

– Не спеши. Дай клыкам вырасти, тогда посмотрим, – возразил муж.

Если Топ был общительным и дружелюбным, одним своим видом вызывал улыбку, то Лобастый постоянно демонстрировал

свой недоверчивый и нелюдимый характер. Не дай бог кому-нибудь глянуть на него в упор. Он тут же начинал злобно скалиться и рычать.

Топ, наоборот, сам тянулся к людям. Когда Наталья с Николаем разговаривали, он потешно наклонял голову, как будто пытался понять их. И, судя по его поведению, он действительно кое-что понимал. Если ему говорили: «Не хулигань!» – он отходил с виноватым видом, а когда говорили: «Молодец!» – подпрыгивал, восторженно вилял хвостом. И с каждым днём количество слов, на которые он «разумно» реагировал, росло.

Топ был любимцем не только благодаря смекалке и добродушию, но и потому, что в нём, несмотря на то что был толстым, неуклюжим увальнем, чувствовался крепкий внутренний стержень. У него были хорошие, ровные отношения со всеми, но признавал он только Пулю, Наталью и высокого двуногого, с мордой, густо заросшей кудрявой шерстью, – Степана.

Тот навещал найдёнышей вместе со своим громадным псом, которого Топ запомнил, поскольку он был увеличенной копией его лучшего друга – Амура, тоже белого, с чёрными лапами пса. В этом сходстве не было ничего удивительного – Мавр был отцом Амура.

В очередной раз проведывая Топа, Степан, наблюдая за поведением росомашат, сказал Пуле:

– Поразительно, что Топ такой покладистый. Для росомах это не характерно. Почти все изучавшие и наблюдавшие их биологи

отмечают агрессивность, необщительность этих зверей. Думаю, что, кроме присущего ему от рождения доброго нрава, этому поспособствовало то, что он попал к нам сосунком. А вот брат никак не раскроется. Жёсткий характер. Два брата, а какие разные… Всё как у людей.

– Ты, Степан, оказался прав: врут охотники про росомах. Сколько я за этими мальцами наблюдаю – ничего плохого не заметил. Наоборот, они посмышлёней иных собак. А по чистоплотности так и вовсе всем пример. Вылизываются часами, в туалет ходят в одно и то же место.

– Вот видишь, а ты всё – дьяволы, дьяволы! Какие ж они дьяволы? Мы ведь их сами злобим. Помнишь, к моему бате одна повадилась? Так он же сам был виноват – подранил её. Вот и мстила.

Мужики, каждый думая о своём, помолчали.

– Николай, а ты не хочешь охотой заняться? – неожиданно спросил Степан. – Наши на пушнине и мясе хорошо зарабатывают. Участки свободные есть. Сейчас два пустуют.

– Да нет. Не лежит у меня к этому делу душа. Курицу-то заразать не могу.

– Понятно... Мне это знакомо…

* * *

Если Топ радовался всем и всему, то хитрован Лобастый был всегда сосредоточен, себе на уме. Как только хозяйка уходила из дома, он подсовывал когти под дверь и рывком открывал её. Прокравшись на кухню, хватал, что глянется, и уносил добычу под кровать или за печь, где втихаря съедал. Когда маленького «медвежатника» застукали и попытались наказать, он принял такой покаянный вид, что гнев уступил место с трудом скрываемой улыбке.

Этот разбойник был до такой степени ушлым, что даже научился открывать холодильник.

Однажды он всё же крупно проштрафился. С такой силой дёрнул нижнюю, запертую на замок, дверцу горки, что стоящая на верхних полках посуда повалилась на пол. На грохот разбившихся тарелок, чашек и рюмок вбежала хозяйка. Копившаяся десятилетиями посуда, частью ещё оставшаяся от родителей, превратилась в груду осколков. В сторонке стоял, понурив голову, Лобастый. И хотя его взгляд выражал глубокое страдание, тут даже добросердечная Коротышка не сдержалась и в гневе вышвырнула разбойника на крыльцо.

После этого случая входную дверь в летнюю кухню и избу стали запирать на двухстороннюю задвижку. Во дворе же «молодёжь» ни в чём не ограничивали. Они устраивали потешные схватки, погони. Когда солнце особенно сильно припекало, отлёживались в тени.

Лобастый к общим играм и вылазкам присоединялся редко. Как правило, разгуливал в одиночестве или отлёживался под крыльцом. Топ же с подросшими щенками, можно сказать, сроднился. А с Амуром они даже ночью не расставались: спали, прижавшись друг к дружке.

В четыре месяца росомашата хоть и не достигли размеров взрослых особей, но окрас меха уже ничем не отличался: буро-коричневая спина, та же подковообразная шлея от основания хвоста до предплечья. Ноги от ступней до колен в чёрной блестящей шерсти. Только у Лобастого, в отличие от брата, спина была намного светлей и по цвету почти сливалась со шлеёй.

Степан частенько приходил проведать и осмотреть росомашат. Когда очередь доходила до Лобастого, Пуля предупреждал:

– Поосторожней! Он, чёрт такой, может и тяпнуть. Его и сдашь на зообазу. А Топа я оставлю. Привязались мы к нему. Особенно твоя сестрица. Ласкун такой, умница!

– Да уж! Звери, как и люди, всяк со своим характером.

Глава 15

Рыбак

Пуля со временем стал неплохо понимать издаваемый Топом стрекот, урчание. Когда выходил из дома в громадных чёрных сапогах и приветствовал всех словами: «Кто сегодня со мной?» – Топ, комично кивая головой, тут же бежал к калитке и радостно стрекотал. Он знал: сейчас хозяин достанет из сарая длинные гибкие палки, пахнущую рыбой брезентовую сумку и они пойдут на озеро или речку. Однажды Пуля почему-то ушёл на рыбалку один. Так Топ до того разобиделся, что забился за поленницу и, как ни пытались его выманить, просидел там до ночи.

Отец Сергий тоже любил порыбачить и, когда возвращался с уловом, всегда заворачивал во двор Николая Николаевича, чтобы угостить росомашат мелочью (специально оставлял для них). А случались и такие особенные дни, когда на рыбалку отправлялись все вместе: священник, Николай и Топ. Если Николай был занят (кому-то

крышу перекрывал, ставни менял), а батюшка шёл на рыбалку, то он непременно брал с собой и Топа. Вот и нынче был такой день.

Выйдя к излучине с глубоким омутом, отец Сергий бросил в воду ком каши и закинул удочку. С этого момента Топ не сводил с поплавка глаз. Увидев, что тот заиграл, напрягся. Когда батюшка стал подтягивать бьющуюся рыбу к берегу, решил помочь – прыгнул в воду. Первый раз отца Сергия это умилило, но, когда с крючка сошло подряд два голавля, он шуганул «помощника». Расстроенный росомашонок ушёл за прибрежные кусты. Вскоре оттуда донёсся шумный всплеск.

«Щука, что ли, играет? Надо бы живца закинуть, – подумал батюшка. Он обогнул заросли и перед ним предстал Топ, сидящий на склонившейся над водой корягой и доедавший рыбку. – Откуда он её взял?»

Притаившись, отец Сергий стал наблюдать. Недалеко от берега плавал размякший кусок хлеба. Вокруг суетилась мелочь. Когда подплыла рыбка покрупнее, Топ резким движением выхватил её из воды.

«Вот это да! Сообразительный, чертяка!» – подивился батюшка и тихонько вернулся на своё место. Минут через десять росомашонок подошёл к священнику с рыбкой в зубах. Положив её у ног, застенчиво отвернулся.

– Ай да молодец! Меня обловил! – похвалил отец Сергий, а про себя подумал: «И чего это учёные мужи пишут, будто звери разума не имеют? Создатель никого не обидел. Это мы самовольно возвысили себя над всем живым. Понимать, чувствовать божьих созданий не желаем».

Невольно припомнился недавний курьёз. Церковь в Верхах приземистая, а вот колокольню Пуля срубил высокую. Народ радовался, когда на праздник и после литургии благостный звон начинался. Селяне душой воспаряли. Как-то утром, ещё и коров не выгнали, вдруг ни с того ни с сего по селу понеслось: «Бом-бом», потом опять: «Бом! Бом!» Что такое? Балует, что ли, кто?

Вышел и увидел, что на перилах колокольни вороны важно так сидят. Одна со всей силы за верёвку дёргает. Пришлось подняться. Прогнал всех. Только спустился – опять: «Бом! Бом!» И не одна ворона, а сразу две за верёвки тянут. Дёрнут, отойдут, другие подходят. Так по очереди и звонят. Вот ведь до чего додумались! После этого, чтобы непорядок пресечь, верёвки внатяжку к перилам стали привязывать.

* * *

Благодаря необычайно тонкому обонянию и слуху Топ лучше всех щенят ориентировался в изменчивой обстановке и мало-помалу приобрёл такой авторитет, что его стали признавать за вожака.

Природная наблюдательность помогла ему понять, что прямоходящие отличаются друг от друга характерами. Потому и пахнут они по-разному. Внюхайся – и не останется никакой загадки. Его хозяин, например, судя по запаху, справедлив и добр: если провинился, может отругать, а отличился – дать что-нибудь вкусненькое.

Как-то, вернувшись с рыбалки, Топ не нашёл во дворе брата. Это не удивило его: и раньше бывало, что Лобастый пропадал до

вечера. Но шли дни, а тот так и не появлялся. Хотя они и не были дружны, Топ скучал и пытался даже искать брата, но безуспешно. И неудивительно – охотовед увёз его в город.

Глава 16

Первая охота

Подошло время, когда Топ начал смутно сознавать, что мир, в котором он живёт, не его мир. Что его настоящий дом – в лесу. Он был уверен, что именно туда ушёл и брат. Теперь, когда его брали на рыбалку, он не следовал, как прежде, по пятам за двуногими, а с каждым разом всё глубже забирался в таинственную чащу.

Как-то рядом с ним из-под листьев вынырнул зайчонок. Перебегая короткими рывками, он вздрагивал и надолго замирал, принюхиваясь дрожащим от страха носиком. Увидев громадного зверя, малыш бросилась наутёк, однако Топ оказался проворней.

Схватив зубами бархатистый шарик, он съел свою первую добычу. В другой раз на него выбежал бурундук и изумлённо уставился чёрными глазками-бусинками. Топ попытался схватить его, но стоило ему шевельнуться, как тот исчез: вроде только что был, а уже нет!

Набегавшись вволю, росомашонок возвращался к рыбакам.

Настал день, когда он отважился на самостоятельную вылазку. Верный ему Амур следовал рядом. Углубляясь в лес всё дальше и дальше, друзья рыскали по чащобе, взбирались на скалы. В заросшем молодыми сосенками горельнике тонкое обоняние Топа уловило волнующий дух. Память предков подсказала, что это запах большого зверя. Свернув на него, он вскоре увидел торчащие из травы беловатые кончики рогов, вздувшийся бок лося.

Топ был потрясён – впервые видел столько мяса сразу. И всё оно принадлежало ему и Амуру. Это он нашёл его и теперь никому не отдаст свою добычу! Молодой хищник наелся так, что живот стал похож на туго накаченный шар. Амур не стал даже пробовать. Понюхав, он сморщил нос и улёгся с наветренной стороны. Топ никак не мог понять, почему его друг отказывается от такой вкуснятины.

Через день, вспомнив про гору мяса, росомашонок отправился к ней один. Но в этот раз пообедать не удалось. У туши пировала стая волков. Один из них, заметив Топа, грозно оскалил окровавленные клыки и, наклонив голову, сделал предупредительный шаг в его сторону. Топ понял, что ему лучше уйти. Так он узнал, что в лесу есть звери посильней и их лучше сторониться. Возвращаться к двуногим

не хотелось. Хозяйка, конечно, добрая и ласковая, но похлёбка, которой его кормили, порядком надоела. Молодой организм хищника требовал мяса. Так что надо искать новую поживу. Топ набрёл на заросли сочной, спелой малины. Ягоды выглядели столь аппетитно и от них исходил такой изумительный аромат, что он решил попробовать их. Пасть заполнила сладость. Топ ел и ел.

Это было очередное открытие: оказывается, в лесу, кроме мяса, есть и иная пища. Радуясь сытости и свободе, он прилёг на тёплом камне недалеко от малинника. В какой-то момент боковым зрением засёк вылезавшего из норы остромордого зверя. Видя, что тот заметно крупнее его, Топ заколебался. Стоит ли связываться с ним? Но внутренний голос ободрил: не бойся, вперёд! Сам того не ожидая, он резко развернулся и что есть силы застрекотал. Этот боевой клич пробудил в нём дремавший дух хищника. Молодой барсук, а это был он, дрогнул и стал пятиться. Ещё раз окинув оценивающим взглядом приземистого, плотно сложенного толстяка в сероватой, отливающей серебром шубе, Топ опять заколебался – одолеет ли? Но более сильные инстинкты уже завладели им: он ринулся в атаку. Однако барсук оказался проворней. Пронзительно вереща, он в три прыжка достиг лаза и скрылся в своём подземном убежище.

Это был очередной урок для Топа: возле норы нападать нельзя. Нужно дать намеченной жертве отойти от входа подальше и атаковать, перекрыв путь к отступлению. Определив направление ветра, Топ залёг в отдалении так, чтобы был виден выход из норы.

Потянулись часы ожидания. Ночь густела, звёзды мерцали, как глаза невидимых зверей. Топ заметил за ними удивительное свойство: если подремать, то они окажутся в другом месте. По этим небесным глазам он впоследствии научился определять время. Днём в этом помогало солнце.

«Когда этот толстяк выйдет?! Так хочется есть! – страдал Топ, но тут же сам себя успокаивал: – Терпение! Терпение!»

Наконец белёсая голова с чёрными полосками по обеим сторонам морды высунулась из норы. Оглядевшись и ничего подозрительного не приметив, барсук поковылял по косогору к ручью.

Пора!

Нагнав увальня, Топ с парализующим волю рёвом запрыгнул на него сзади. Сомкнув клыки на шее, он вскоре почувствовал, как слабеет сопротивление жертвы…

От ярости и непривычного напряжения челюсти свело судорогой. С трудом разомкнув их, он ощутил такую бьющую через край радость, что, издав счастливый стрекот, несколько раз высоко подпрыгнул над добычей.

Никто никогда не обучал его охоте, а вот получилось! Для Топа стало откровением то, что мясо, добытое в борьбе, гораздо вкусней. Он решил не возвращаться в село.

Услышав на следующий день голос хозяина: «Топ! Топ! Ау! Топ! Ау!» – Топ понял: его ищут! Хотел было побежать навстречу и уже даже рванулся, но что-то остановило: понял – его дом здесь.

Однако не всё в его новой жизни было легко и гладко. Уже на следующий день рысь отняла у него остатки барсука. Топ был молод, его мускусная железа, извергающая обезоруживающую струю, ещё не созрела, а силёнок противостоять крупной, поджарой кошке не хватало. Возмущённо урча, он удалился. Но голодать не пришлось: мясо беспечной куропатки оказалось даже вкусней барсучьего.

Без устали рыская по лесу, памятливый зверь учился различать звуки леса. Голоса пернатых подсказывали ему, где добыча, где опасность. А по тому, как бежит тот или иной зверь, Топ стал понимать, спасается тот или сам кого-то преследует. Вот и сейчас мимо него размашистой рысью пронеслись лоси. Всё ясно! Кто-то их потревожил. Точно – вон и волки показались.

Поохотившись и нагулявшись, Топ отправлялся отдыхать на ближайшее продуваемое возвышение. Дремал, правда, чутко и при малейшем шорохе зорко осматривался, принюхивался, прислушивался. Однажды, нежась на обрывистом берегу, он услышал громкий треск сучьев. Из леса на плёс вышла медвежья семья: мамаша, пестун и медвежонок. Широколобая медведица, с колышущимися от жира боками и широкой спиной, показалась Топу громадной глыбой. Ступала она сосредоточенно, лишь изредка бросая исподлобья взгляды по сторонам. Когда семейка подошла ближе, он разглядел выглядывающие из пасти жёлтые кончики клыков.

Покачивая головой в такт шагам, медведица вела своих деток к шумному, заваленному валунами порожку, соединяющему верхний и нижний плёсы. Перейдя пенистый поток, медведица, уверенная, что пестун поможет братишке, двинулась к лесу. Но тот даже не остановился, побежал следом. Малыш же, напуганный шумом пенящейся воды, остался скулить на берегу.

Топ ожидал, что мать бросится ему на помощь, но ошибся. Медведица подскочила к пестуну и отвалила ему такую затрещину, что тот кубарем покатился к реке. Урок пошёл впрок: пестун, прыгая по мокрым валунам, перевёл братишку через речку.

Ошалев от первых успехов, Топ настолько осмелел, что решил попытаться завалить лосёнка, жившего с мамашей в затянутом молодью горельнике. Но как к нему подступиться? Лосёнок всегда

следовал в двух-трёх шагах от матери, а подставляться под удары мощных копыт Топу не хотелось.

Как-то, наблюдая за ними в отдалении, Топ увидел, что лосиха спрыгнула с крутого яра к воде, а малыш залёг в траве. Тут уж молодой хищник не устоял. Заметив приближение бурой торпеды, лосёнок, вместо того чтобы кинуться к матери, припал к земле, чем и предопределил исход атаки…

Топ не стал сразу есть добычу. Сначала следовало успокоить рвущееся от ликования из грудной клетки сердце и насладиться сознанием своего могущества. Снизу донёсся скрежет гальки. Это поднималась от ключа лосиха. Опьянённый победой, Топ приготовился было защищать добычу, но интуиция подсказала, что благоразумнее затаиться. Он быстро вскарабкался на дерево и замер.

Ждать, когда лосиха оставит бездыханное дитя, пришлось долго. Зато потом молодой разбойник столовался безбоязненно. Отдыхать заполз под буреломный отвал. Но прежде, чтобы на жаре остатки недоеденной добычи не портились, перетащил всё к ключу. Притопив мясо в родниковой воде, завалил его сверху валунами.

Всласть поспав, Топ потянулся во всю длину, оттягивая задние лапы, широко зевнул, сощурил чёрные глазки и, взобравшись на поваленный ствол, прошёл по прогретой коре. Ещё несколько мощных прыжков, и он, перелетев кусты, оказался на уступе скалы. Отсюда удобно было обозревать окрестности.

Вдали за отрогом поблёскивал край озера. Где-то там живут его кормильцы и верный друг – Амур. В глазах Топа мелькнула грусть, но окружающий простор, сознание того, что он может сам решать, куда идти, чем заниматься, и припрятанная гора мяса не оставляли сомнений – он сделал правильный выбор!

Глава 17

Трагическая ошибка

Прошёл год. Незаметно подкралась очередная слезливая осень. Топ возмужал и чувствовал себя на оконтуренном пахучими метками участке полноправным хозяином. До совершенства отточив умение выслеживать, ловить и умерщвлять добычу, он редко голодал.

Погожие дни сменились ненастными. По небу лениво ползли низкие, лохматые, наполненные влагой тучи. То и дело начинал сеять мелкий, нудный дождь. Топ спасался от него под старыми елями – их покатые шатровые кроны не пропускали ни капли.

По утрам траву в распадках выбеливал иней. Заморозки с каждым днём крепчали. Отряхнули ржавый головной убор деревья. По оголившейся тайге свободно загулял стылый ветер. А вскоре и водоёмы стали затягиваться тонким, стрельчатым ледком.

Ходить по лесу стало намного легче: траву прибили морозы, а листья осыпались. Теперь любое движение зверя и птицы бросалось в глаза, зато и сам Топ стал более заметным для тех, к кому подкрадывался. Приближение стужи его не страшило: пышная зимняя шуба была надёжной защитой.

Иногда всё же вспоминалось тёплое логово вскормивших его двуногих, но ни разу, даже мимолётно, не возникло желания вернуться туда. Наоборот, хотелось расширить пределы освоенной территории. Разведать, какое там зверьё и сколько его. Особенно манила трёхгранная вершина, венчающая соседний, оскалившийся зубастыми скалами кряж. И Топ отправился к ней.

Поднимался не спеша, попутно заглядывая в самые буреломные места. На отдых устроился под каменным козырьком, посреди склона.

Проснувшись, он зажмурился от брызнувшего в глаза света: бурая ещё вчера земля была покрыта белым, искрящимся в лучах солнца одеялом. Тайга хоть и посветлела, но стала гуще. Даже тоненькие веточки, облепленные снегом, выглядели теперь толстыми сучьями. Накрытые белой ризой, ёлочки разом подросли и возвышались островерхими конусами. Воздушной мягкости пушинки привели росомаху в состояние восторга – Топ любил зиму. Ещё бы! Ведь на снегу хорошо видны все следы, а это так помогает в охоте.

Он то и дело нюхал, подкидывал лапами невесомую снежную массу. Потом зарылся по брови в её толщу, с удовольствием хватая пастью холодные снежинки. Отфыркавшись, проурчал что-то радостное, восторженное. После этого целиком закопался в сугроб. Освежившись, чистоплотный зверь занялся чисткой шубы: елозил по снегу животом, переворачивался на спину, долго перекатывался с боку на бок. Завершив купание, отряхнулся. Да так мощно, что снежинки окутали его алмазным облачком. Чистые волоски распушились. Теперь при каждом прыжке мех красиво перекатывался плавными волнами.

Зайцы и куропатки ещё не успели сменить летний наряд на зимний и были хорошо заметны на белой пелене. Это ещё больше облегчало охоту на них. И урожай шишек кедрового стланика в этот год выдался богатым. Трескучие кедровки срывали с торчащих над снегом веток шишечки и уносили каждая в свою «столовую». А под переплетениями гибких стволиков сновали неугомонные мыши. Топ вынюхивал их подснежные ходы и безошибочно пробивал снег

лапой именно там, где в этот момент находился шустрый обладатель бархатистой шубки. Добыча мелкая, но в начале зимы мышей было так много, что Топ некоторое время питался только ими.

* * *

Сосед Пули, самый фартовый промысловик госпромхоза, пятидесятидвухлетний Карп Силыч, завершив обход путика, размашисто скользил на лыжах к своей заимке. Несмотря на чувствительно пощипывающий мороз, у него было прекрасное настроение. Ещё бы! Снял за день трёх соболей. Одного – на подрезку*, остальных – на приманку.

До избушки оставалось не более одной версты, как вдруг с ближнего кедра чёрным вихрем сорвался глухарь и спланировал в ельник, стекавший по склону тёмно-зелёной лентой. Намётанный глаз промысловика засёк его характерный силуэт между качнувшихся зелёных лап.

«Подкова за одного глухаря платит, как за пятнадцать рябчиков. Грешно не воспользоваться. Если обойти справа, то под прикрытием деревьев можно приблизиться на верный выстрел», – рассудил Силыч и свернул с лыжни.

Выцелив, нажал на спуск. Краснобровый гигант, беспорядочно хлопая воронёными крыльями, закувыркался вниз, сбивая с ветвей комья снега. В последний момент он всё же сумел выправиться и, медленно набирая высоту, потянул через курумник к соседнему ельнику.

Силыч успел-таки пальнуть вслед. Промах! Расстроенный неудачей, рванул вдогонку. Выехав на присыпанные снегом угловатые глыбы, понял, что на лыжах курумник не проскочить. Скинув их, побежал, расчётливо прыгая по выступающим из снега камням. Тем временем глухарь отлетал ещё дальше. Промысловик, ругая себя всякими словами, рванул вслед. И тут нога, соскользнув с камня, угодила в щель. Кость хрустнула, и Карп Силыч упал на заснеженные камни. Сгоряча попытался встать, но от пронзительной боли потемнело в глазах.

Перелом! Эта мысль обожгла сердце промысловика.

«Без паники! Бывает! Зимовье рядом. Доберусь! Надо только шинки наложить, иначе боль не даст двигаться, да и кость может сместиться», – успокаивал он себя.

---

* П о д р е з к а – способ охоты на пушнину, при котором капкан устанавливается на собольей тропке под снежным следом.

Стиснув зубы, охотник осторожно подполз к торчащим из снега веткам кедрового стланика и вырубил тесаком шесть плашек. Ошкурив, просунул их по очереди под голенища меховых унтов и туго стянул ремнём. Пошевелил ногой – терпеть можно.

Теперь следовало добраться до лыж, оставленных на краю каменной россыпи. Силыч лёг на живот и, толкаясь руками и здоровой ногой, пополз. Лежащие в беспорядке глыбы оказались довольно серьёзным препятствием. Выискивая удобные проходы, охотник постоянно менял направление. Запыхавшись, скинул рюкзак, рядом воткнул ружьё. Добравшись до лыж, улёгся на них и принялся толкаться к путику. Когда выехал на его укатанное полотно, заскользил намного быстрее. Теперь Силыч ругал себя за оставленные одностволку и рюкзак с соболями. Когда ещё вернётся?! За это время вездесущие мыши могут сострич ценный мех для утепления своих шарообразных спален. А его ружью вообще цены не было. На вид невзрачное, зато лёгкое, с резким, кучным боем. Да Карп Силыч и не гонялся за красотой. Наоборот, не чистил стволы снаружи, чтобы не блеснули на солнце и не выдали его присутствия. Зато внутренность содержал в идеальной чистоте: концентрические кольца сияли так, что смотреть было больно.

Наконец начался уклон. Значит, речка близко, а там и зимовье. Промысловик облегчённо вздохнул и вытянулся во весь рост, чтобы отдышаться перед последним рывком. Восстановив дыхание, привстал на здоровое колено. Над руслом парила наледь. Она появилась с неделю назад и с каждым днём росла в размерах. Даже по сравнению с утром тёмная лента пропитанного водой снега заметно расширилась.

Вообще-то наледи в этих краях – обычное явление. Горные речки и ключи зачастую промерзают до дна и грунтовая вода, выпираемая внутренним давлением через береговой галечник, струйками стекает на лёд. Тонкие плёнки, раз за разом намерзая, быстро наращивают его толщину. В итоге к концу зимы наледь может достигать двухметровой толщины, а то и больше.

Охотника встревожило то, что вдоль противоположного берега ползла со зловещим шуршанием ледяная каша. По всей видимости, пробился наружу ключ.

«Ну и денёк! Сначала перелом, теперь наледь попёрла! Её бы обойти сверху, но ползти по целине уже нет сил… Ну да ладно, как-нибудь переберусь. Не сахарный, не растаю… Печь затоплю и обсохну», – решил Силыч. Уж очень хотелось ему поскорее в тепло. Он с надеждой глядел на белеющий в сумерках взлобок, на котором призывно чернела его избушка.

С берега промысловик съехал, как на санках. До середины русла тоже дополз легко. Дальше лёд на протяжении пяти-шести метров покрывала медленно ползущая «каша». Превозмогая боль, Карп Силыч встал на четвереньки и решительно зашёл в неё. Он не знал, что под мелкой шугой прячутся промоины, перекрытые слоями истончённого течением льда. Когда промысловик благополучно преодолел большую часть подвижного крошева, лёд не выдержал, хрустнул, и правая рука провалилась по локоть в воду. Охотник опёрся на левую, но та провалилась ещё глубже: туловище почти целиком оказалось в воде. Острые кромки льда секли руки, но он не чувствовал боли: пока полз, они так закоченели, что из порезов даже кровь не выступила.

Собрав остатки сил, промысловик сумел-таки выбраться на чистый лёд. Тело трясло от перенапряжения и холода. С него ручьями стекала вода. Сделав три неуверенных шажка, Силыч остановился. Глядя на избушку, представил себе, как совсем скоро он растопит железную печурку и будет отогревать у докрасна раскалённого железного бока застывшие внутренности горячим чаем из чаги. От этих мыслей ему стало хорошо, тепло… Веки сами собой смежились… Мороз тем временем крепчал…

Проснулся, будто от толчка. Карп Силыч попытался «пойти», но не тут-то было. Он не смог даже шевельнуться: руки и колени намертво вмёрзли в лёд, а мышцы так застыли, что уже не подчинялись. Что за чертовщина! Промысловику казалось, что он прикрыл глаза всего на минуту. На самом же деле прошло более получаса. На потемневшем небе уже проклюнулись первые звёзды.

Обездвиженный охотник от ужаса завыл на всю округу, но прийти на помощь было некому…

Глава 18

Странный двуногий

Освежая в очередной раз пахучие метки, Топ увидел на заснеженной полянке с десяток тетеревиных лунок. Тихонько ступая, он подкрался и прыгнул на крайнюю. Но не угадал – спаленка оказалась с другой стороны. Снег вокруг сразу вздыбился фонтанами взрывов от вылетавших птиц. Заснеженный пенёк под кустом тоже ожил: это был вовсе и не пенёк, а притаившийся заяц. Когда он побежал, чёрный нос и чёрные кончики ушей выдали его. Топ был не настолько голоден, чтобы гоняться за быстроно-

гим беляком, и отправился искать добычу доступней. Со стороны ключа донеслась гортанная перебранка воронья, а там, где они, – там всегда пожива.

Выйдя к речке, он увидел чёрных пернатых, что-то долбивших железными клювами у противоположного берега. Несколько выше темнело логово охотника. Ещё несколько ворон, сидя на снегу и на низко склонившейся берёзе, негромко переговаривались: то ли ожидали, когда освободится место, то ли уже наелись.

Птицы кормились без опаски, недовольно поглядывая на Топа. Когда он приблизился, они отлетели, и Топ увидел стоящего на четвереньках человека, наполовину вмёрзшего в лёд. Его зад был выклеван местами до костей. Подойдя вплотную, зверь обнюхал двуногого и застыл в замешательстве: это был запах человека, жившего рядом с его кормильцами. Топ отвернул морду – есть человечье мясо ему не позволял генетический страх.

Зверь поднялся на берег и, обойдя избушку, убедился в отсутствии свежих следов людей. Зато на задах обнаружил десятки ободранных беличьих и собольих тушек.

«Так тут можно и пожить! Этого мяса надолго хватит!»

(Если б он знал, к каким последствиям приведёт это решение, он обошёл бы зимушку за версту.)

Съев за один присест двух мёрзлых белок, довольный Топ побарахтался в снегу. После такой ванной его и без того блестящая шерсть заструилась, заиграла на солнце.

Безмятежно прожил Топ здесь больше недели. Прожил бы и дольше, но в один из погожих дней с устья распадка донёсся скользящий шорох и поскрипывание лыж. Топ встал на задние лапы – никого не видно. Взобрался на макушку кедра. Сквозь хвою разглядел идущего по тропе человека. Вскормленный людьми, Топ их не боялся, но от этого двуногого исходила какая-то угроза. Он спустился с дерева и ушёл в горы.

* * *

Сын Карпа Силыча – Антон, работавший мотористом дизельной электростанции в Верхах, встревоженный тем, что отец на Новый год не вышел, договорился с напарником о подмене и отправился в тайгу. К избушке подходил на исходе дня. При виде бурого пятна на речке сердце парня бешено заколотилось от страшной догадки. Спустившись на лёд, он остолбенел. Перед ним на четвереньках стоял отец с обглоданным задом. У Антона перехватило

дыхание. По многочисленным отпечаткам росомашьих лап вокруг избушки он решил, что именно росомаха виновна в гибели отца.

Вырубив изо льда тело, завернул его в брезент и погрузил на стоящие у зимовья нарты. К этому времени совсем стемнело. Возвращаться в село было жутковато. Всю ночь Антон пил спирт, плакал, вспоминал отца. Впадал в тревожное забытьё, а проснувшись, вновь пил, рыдал. Он не мог поверить в то, что такое могло случиться именно с его отцом – опытным промысловиком.

Утром, впрягшись в сани, Антон повёз скорбный груз домой. В дороге, сквозь непросыхающие слёзы, заметил идущего по гребню увала косматого зверя. «Росомаха!!! За мной теперь следит?» Парень невольно стиснул цевьё ружья и прибавил шаг. Скорей бы добраться до села!

В тёплой избе тело Карпа Силыча за ночь оттаяло, и, когда его раздели, по шинам, наложенным на голень, селяне поняли, что у него перелом ноги и к зимовью он не шёл, а полз. Позже это подтвердил и бугристый след, приведший людей к ружью и рюкзаку, оставленным охотником. Посему у первоначальной версии появилось уточнение: кровожадная росомаха загрызла обессиленного и беззащитного человека в двадцати метрах от избушки.

Почему-то не обратили внимания на то, что у охотника ни на лице, ни на теле не было следов ни от зубов, ни от когтей. Однако репутация у росомах такова, что многие сразу согласились с вынесенным в первый же день приговором: убийца Карпа Силыча – росомаха. Были всё же и те, кто не поверил, но их не слушали. Макарыч и тот засомневался:

– Навряд ли это росомаха. Пакостливая, конечно, зверина, но не слышал, чтобы на людей нападала.

– Вас послушать – добрей росомахи зверя нет. Ещё волков в друзья запишите, – огрызался Антон.

– Да при чём тут волки? Ты же видел росомашат, что у соседей жили. Вполне дружелюбные звери.

Глава 19

Месть

За неделю весть о том, что росомаха загрызла человека, облетела не только деревню, но и все охотничьи участки. Кто-то поверил, кто-то нет, но в разгар промыслового сезона, который кормит

семью весь год, отвлекаться на облаву мужикам было не с руки. С жаждущим возмездия Антоном согласился пойти лишь его одноклассник Михаил.

Горбушка солнца едва пробила горизонт, а парни уже шагали по заваленной снегом лесной тропе, по очереди пробивая лыжню. Шли молча и, лишь пройдя километра три, сели на поваленный ствол передохнуть.

Настороженно прислушиваясь к шуршащим по берёзовой коре поползням, прикидывали, где может находиться росомаха. Сошлись на том, что она, скорее всего, на той гряде, где видел её Антон. Поднявшись на неё, сразу наткнулись на старые росомашьи следы. А спустившись в долину соседнего ключа, обнаружили и свежие.

– Сытая, – уверенно заключил Антон.

– С чего ты взял? – удивился товарищ.

– Отец ведь из меня охотника хотел сделать. Всегда рассказывал о повадках зверей. Голодный зверь к каждому кустику, к каждой валёжине подходит, обследует, а этот прямо тянет.

Только начали тропить, как на них выскочил лось. От неожиданности он на миг оцепенел, а когда сообразил, что надо бежать, и стал разворачиваться, две пули с глухими шлепками вошли в подставленный бок. Одна из них, как потом выяснилось, пробила сердце. Тем не менее лось пробежал ещё метров сто. Лишь перед подъёмом на косогор ткнулся в сугроб.

Разделав непредвиденный трофей, ребята водрузили голову с лопатообразными рогами в развилку ольхи. Пока прилаживали, одна «лопата» отвалилась. Мясо погрузили на нарты. Половину требухи оставили на снегу, а остальное порубили на кусочки и разбросали поблизости. Чтобы наверняка привлечь внимание зверя к приваде, протащили шкуру по пойме там, где следов росомахи было больше всего. Потом спустились по ключу километра на два и поставили палатку. Затопили походную жестяную печурку. Остаток дня жарили печёнку, гоняли чаи.

Ближе к вечеру оделись потеплее и отправились к останкам лося – караулить росомаху.

Взобравшись по сучьям на кряжистую сосну, ребята устроились на широких развилках так, чтобы были видны все подходы к приваде.

Полная луна хорошо освещала проплешину, на которой лежали шкура и внутренности сохатого. В томительном ожидании прошло несколько часов. Ночная тишина никем не нарушалась. Ребят стала одолевать дрёма. Вдруг будто незримая рука коснулась Антона. Открыв глаза, он увидел мелькнувший между стволов тёмный силуэт. Сердце забилось учащённо. Росомаха! Пришла-таки!

На самом деле это были волки. Они трусили по ароматному следу, оставленному потаском. Впереди – мощный, широкогрудый предводитель.

В это же время к приваде приближался, только с другой стороны, и Топ. По густой насыщенности приносимого ветерком запаха он знал, что впереди его ждёт много мяса и, предвкушая обильную трапезу, то и дело сглатывал заливавшую рот слюну. Но что это за тени? Ого! Да это же волки! Первый – его старый знакомый – вожак. Топ затаился. И тут раздался чуть слышный металлический щелчок. Матёрый волк, вонзив настороженный взгляд в то место, откуда донёсся таящий смерть звук, застыл.

Таким и остался он в памяти росомахи. Грянул гром. Молотя по снегу сильными лапами, волк попытался вскинуться и побежать, как обычно, легко, стремительно, но тело не подчинилось. Второй выстрел прекратил его конвульсии…

Топ бросился наутёк. Ему вслед гремели выстрелы. Рядом с ухом что-то просвистело, и стоящая впереди берёза вздрогнула от удара. Росомаху объял ужас. Лишь одолев изрядное расстояние, перепуганный зверь взобрался на перевал и прилёг. С этого места был хороший обзор, а к нему никто не мог подойти незамеченным. Топ был потрясён: люди, которые всегда были добры, стреляли в него!

* * *

Обойдя днём окрестности, молодые охотники увидели, что росомаха действительно подходила, но ушла. Разыскивать её по следам без собак не стали. Вернувшись в село с горой мяса, Антон всё же не оставил мысли о мести. Через неделю он вновь предложил Михаилу повторить попытку, но уже с собаками.

– А где их возьмём?

– У Николая Николаевича Пули, отцова соседа, попросим. Он мужик не прижимистый. Думаю, даст.

– Дядя Коля, я к вам. Выручайте! Лаек на несколько дней надо бы.

– На что тебе?

– Без собак мне росомаху не взять.

Пуля посмотрел на парня не то с состраданием, не то с сочувствием.

– Извини, Антоша, не дам. Во-первых, я не уверен, что росомаха загрызла твоего отца. Прикинь, если бы она и в самом деле загрызла, как бы он мёртвый на четвереньки встал? И на теле ни единой раны, ни от когтей, ни от зубов. Даже царапин нет! Я же сам его

обмывал. А зад, видно же было, вороны расклевали… Давай тогда и их всех перестреляем… Перебьём всех в лесу – что ж в том хорошего? Лес без зверей и птиц – мёртвый, увечный! Потом росомаха нюх собакам может попортить.

– Эх вы! Часовой природы! А отец считал вас лучшим другом! – Парень усмехнулся и пошёл на выход.

Тут Пулю осенило: «Дам-ка ему Амура. Если та росомаха и в самом деле Топ, как мне кажется, то он его в обиду не даст».

– Постой, Антон! Не кипятись! Амура дам…

Поскольку и Михаил, и сам Антон не сильны были в зверином промысле, они уговорили пойти с ними Лукьяна: невзрачного, тщедушного мужичишку с рыжей, всклокоченной бородкой. Он, оставив участок под присмотром сыновей, вывез на собаках две туши оленей и, сдав их, уже несколько дней отсыпался дома.

На просьбу ребят промысловик откликнулся с радостью: тем более что Антон обещал в случае успеха подарить отцовское ружьё. У Лукьяна имелись и две собаки, правда, староватые.

Откладывать выход не стали. Отправились на следующий же день.

В дороге бывалый охотник, радуясь тому, что появились благодарные слушатели, не закрывал рта:

– Всякого зверя брал, а росомаху ни разу. Ох и умная бестия! У меня на Длинном пятьдесят три ловушки стояло. Как-то попались два соболька и одна норка. И что думаете? Росомаха вышла именно на них. И ведь до чего вредная: есть не ела, а мех подрала. Ну ничего! Нынче сделаем ей козью морду.

Глава 20

Повезло

Укрытая снежным покрывалом тайга спала. Топ же в последние дни почти не смыкал глаз. А когда задрёмывал, сон был поверхностным. Неясная тревога поселилась в его сердце. Хоть и не много у него врагов, но он всегда начеку: нос нервно подрагивает, небольшие ушки ворочаются, как локаторы, сообщая хозяину о малейших изменениях в окружающем мире.

О! Что это треснуло? Топ приподнял голову и оглядел вырубленный ещё во времена леспромхоза склон. Среди стволов молодого подроста мелькали тёмные силуэты людей. Они шли, выставив вперёд громобойные палки. Рядом молча трусили собаки. Две передние

были незнакомы ему, а вот последняя похожа на Амура. Приглядел-ся – точно, Амур! Настороженность несколько ослабла.

Выйдя на росомаший след, собаки с лаем понеслись, не разбирая дороги, сквозь кустарник. Амур по запаху давно понял, что они идут по следам Топа, и радовался скорой встрече с ним. По его разумению, ему предстояло догнать и привести друга домой. Однако в поведении охотников он чувствовал иные намерения: от них исходил запах злобы.

Характер лая незнакомых псов насторожил Топа: в нём слышалась жажда крови. Кого это они гонят? А лай тем временем приближался. Наконец Топ понял, что зевластые псы бегут к нему.

Надо уходить!

И тут он совершил ошибку. Вместо того чтобы рвануть вниз, где снежный покров намного глубже, Топ помчался вверх. На покатом, почти безлесом увале, резко обрывающемся в соседний ключ, снег выдуло почти до земли, и собаки живо нагнали тихоходную росомаху. Возмущённо фыркая на предавшего его друга, Топ отступил к стоящему на краю обрыва кедру и обнажил клыки так, что стал походить на свирепого демона. Лукьяновская пара отпрянула и, наращивая яростный лай, стала поджидать охотников. Амур же, пытаясь подойти поближе к другу детства, попал под зловонную струю и, дико вереща, закрутился на снегу. Топ, воспользовавшись моментом, забрался на дерево и затаился в гуще кроны.

Когда подбежали люди и принялись высматривать его среди ветвей, он спустился с обратной стороны кедра и, спрятав голову между передними лапами, покатился меховым шаром по откосу вниз. Лукьяновские лайки кинулись было следом и почти настигли, но на дне узкой, заваленной снегом долины завязли в пухлой массе.

Вдогонку Топу загрохотали беспорядочные выстрелы. Одна пуля со звуком лопнувшей струны прозвенела совсем рядом. Зверь инстинктивно отпрянул в сторону, но бежать продолжал в своей излюбленной манере: несколько боком и как бы сутулясь. При этом выбирал участки с самым глубоким снежным покровом. Достигнув устья ключа, он опять поднялся в горы и залег в курумнике. Топ был в смятении. Он не понимал, за что его хотят убить?

* * *

– Росомаху по такому снегу не догнать, – объявил Лукьян. – Ей-то легко бежать, а собаки тонут.

Повернувшись к лайкам, добавил:

– Канальи! На шапки вас пора!

Пытаясь приободрить Антона, промысловик сказал:

– Не расстраивайся, утро вечера мудренее. Завтра чего-нибудь придумаем.

– Думай не думай, а за Амура мне от Пули попадёт, – пробурчал Антон.

Ветер тем временем сменил направление, мороз крепчал. Пар от дыхания густо оседал на суконных куртках и меховых шапках мелкими кристалликами, взъерошенная шерсть собак заиндевела. У Антона с Михаилом побелели носы.

Короток зимний день. Ещё короче сумерки. Замёрзшие охотники спешили найти затишок для ночёвки. Остановив выбор на береговом кармане, Лукьян скинул котомку, расправил уставшие плечи.

– Шабаш, ребята! – выдохнул он. – Теперь можно и чайку испить. Воды, Миша, набирай в пропарине, из снега чай невкусный. А я пока костром займусь. Продрог чтой-то.

Воткнув наклонно ореховую палку с вырезанной зазубриной на конце, Лукьян повесил на неё котелок, наполненный ключевой водой. Смахнул с валуна снег и, положив на него рукавицы, уселся на нём, как на лавке. Ребята накидали лапника, расстелили меховые спальники и устроились рядом.

Антон достал из котомки хлеб, сало, лук. Крупно нарезал и разложил на чистой холстине. Лукьян торжественно водрузил в центр «стола» бутылку водки.

Перехватив удивлённый взгляд Михаила, пояснил:

– Подкова иногда подкидывает… Сегодня мне пятьдесят три стукнуло. Отметим?!

Не дожидаясь ответа, отработанным движением набулькал в кружки. Выпили, крякнули, закусили. После второй Лукьян достал из котомки мёрзлой оленины и настрогал тонкие перламутровые завитки.

– Налетай! Лучше закуси нет! От сырого мяса вся сила! – приговаривал он, с наслаждением отправляя в рот строганину, щепотка за щепоткой.

Выпив третью, промысловик разоткровенничался:

– Я ведь чего из тайги вышел? В последнее время не могу тушки обдирать. Принесу пару, а то и три хвоста, вроде радоваться надо – хорошие деньги, а как представлю, что нужно шкурку снимать, так меня воротить начинает. Рука не поднимается…

– Дядя Лукьян, это вы к чему?

– Да так, я о своём… Давай ещё по маленькой.

Вот и вторая бутылка опустела. С трудом поставив палатку, забрались в мешки спать. Похмелившись утром, весь день так и провалялись: дремали, гоняли чаи из чаги.

– Ребята, – заговорил Лукьян, наполняя очередную кружку живительным напитком. – А росомаха ведь в чём-то похожа на нас, промысловиков. Тоже каждый день из конца в конец по тайге мотается. Ежели за кем пошла, будет преследовать, пока не уморит вконец. И участки у неё не меньше наших. Только охотится больше в сумерках, а мы по́светлу.

– Да уж! Ходок она непревзойдённый, – проворчал Антон.

– Знаешь, Антоша, не люблю я этих вредин, но, ежели честно, очень сомневаюсь, что росомаха повинна в смерти твоего отца. К мёртвому, конечно, могла подойти, а чтоб сама на человека напасть, даже раненого, это вряд ли.

– Сговорились вы все, что-ли?! То Пуля мозги мне парил, теперь вы, – вспылил Антон. – А меня понять кто-нибудь может?

– Сынок, успокойся. Тебе ум застила боль от потери отца. Думаю, он не одобрил бы… Так ведь и зайца можно обвинить, ежели тот вокруг побегал.

– А я слышал, что ханты росомаху очень даже почитают. Говорят, что она одичавший снежный человек, – неожиданно изрёк Михаил.

– Всё, довольно! Закрыли тему. Не хотите помогать, не надо! Сам разберусь, – разозлился парень, хотя уже начинал понимать, что не прав.

– Ладно, не обижайся, – сказал Лукьян, примирительно похлопывая Антона по плечу. – Давай лучше спать…

Ночью выпал небольшой, воздушной мягкости снежок. И утром с низких облаков продолжали лениво падать невесомые снежинки. Погода для тропления идеальная! Позавтракав, охотники возобновили поиски. Во второй половине дня, пройдя километров десять, вышли на свежий, ещё не застывший след.

Гоняя ночью зайцев, Топ исколесил вдоль и поперёк всю пойму.

– Больно много следов. Может, ещё какая забрела? – предположил Михаил.

– Не, это та же. А топанины много, потому что росомахи по своим следам не ходят, – пояснил Лукьян.

Промучившись до вечера, охотники так и не смогли найти выходной след. Темнело. Опять подошла пора вставать на ночёвку.

К рассвету снег усилился. Видимость упала, следы засыпало. Высунув голову из палатки, Лукьян почесал свою жиденькую бородёнку:

– Ну вот! День пропал. Что делать будем, робя?

– Так, может, домой? – с робкой надеждой подал голос Михаил.

– Я что? Как Антон Карпыч скажет.

Антон, непривычный к походной жизни, уже и сам думал лишь о том, как, не осрамившись, выйти из щекотливой ситуации, в которую сам себя и загнал. Мёрзнуть ещё одну ночь в палатке в отсыревшем спальнике было выше его сил.

– Пуганули мы росомаху изрядно. Теперь она человека за версту обходить будет. Так что давайте паковаться.

– Верно мыслишь, – поддержал Лукьян и, видя, с каким облегчением вздохнул Михаил, с трудом сдержал улыбку.

Глава 21

На промысле

Подкова уже который год пятого и двадцатого числа каждого месяца приезжал с автолавкой в Верхи. Сегодня как раз был один из таких дней. Раздав почту, пенсию и то, что было заказано в предыдущий приезд, он не остался ночевать в посёлке у приятелей, коих у него было немало, а поехал на свой промысловый участок.

По дороге в село он уже побывал там: проверял капканы, расставлял на тропках и у привады новые. Снял двух соболей, а всего с начала сезона на его счету было уже пять хвостов. Сейчас же на участок торопился из-за ночного снегопада, завалившего капканы на подрезку.

Ехал на пониженной передаче: дорогу снегом выровняло так, что колея едва угадывалась. Ориентировался по подступавшим с двух сторон деревьям.

Крутя баранку, гадал: «Попался ли кто за прошедшие сутки или нет?..» И сам себе отвечал: «Вряд ли. Штатные охотники говорят, что в снег ни колонок, ни соболь не ходят».

Подъехав к ключу, по берегу которого вилась к зимовью прорубленная им тропа, заглушил двигатель, надел окамусованные лыжи, закинул за плечи рюкзак и широко зашагал. Выйдя на прямой участок заснеженного русла, обратил внимание на две скачущие чёрные точки. На фоне красновато-бурой коры кряжистого кедра они на миг превратились в беляка. Наперерез косому бежала росомаха.

Это был Топ. Увидев человека, он от неожиданности присел, хоркнул и, сгруппировавшись, пружиной метнулся в сторону. Сзади громыхнуло. Резкая боль ожгла голову. Кровь начала зали-

вать глаза. Чтобы стереть её, Топ на ходу тыкался мордой в снег. Остановился, только когда отбежал достаточно далеко. Опершись передними лапами на присыпанную снегом валёжину, прислушался. Убедившись, что погони нет, закопался в мягкую, сыпучую перину.

События последних дней с завидным постоянством убеждали Топа в том, что люди стали жаждать его смерти. Он хорошо запомнил круглое лицо ранившего его двуногого.

Через две недели, вновь увидев Круглолицего на своём участке, Топ решил понаблюдать, чем этот человек занимается на его территории. Проходив за ним весь день, росомаха видела, что он разносит мясо по пещеркам, устроенным в снежных кучах, и около них закапывает какие-то железки. Когда стало смеркаться, обидчик вернулся в бревенчатое логово, а утром прошёл к широкой тропе и уехал на огромном железном чудовище в сторону бесконечной равнины.

Это обрадовало Топа. Охота не ладилась, а в схронах двуногого было припрятано мясо. Теперь можно было безбоязненно съесть его. Настораживало только то, что Круглолицый всегда оставлял возле мяса какие-то железки. Интуиция подсказывала – в них может таиться опасность.

Подойдя к ближайшей куче, Топ тщательно обнюхал снег возле входа в пещерку. Пахло смолой и мясом. Странно, но запаха железа не было. Он успокоился – значит, двуногий здесь железку не поставил – и уверенно шагнул. В тот же миг снег вспучился, и переднюю лапу пронзила боль. Зверь отпрянул, но железная челюсть не отпускала. Охваченный ужасом Топ рванулся что было силы и, сдирая шкуру, освободил зажатые пальцы.

Ему повезло – этот капкан предназначался для поимки более мелких зверюшек. Тронь он мясо в следующем амбарчике – не сдобровать бы ему. В том, что росомаха не учуяла запах железа, не было ничего удивительного. Подкова, по совету бывалых промысловиков, перед установкой капканов опускал их в кипяток с расплавленной смолой. После такой процедуры покрытый янтарной глазурью капкан железом уже не пах.

Напуганный Топ стал обходить стороной кладовые Круглолицего. А неприязнь к этому человеку ещё больше возросла.

Глава 22

ЧП на дороге

Промысловый сезон близился к завершению. Охотники один за другим возвращались в село. Кто с богатыми трофеями, кто с не очень. Но в целом план по пушнине и заготовке мяса госпромхоз выполнил. Сдав охотоведу добытые за четыре месяца меха, промысловики получили небольшой аванс и занялись накопившимися за зиму в домашнем хозяйстве делами. А вот для Степана Ермиловича настала самая ответственная пора. Он тщательно разбирал и сортировал принятую пушнину по цветам, сортам. Складывал получившиеся «пачки» в мешки. Как только сошёл паводок и дорога чуть подсохла, загрузил всё это богатство в коляску служебного мотоцикла «Урал» и поехал в город сдавать мягкую рухлядь на меховую базу.

Дорога через марь местами была размыта вешними ручьями. Степану приходилось останавливаться и заваливать эти промоины травянистыми кочками и сушинами. В итоге до города добрался лишь под вечер. Переночевав у однокурсника-кинолога, со вторника по четверг занимался сдачей пушнины. Спорил, добивался справедливых цен по каждой шкурке, оформлял передаточный акт, уточнял график расчётов. В итоге удалось почти полностью отстоять не только сортность и цветовые категории, но и получить приличный аванс. Договорились, что полный расчёт будет произведён после завершения пушного аукциона.

В пятницу полдня пробегал по кабинетам областного охотуправления: выписывал бланки для летнего и зимнего учёта, журналы ежедневных наблюдений, а главное – получил наконец свою зарплату за три месяца. Поставив точку в служебных делах, накупил полную коляску продуктов и всевозможных городских вкусностей к предстоящему совершеннолетию дочери. Пообедав в столовой, выехал в Верхи.

Степан любил прокатиться с ветерком. Но отвести душу можно было лишь на пятнадцатикилометровом участке от города до моста. Прямая, как стрела, дорога в этом месте шла по высокому берегу. Доехав до заветного места, охотовед крутанул ручку газа до упора и помчался так, что в ушах засвистело.

Надо ж было такому случиться, что наперерез ему из чащи выскочили лосиха с лосёнком. Степан резко взял влево. «Урал» занесло, и гружёная коляска потащила его на край обрыва. Мотоцикл перевернулся и полетел в воду. Степана спасла хорошая

реакция – успел спрыгнуть. Вскочив на ноги, он подбежал к месту, откуда сорвался его «железный конь».

Напористое течение со скрежетом тащило мотоцикл по камням. Впереди наперегонки неслись, исчезая и вновь выныривая, пакеты, коробки. Степан побелел: там же сумка с деньгами!

Хватаясь за кусты, он скатился вниз. Тем временем «Урал», вытолкнутый мощным сливом на столообразный камень, встал на колёса и застыл, как корабль на рифах. Пробежав вперёд, Степан

обогнал плывшие коробки и, не раздеваясь, кинулся им наперерез. Выхватывая их из воды, перекидал на берег. Пристально всматриваясь, он простоял в холодной воде ещё минут пять, но сумка с деньгами так и не появилась. По дну протащило лишь батон колбасы.

«Сумка тяжёлая, могла застрять между камней или зацепиться ремнём», – прикинул Степан и двинулся вверх по руслу, внимательно оглядывая каждый сантиметр дна. Нашёл ещё пару банок консервов, а вот сумки нигде не было.

«Может, она так и лежит в коляске?»

Подойдя к подрагивающему от напора воды верно прослужившему двенадцать лет «коню», охотовед заглянул в люльку. Фартук разорван, внутри пусто. Даже сидушку вышибло. Не доверяя глазам, Степан прощупал рукой каждый выступ, каждую выемку, как будто сумка могла спрятаться в них.

«Наверное, она выпала и застряла на месте падения», – предположил он и пошёл вверх по течению, тщательно осматривая дно. На месте падения мотоцикла обнаружил только деревянный ящик с инструментом. Почувствовав в ногах ломоту от студёной воды, охотовед вышел на берег и побежал к шумевшему в метрах двухстах мелкому галечному перекату – если сумку унесло течением, то она должна была застрять на камнях. Увы, на гальке белела лишь размокшая коробка с зефиром.

Степан прошёлся ещё несколько раз по речке вверх, вниз. Безрезультатно. Ноги опять нестерпимо заломило. Он вышел на берег и, надёргав сухой травы, сунул её под кучу сучьев и веток, нанесённых в половодье. Доставая из нагрудного кармана зажигалку, нащупал похрустывающую пачку – это была его зарплата. Степан на миг обрадовался: хоть эти деньги уцелели!

Через минуту костёр полыхал в полную силу. Развесив на воткнутых в песок палках штаны, носки, сапоги, Степан собрал уцелевший груз и разложил его вокруг огня для просушки. Всё делал автоматически, без конца поглядывая на речку: вдруг сумка проплывёт.

Согревшись, опять зашёл в воду, но в косых лучах заходящего солнца она вглубь уже не просматривалась. Стало ясно, что поиски придётся отложить до завтра. А пока солнце не совсем село, лучше осмотреть мотоцикл: можно ли восстановить его?

Осмотр ещё больше расстроил Степана. Удар был настолько силён, что выбило половину спиц из колёс. Проржавевшую раму в двух местах разорвало, руль погнуло, а бока искорёжило так, будто по ним кувалдой били.

«Даже на запчасти не сгодится… Ну с «Уралом» как-нибудь разберусь, а деньги мужикам где взять?.. Нет, завтра, как солнце

поднимется, буду искать, пока не найду. А если не найду?.. Придётся занимать. У кого?.. Как не вовремя всё это. Послезавтра у Маруси день рождения!» – пронеслось в голове.

Степан вышел на берег и нервно заходил взад-вперёд.

Мысленно перебрав всю родню и знакомых, он пришёл к выводу, что занять можно только у Подковы. Тот частенько ссужал сельчанам под проценты. Но даст ли он такую большую сумму?

Надев подсохшие вещи, Степан задумался: где ночевать? До города километров тринадцать. Если быстрым шагом – часа два. А на попутке вообще десять минут. Правда, шансов на неё мало – за всё время лишь две машины прошумели.

Поколебавшись, Степан всё же решил идти в город: ведь и начальству надо доложить о случившемся. Спрятав собранный груз в кустах, он поднялся на дорогу.

Начальник охотуправления рассказ Степана об аварии и порче бланков выслушал на удивление спокойно.

– От беды, Степан Ермилович, никто не застрахован. Слава богу, сам цел. Бланки вообще не проблема. Мы их в типографии сразу на три года отпечатали. Да и мотоцикл твой давно пора списать – два срока отслужил. Все уж поменяли, а ты всё ездишь… Пиши объяснительную, дальше моя забота. Начальник ГАИ свой человек. Думаю, с учёта снимем без проблем. Вот только дать тебе взамен пока нечего. Как-нибудь пешим ходом обходись.

Степан не верил своим ушам: так просто разрешилась одна из двух проблем. Он почему-то сразу уверовал, что, вернувшись, найдёт и сумку. Воодушевлённый тем, что не придётся обращаться к Подкове, он заторопился к речке. Но, как в народе говорят, лишь чёрта помяни, он тут как тут. Сзади послышалось натужное урчание мотора, и из-за поворота выкатился на малом ходу знакомый ГАЗ-66.

Увидев охотоведа, Семён Львович затормозил.

– Здравствуйте, Степан Ермилович! Какими судьбами?

– Пушнину сдавал.

– На вас лица нет. Заболели, что ли?

– Да нет… Мотоцикл вчера угробил… В речку с обрыва улетел. Вот иду посмотреть, что на запчасти можно снять.

– Неприятная история. Сочувствую! Далеко идти-то?

– До поворота на мост.

– Садитесь, подброшу.

Вода в реке за ночь поднялась и сильно помутнела: похоже, в верховьях прошёл обильный дождь. Искать что-либо в такой мути было

бесполезно. Оставалось одно – просить деньги у Подковы. Степан не стал ходить вокруг да около и откровенно рассказал ему о своей беде.

Когда озвучил необходимую сумму, экспедитор аж присвистнул. Вообще-то он обрадовался, но виду не подал. Причина радости была проста. Подкова давно мечтал заполучить лайку охотоведа. И неудивительно – Мавр имел столь выдающийся экстерьер и навыки, что редко с какой выставки возвращался без медали. К Степану он попал щенком от того самого одногруппника, у которого ночевал в городе. Его отец, известный в стране кинолог, всю жизнь занимался селекцией западносибирских лаек.

Семён Львович понимал, что охотовед ни за что не продаст своего медалиста, а тут такой подходящий момент. Что-что, а вести переговоры прожжённый коммерсант умел.

– Да-а уж! Влипли вы, Степан Ермилович, как кур в ощип! – Вздохнув, продолжил. – Вот вы, поди, думаете, Семён деньги лопатой гребёт. А я ведь в Верхи иной раз в убыток езжу. Знаешь, сколько бензина за рейс жгу? Так он ещё каждый квартал дорожает. А я за все годы ни разу закупочные цены не снизил... А машина! Удивляюсь, как она на таком бездорожье до сих пор не развалилась! Да что тебе объяснять – сам ездишь… Двигатель давно пора менять, но никак не наберу нужной суммы. Всё по мелочам расходится. То резина облысела, то радиатор потёк, то аккумулятор сдох. Контора-то на ремонт ни копейки не даёт. Говорят, ты на хозрасчёте.

– Семён Львович, я всё это понимаю, но больше не к кому обратиться! Выручай! На тебя вся надежда. Не подведу. За год, максимум за два, рассчитаюсь.

Подкова, выдержав паузу, пошёл в атаку:

– Ермилыч, ты же знаешь, охотник я зелёный, а участок на отшибе. Вокруг ни души. Страшновато одному. Толковая собака позарез нужна. Вот если б ты Мавра на годик дал, я бы тоже постарался.

Степан опустил голову. Задумчиво водя рукой по лицу, зашуршал щетиной. Собака для него была главной отрадой. Любил он её до дрожи в груди. И Мавр отвечал безоглядной преданностью. Сколько раз, рискуя не только шкурой, но и жизнью, выручал! Но, похоже, выхода нет: придётся согласиться! «Не навсегда ведь», – уговаривал он сам себя, а вслух сказал:

– Семён Львович, ты ж понимаешь, собака – это не ружьё и не машина. Собака – существо особое. Она привязанность имеет. Не знаю, примет ли тебя?

– Ты не переживай. Я цену Мавра знаю, уж как-нибудь подлажусь.

Степан опять задумался, взвешивая все за и против. Он понимал, что занять такие деньги больше не у кого. После недолгой внутренней борьбы произнёс осевшим голосом:

– Согласен. А как быстро ты всю сумму сможешь набрать?

– Часть у меня есть, а остальное, думаю, друг даст. К нему съездим и сразу в Верхи…

Глава 23

Предательство. Побег

Когда автолавка подкатила к степановскому дому и во двор уверенно зашёл Подкова, у Мавра почему-то похолодело в брюхе. Пёс нутром почуял беду. Этот улыбчивый, с розовой лысиной человек в потёртом синем халате, противно пахнущем одеколоном, ему никогда не нравился. Его неуловимый, скользкий взгляд вызывал у Мавра озноб, словно от сквозняка. Особенно встревожило лайку то, что хозяина будто подменили: он непривычно ссутулился, был хмурым и каким-то потерянным. Собака заглянула ему в лицо: «Что случилось? Чем помочь?» – спрашивала она и, виляя хвостом, демонстрировала готовность исполнить его любое желание.

Степан отвёл глаза и, тяжело вздохнув, прошёл в дом. Вернулся с красной папкой. Мавр сразу узнал её: с ней они всегда ездили на собачьи выставки.

«Значит, ничего страшного, куда-то поедем».

Но хозяин почему-то передал её Лысому, и они сели за стол под кустом сирени. Сначала что-то писали, потом долго считали, складывали в пачки разноцветные бумажки. Мавр знал, что за них хозяин получит от Лысого кучу разных пакетов. В одном из них обязательно будут любимые им сладкие камушки.

Он с нетерпением ожидал этого момента. Бумажек много, значит, угощение будет щедрым. Но хозяин почему-то унёс их все в дом. Вернувшись, подошёл к Мавру, обнял за шею, погладил по спине. Поцеловав в нос, прошептал:

– Прости, Мавруша, но по-другому никак.

Степан встал и подвёл Мавра к столу, за которым сидел Подкова.

– Нюхай! Это твой новый хозяин! Слушай его, – отчётливо, с расстановкой произнёс он.

Мавр, поняв, что его отдают в чужие руки, возмущённо рыча, попятился: «Я не согласен!» Пёс был уверен, что хозяин одумается и отменит своё решение: ведь он всегда служил ему верой и правдой!

– Гляди-ка! Понял! – пробормотал Подкова.

Взволнованный Степан, едва сдерживая дрожь в голосе, твёрдо повторял:

– Иди, Мавр! Иди! Иди! Теперь он твой хозяин.

Не нюхом, а необъяснимым сверхчутьём Мавр понял, что должен подчиниться. Он приник к ноге хозяина, потерся об неё плечом – это означало: «Тяжело, но подчиняюсь».

Степан благодарно потрепал лайку за загривок и, передав поводок Подкове, решительно подтолкнул растерянного пса к калитке.

Семён Львович хотел было погладить Мавра, но, заметив в его глазах сатанинский блеск, передумал.

– Не укусит? – спросил он с тревогой.

– Как вести себя будешь, – горько улыбнулся Степан. Помолчав, добавил, напирая на каждое слово. – Главное, не обижай. Собака существо преданное. Её обидеть – большой грех.

– Не беспокойся! Притрёмся! – заверил Подкова и осторожно, как бы проверяя настрой Мавра, всё же провёл рукой по спине. Лайка внутренне напряглась, но стерпела.

– Я тут намордник на всякий случай прихватил. Надену пока.

– Валяй, коли взял.

Намотав на руку поводок, прикреплённый карабином к ошейнику, Семён Львович повёл собаку к машине. Мавр не сопротивлялся, но у калитки обернулся, всё ещё надеясь, что хозяин его позовёт. Но его уже не было.

Посадив лайку в кабину, Подкова выехал из Верхов. Ему надо было ещё заехать на участок, чтобы подремонтировать крышу промысловой избушки.

Оставив, как обычно, машину прямо на дороге (кроме него и Степана тут мало кто ездил), закинул на спину рюкзак с провиантом, на плечо – обёрнутый полиэтиленом рулон рубероида и, взяв на поводок Мавра, зашагал к зимовью.

Когда переходили ключ, из-под поваленной осины выскочила лиса. Ринувшийся за ней Мавр с такой силой дёрнул поводок, что Подкова, влекомый тяжёлым рулоном, со всего размаха впечатался лицом в сырую землю.

Очищаясь от налипшей грязи, он прохрипел: «У, сука, убью!» Эти слова Мавру не были знакомы, но в их интонации слышалась такая злость, что шерсть на загривке вздыбилась, а в горле вскипело рычание. Момент был серьёзный.

– Ты чего?! Виноват, а ещё крысишься! Раз такой прыткий, сам тащи эту дуру!

Подкова достал из рюкзака верёвку, сложил её пополам. Свободные концы привязал к рулону, а петлю, накинув на загривок, пропустил под мышками передних лап собаки. Приученный таскать нарты, Мавр спокойно потянул чёрное «бревно» по лесной тропе. Оно то и дело застревало между стволов, и тогда Подкове приходилось подправлять рулон. В одной из низинок рубероид скатился в заиленную лужу и засел в ней столь крепко, что Мавр, пытаясь вытащить его, порвал верёвку. Подкове пришлось лезть в болотину, связывать её, и вместе с собакой вытаскивать рулон.

Весь перепачканный, он, срывая злость, со всей силы пнул пса. Тот, обнажив два ряда острых зубов, зарычал и посмотрел с такой угрюмой свирепостью, что Семёна Львовича будто огнём опалило. Это окончательно вывело его из себя. Притянув лайку за поводок к стволу берёзы, он отломил от сухостоины увесистую ветку и стал наносить собаке удар за ударом. Один из них пришёлся по носу. Мавр аж завыл от боли.

Ещё удар, ещё!

– Не смей так смотреть!.. Не смей так смотреть! – орал Подкова, в ярости брызжа слюной.

Пёс понял – лучше смириться. Он опустил голову и заскулил. Человек удовлетворённо просипел:

– То-то!

Немного поостыв, добавил:

– Давай шагай, осталось немного…

Мавр никогда не симпатизировал Лысому, но после этого инцидента просто возненавидел его. Подкова же, довольный результатом воспитания, шёл в приподнятом настроении.

– Ну вот и прибыли! – произнёс он, по-хозяйски оглядывая избушку, лабаз. Привязав собаку под пихтой, бросил ей кусок колбасы и принялся за дела. Подправил дверь, оббил тонкой жестью четыре столба, на которых стоял лабаз, – дабы мыши не могли взобраться до сложенных на нём припасов. После этого перекрыл новым рубероидом порванные участки на крыше. Щель возле трубы замазал глиной. Закончив работу, сварил кашу, поел сам и поставил полную миску лежащей под деревом лайке. Но та даже головы не повернула.

Утром они выехали в город. На разбитой дороге трясло и бросало так, что Мавр едва сдерживал приступы рвоты. Наконец дорожное полотно стало ровней, и собака перевела дух. Вскоре показался большой город. Запахи, рокот от проносящихся машин, множество тесно стоящих многоглазых домов Мавру были знакомы. Здесь он с хозяином уже не раз бывал.

Поселили его не в конуре, а в чистом сарайчике на краю обширного двора. Пол застелен войлоком, у двери две кастрюли. Одна с водой, вторая с похлёбкой, заправленной кусками мяса. Рядом несколько сахарных косточек. Такая щедрость удивила Мавра. Да и самого Лысого словно подменили. Заходя в сарай, он безостановочно что-то ласково бубнил. Что именно, пёс не понимал – ещё не привык к его голосу. Всё это для Мавра было странным и необъяснимым.

Причина такой перемены в поведении была проста. Если б Мавр мог посмотреть на себя со стороны, то он непременно восхитился бы совершенством своего экстерьера. Подкова и взял лайку не столько для охоты, сколько для заработка на случке. Прекрасная родословная и девять медалей, из них четыре – золотые, на региональных выставках поднимали цену Мавра как производителя.

На пятый день непривычного внимания и мясного изобилия к дому Семёна Львовича подкатила сверкающая машина. Из неё вышла солидная парочка с молодой, изящной лайкой на поводке. Подкова одел Мавру намордник и повёл через двор к гостям.

Послушно следуя за ним, пёс изучал обстановку: калитка закрыта, забор невысокий, лес рядом. На светло-серую сучку и стоящих рядом с ней людей глянул мельком. Всё его внимание было сосредоточено на том, чтобы не упустить удобный момент для побега.

Хозяева лайки внимательно осмотрели кобеля. Мужчина, от которого исходил дурманящий запах, попросил Подкову открыть собаке пасть. Тот, погладив Мавра, снял намордник. Пёс без слов понял, что от него требуется, и с гордостью продемонстрировал ослепительно белые, здоровые зубы. Все довольно заулыбались. Семён Львович – шире всех.

– Умница! – не удержался, похвалил он. Струящаяся улыбка не сходила с его лица. – А нюх у него такой, что любую вещь найдёт. Сейчас убедитесь.

Подкова дал Мавру понюхать ключ и, накинув ему на голову платок, отбросил его метров на пятнадцать. Отстегнув поводок от ошейника, приказал:

– Ищи!

Мавр понял, что удобный момент настал. Он прижался к своему обидчику боком и, задрав заднюю лапу, помочился на брюки. Ошеломлённый Семён Львович принуждённо засмеялся:

– Какой шалун!

Пёс тем временем триумфально прошествовал мимо остолбеневших гостей и одним махом перепрыгнул через ограду.

Скорей, скорей в спасительный лес! Скорей, скорей под его защиту!

Оказавшись в зелёной чаще, Мавр понесся, перепрыгивая через валёжины, пни, огибая кусты. Вот и дорога. Она была знакома – тут они несколько раз проезжали с хозяином, а совсем недавно – с Лысым. Ободрённый пёс побежал по обочине прочь из города. Сзади послышался знакомый гул – Лысый?! Мавр сиганул в кусты. А вот и машина. Она пронеслась, оставив за собой пыльный хвост.

«Значит, в селе появляться нельзя. Ничего страшного, у них с хозяином есть дом в лесу. О нём Лысый не знает. Поживу там. Буду охранять его. Когда хозяин придёт и увидит, что дом цел, он поймёт, что Мавр самый лучший, самый надёжный друг, и больше Лысому его не отдаст», – такая цепь рассуждений пронеслась в голове лайки.

Дождавшись, когда пыль осядет, Мавр вышел на дорогу и затрусил по обочине. Вот и речка зашумела. Сразу после моста вправо должен быть съезд на старую лесовозную дорогу. Точно – память не подвела.

Пёс был горд собой: удались и месть, и побег! Теперь можно передохнуть.

Глава 24

Дружба с Топом

Светает в начале лета рано. Как только засерело утро, Мавр был в пути. Пробежав изрядное расстояние, увидел горы. Где-то среди них должен быть дом Лысого. От него надо держаться подальше. Лучше перевалить отрог и до хозяйского участка пробираться лесом. Бежалось так легко, что пёс и не заметил, как добрался. Тут всё знакомо. Под защитой патлатых кедров на прогалинах белели пышные клубы ягеля, атласно зеленели плотные листики брусники. На полянке – избушка. Под обрывистым берегом – широкое полукружье серой гальки, намытое вытекающим из распадка ключом.

Мавр помнил, что под крыльцом должна лежать припрятанная им ещё зимой сахарная кость. «Сейчас попирую под навесом!» – размечтался он.

Увы! Его ожидало разочарование: кость сгрызли мыши, его любимый угол засыпан наметённым ветром мусором, затянут паутиной. Всё выглядело уныло и неустроенно. Ожидаемой радости не получилось. Наоборот, на душе стало прескверно. А каково ещё может быть собаке, привыкшей получать утром и вечером полную миску еды, привыкшей, чтоб её мыли, вычёсывали, смазывали ранки и ссадины? Теперь же пищу надо было добывать самому. Охо-

тясь в паре с хозяином, Мавр хорошо умел находить зверя по запаху, держать его до подхода охотника, а вот умерщвлять хозяин ему не позволял. Даже наоборот – всегда отгонял его от загнанной добычи.

Чтобы утихомирить желудок, он сжевал пару клубков ягеля. Невкусно, но голод ослаб. Мавр прилёг на крыльце и задремал. Во сне ему привиделась сахарная кость. Он жадно принюхался. От неё почему-то пахло росомахой. От расстройства пёс даже открыл глаза. Кость исчезла, а вот запах росомахи, наоборот, окреп. Похоже, она совсем близко. Лайке даже показалось, что ощущает её взгляд… Точно! Вон в листве блеснули чёрные бусинки, донёсся шелест удаляющихся шагов.

Связываться с вонючкой у Мавра не было желания: в памяти были ещё свежи уроки прежних лет. «Хорошо, что ушла», – обрадовался он и спустился к ручью. Напившись воды, прилёг на песчаном бугре: на нём комарья поменьше. Тут уши уловили лёгкий скрежет гальки. Пёс напрягся. В прибрежных кустах смородины мелькнул тёмный нескладный силуэт. Мавр оторопел – росомаха шла прямо на него.

«Ну что ж, буду биться! К зимовью подпускать нельзя», – решил он и принял боевую стойку.

Росомаха же шла спокойно, не проявляя признаков агрессии. Более того, Мавру показалось, что она рада их встрече. Что-то в её дружелюбном взгляде напомнило ему одного из двух росомашат, которых они с хозяином прежде не раз навещали. Неужели это Топ?! Точно! Он!

Топ же, сбитый с толку абсолютным сходством Мавра с другом детства, был уверен в том, что перед ним Амур. По его напряжённой позе он решил, что тот всё ещё сердится на него из-за мускусной атаки зимой.

Но вот и собака приветливо закачала из стороны в сторону хвостом-калачом. Топ от радости перекувыркнулся через голову, ещё раз, ещё… Мавр узнал эти коронные прыжки и подбежал к старому знакомому. Только тогда Топ по запаху определил, что это Мавр, а не его дружок Амур.

С этого дня росомаха и пёс стали жить вместе: охотиться на пару было легче и добычливей. Особенно на зайцев. Тут они действовали по простому сценарию. Мавр, преследуя бегающего, как правило, по кругу зайца, выгонял его на затаившуюся в засаде росомаху. Топ выскакивал наперерез и валил косого. Со временем пёс перенял от росомахи и другие приёмы охоты и стал таким же добычливым, как и его широколапый друг.

Единственное, чему Мавр так и не смог научиться, – промышлять ночью. В этом смысле он был обычным псом, законным сыном той первородной Собаки, которую страх перед темнотой и ненависть к луне привели к пещерному костру и побудили обменять свободу на службу человеку.

Не было дня, чтобы Мавр не вспоминал хозяина. «Может, сбегать в село?» – колебался иногда он. Ведь так много важного надо сообщить ему: о том, что они с Топом охраняют избушку. Что она цела. Правда, во время недавней грозы повалило навес. Что Топ многому научил его и теперь он сможет лучше помогать хозяину в охоте.

Как он это расскажет, пса не волновало. Он об этом даже не задумывался. Просто знал, что хозяин поймёт, так же, как и сам он понимал его.

Тропу в село Мавр знал с детства: каждый год по нескольку раз пробегал по ней. Но страх оставить без присмотра зимовье каждый раз останавливал его.

Как-то в середине лета он всё же не утерпел и отправился в село. На двери дома висел замок. По совсем слабому запаху хозяина пёс понял, что хозяин здесь давно не появлялся. Не беда! Выпадет снег, и он придёт в свою лесную хижину.

Откуда ему было знать, что Степан, чтобы побыстрей рассчитаться с Подковой, продал корову, бычка и, поскольку ягоды и орехи ещё не поспели, жил и работал на госпромхозовской пасеке, где у него были и свои ульи. Жена же с дочерью уехали в город: Маше надо было перед поступлением в институт ходить на подготовительные курсы.

Глава 25

Новый промысловый сезон

С наступлением холодов в тайге появились люди, зазвучали выстрелы, залаяли собаки. Пока снег был неглубок, охотники промышляли пешим ходом, но после первого обильного снегопада встали на широкие охотничьи лыжи. С этого дня белую перину дырявили не унты и валенки, а резали на ломти бесконечные парные борозды.

Как раз в эту пору Подкове поспело время везти в Верхи почту, пенсии, заказанные селянами товары. Выехал он не двадцатого числа, как обычно, а на два дня раньше, чтобы спокойно обойти участок и расставить на путиках капканы. Высокий снег не успел уплотниться и ГАЗ-66 легко пробивал снежные надувы.

После полудня машина уже стояла у тропы, ведущей к зимушке. Вокруг с едва слышным шорохом сыпал мелкий крупчатый снежок. Белая пелена радовала кружевами заячьих следов и лосиных набродов. Из-за удалённости от села на его участке лет пятнадцать никто не промышлял. Обитатели тайги быстро вычислили эту зону покоя, поэтому зверья тут было заметно больше, чем на других угодьях.

Пока шёл к избушке, настрелял рябчиков для еды и для приманки. В зимовье было стыло, неприютно, пахло затхлым: как-никак больше месяца не заглядывал. Набив в железную печь смолистых поленьев, запалил бересту. Не прошло и трёх минут, как пламя забушевало в тесном чреве. Бока быстро раскалились до малинового цвета. Таёжное жилище под весёлое потрескивание поленьев ожило, задышало. Очищаясь от затхлости, быстро наполнялось жилым духом. С потолка посыпался отмякший иней. Подкова разбирал капканы, регулировал, подпиливал сторожки – готовил их к предстоящей установке.

К вечеру избушка приобрела жилой вид. Бревенчатые стены высохли, посветлели. На столе задымилась картошка и поджаренный на сале рябчик.

Допив чай, Семён Львович загасил керосиновую лампу и забрался в спальник. В приоткрытую дверцу из-под хлопьев седого пепла ему приветливо подмигивали угли. Пара головешек ещё хранила невысокое ровное пламя. Посвистывал, ощупывая стены, ветер, а в зимовье тепло, приятно…

Плотно позавтракав, Подкова сложил в рюкзак капканы, куски привезённого с собой мяса для привады; в боковые карманы сунул сало, хлеб, термос с чаем и отправился бить путик. Ниже порожка, дымящегося молочными завитками, речку уже перехватило крепким льдом. Придерживаясь за ломкие на морозе ветки краснотала, он съехал на него. Ослабив крепление, чтобы в случае чего успеть скинуть лыжи, Подкова осторожно засеменил по льду. Он никак не мог понять, на самом деле тот под ним пружинисто прогибается или это ему только кажется. И тут от него во все стороны с треском побежали невидимые стрелы. Подкова осторожно простукал лёд посохом. Да нет, вроде держит! Перейдя на другой берег, обнаружил, что собольих следов тут намного больше. Вдохновлённый перспективой богатой добычи, он весь день без устали раскладывал приманку и маскировал ловушки.

* * *

Удаляясь в поисках добычи всё дальше и дальше, Топ с Мавром вышли на свежую парную колею. Исходящий от неё запах им обоим был хорошо знаком: для Мавра это был тот самый Лысый, что в начале лета избил его, Топ же признал в нём ранившего его Круглолицего. Эти запахи-воспоминания разбередили старые обиды.

По характеру следа друзья легко определили, в каком направлении прошёл их недруг, и направились в обратную сторону – туда, где стояла его избушка. Двигаясь по двойной борозде, они вышли к амбарчику – снежному конусу с аппетитно краснеющим в глубине пещерки куском мяса. Он источал такой соблазнительный аромат, что Топ сглотнул слюну. Однако, помня, что мясо в таких пещерках всегда охраняет больно кусающаяся железная пасть, обошёл её стороной. Мавр же, взяв в зубы обломок ветки, смело направился к снежной куче.

Дальнейшие его действия были и вовсе необъяснимыми: он тыкал веткой в снег перед мясом до тех пор, пока тот не вспучился и не раздался резкий металлический лязг. Топ рефлекторно отпрянул. Напарник же безбоязненно протянул лапу к мясу. Рядом валялась ветка с вцепившейся в неё железной пастью.

Топ был потрясён. Мавр же в своих действиях не видел ничего особенного. Так всегда «убивал» железные челюсти и его хозяин. У второго амбарчика он повторил эту операцию и, весело покачивая закрученным в бублик хвостом, подошёл к Топу и положил перед ним очередную добычу.

Перекусив, друзья продолжили путь. Проделав эту нехитрую процедуру ещё несколько раз, они так наелись, что стали относить добычу подальше и зарывать её в приметных местах. Это отнимало довольно много времени, и до логова обидчика они в тот день так и не добрались. Сытые и довольные, заночевали неподалёку.

Весь следующий день Подкова расставлял ловушки на втором путике, а утром третьего уехал в село. Друзья, наблюдавшие за ним, без боязни отправились за новыми порциями мяса. Избалованный обилием лёгкой добычи, Мавр теперь рассторaживал самоловы выборочно – там, где кусок побольше. Наблюдая за его уверенными действиями, Топ осмелел настолько, что решил сам обнаружить присыпанную снегом железную пасть обломком ветки.

– У-р-р-р-р-р! Получилось!

Когда он рассторaживал следующий капкан, послышался шорох. Росомаха вскинулась столбиком.

– Фу-ты! Ложная тревога!

Оказывается, это белка шелушила еловую шишку. Вон ещё одна… вторая. Все выкунявшие*: с почерневшими спинками и посеребрёнными боками, с кокетливыми кисточками на ушках. Хвосты распушённые, бархатистые. Красавицы, да и только!

Когда поднялись на седловину, от амбарчика молнией метнулся зверёк. По шоколадной шубке с серебристыми искорками Топ сразу определил – соболь! На его задней лапе бренчал капкан с цепочкой, тянущейся к стволику берёзы. Увидев росомаху, соболь замер. В его взгляде мелькнула надежда на спасение. Но, когда показалась трусившая сзади собака, он быстро зарылся в снег, правда неглубоко – цепочка не пустила.

Поскольку в пещерке мяса уже не было, Топ с Мавром даже не стали подходить.

Обойдя за несколько дней все амбарчики, парочка расторожила большую часть ловушек. Что-то из привады они съели, что-то прикопали на будущее.

После такой удачной охотничьей эпопеи друзья на какое-то время расстались. Мавр вернулся к зимовью дожидаться хозяина: раз снег лёг, стало быть, скоро придёт. А неугомонный Топ отправился бродить по горам.

Разгуливая по склонам, он время от времени заглядывал на путики охотников. Обнаружив амбарчик, долго кружил вокруг, топтался, принюхивался. Убедившись, что человека поблизости нет, подходил и аккуратно рассторaживал железную челюсть. Он стал таким привередливым, что мелочь вроде сойки игнорировал: пока её съешь – всю пасть пухом залепит.

Попавших в капканы соболей, норок Топ прятал поблизости: выкапывал траншейку и, опустив в неё тушку, забрасывал снегом. Затем, крутясь на месте, трамбовал его и ставил пахучую метку. Иногда, для большей надёжности, неподалёку делал ещё два-три ложных схрона. Случалось, что его тайниками пользовались рыси. Одну из них Топ застукал. Схватка была упорной. Несмотря на превосходство в размерах, рысь вынуждена была отступить перед яростным напором возмущённого хозяина.

* * *

Обходя путик, Подкова сначала никак не мог понять: что за чертовщина? Приманка почти везде исчезла (осталась только там,

---

* В ы к у н я т ь – сменить летний мех на зимний, при этом мездра (шкура) становится толстой и белой.

где лежала мелкая привада: крылышки, лапки рябчиков), капканы сработали, но в них никого нет. Из металлических дуг торчат палки. Разгадку подсказали следы – везде походила росомаха и ещё какой-то зверь, вроде волк. Точно неопытный охотник не смог определить. Подкова из рассказов бывалых промысловиков знал, что, если росомаха повадилась на участок, охоты не будет.

Восстанавливая разграбленный путик, Семён Львович обнаружил в кедраче замёрзшего оленя и хорошо натоптанную к нему росомашью тропу. Олень уже на одну треть был съеден.

«До чего ж ненасытная! Всё ей мало! Попробую-ка тут капканы поставить!»

Подойдя к сбежке, охотник вырезал деревянной лопаткой рядом со следом снежный куб. Вынув его, почистил, утрамбовал площадку уже непосредственно под следом и установил на ней взведённый капкан. Теперь след росомахи от тарелочки капкана разделяла лишь снежная корка толщиной в сантиметр. Потаск с цепочкой вдавил в пушистую перину, снежный куб вернул на место. Неровности пригладил лопаточкой, а отступая, засыпал следы снегом, сверху «засеял» воздушными снежинками.

Памятливый Топ сразу обратил внимание на едва заметные нарушения снежного покрова возле его тропки. Чтобы не рисковать, к туше подошёл с другой стороны. Насытившись, ушёл, ступая чётко след в след.

Весь следующий день Подкова обходил Длинный путик, проложенный по гребням отрогов. В избушку вернулся в приподнятом настроении – снял соболюшку. Переночевав, не завтракая, помчался к оленьей туше – проверить самый главный для него капкан. Он не сомневался в том, что зловредная росомаха попалась, и даже захватил с собой большой рюкзак.

Подходя, издали всё высматривал вытоптанный в снегу круг и меховое пятно на нём, но вместо этого обнаружил возле оленя лишь свежие следы. Всё ещё надеясь на чудо, Семён Львович подошёл почти вплотную. Увы! Росомаха обошла ловушку стороной, а чтобы он не сомневался в том, что она разгадала его коварный замысел – нагадила рядом.

– О боже! – простонал зверолов. – Видимо, всё-таки запах металла учуяла! Попробую по совету Лукьяна опустить капканы в ключевую воду: из-под корочки льда запаха железа уж точно не будет.

Вернувшись в избушку, Подкова взял оставшиеся капканы и, окунув их в ближайшей промоине, установил у оленя сразу шесть штук: два под следами на тропе, остальные в разных местах вокруг туши.

Проголодавшийся Топ пришёл на вторую ночь. Приглядевшись, он определил, что на его тропе появились две новые ловушки. Они стояли прямо на его пути. Зверь осторожно приблизился к капканам и рассторожил их, как обычно, обломками веток.

Всласть поужинав, гордый тем, что в очередной раз перехитрил своего обидчика, Топ решил отгрызть у оленя ногу и перетащить её в более спокойное место.

Перегрызая кость, он подходил к ноге то с одной, то с другой стороны, пятился. Вдруг взвился вверх и тут же рухнул на снег, словно его кто-то резко осадил: в заднюю лапу вцепилась «пасть» на цепочке. Пытаясь вырваться, зверь заметался и угодил передней лапой во второй капкан.

К счастью, стальные дуги этой ловушки захватили лишь когти. Отличаясь поразительной для своих размеров силой, росомаха довольно быстро освободила переднюю лапу. Правда, пришлось пожертвовать двумя когтями. А вот капкан на задней лапе сомкнул челюсти выше широкой ступни и держал намертво. Напрасно Топ рвался, бегал по кругу, зарывался в снежную толщу, грыз ненавистную железку. Многочасовая борьба изнурила его. Настал момент, когда он настолько обессилил, что едва шевелился. Чтобы не замёрзнуть, бедолага вырыл в снегу пещерку и свернулся в ней калачиком.

Глава 26

Везучий Топ

Утром Подкова шёл к приваде в премерзком настроении. Он понимал, что если обнаглевший мародёр обхитрит его и в этот раз, то лучше оставить охоту. За две последние недели в меховой копилке всего одна небольшая соболюшка. Её не хватит даже на покрытие расходов на капканы. В то же время хотелось продолжить охоту. Ему всё больше нравилось это азартное занятие. Даже летом во время поездок в Верхи он всегда на день-два задерживался на участке. Благоустраивал зимовье, расчищал тропы для будущих путиков, пилил сухостой, колол на зиму дрова. А чаще всего просто отдыхал от городской суеты. Но появившийся грабитель порушил все планы, свёл его труды на нет.

Увидев у оленьей туши глубоко вытоптанную арену, Подкова просиял – наконец попалась! – и прибавил шагу.

В боковых стенках утрамбованного круга чернели дыры. К одной из них вела туго натянутая цепочка. Охотник ликовал: «Хитра, но я хитрей!»

Дрожащими от счастья руками он расширил лаз и вытащил холодную, но ещё не застывшую росомаху. Разжав дуги, освободил лапу. Потом раскрыл рюкзак, чтобы засунуть в него добычу. В этот момент лежащий на снегу косматый зверь вскочил и помчался вниз по косогору. Подкова до того растерялся, что, когда схватил прислонённое к стволу дерева ружьё, росомаха уже скрылась.

* * *

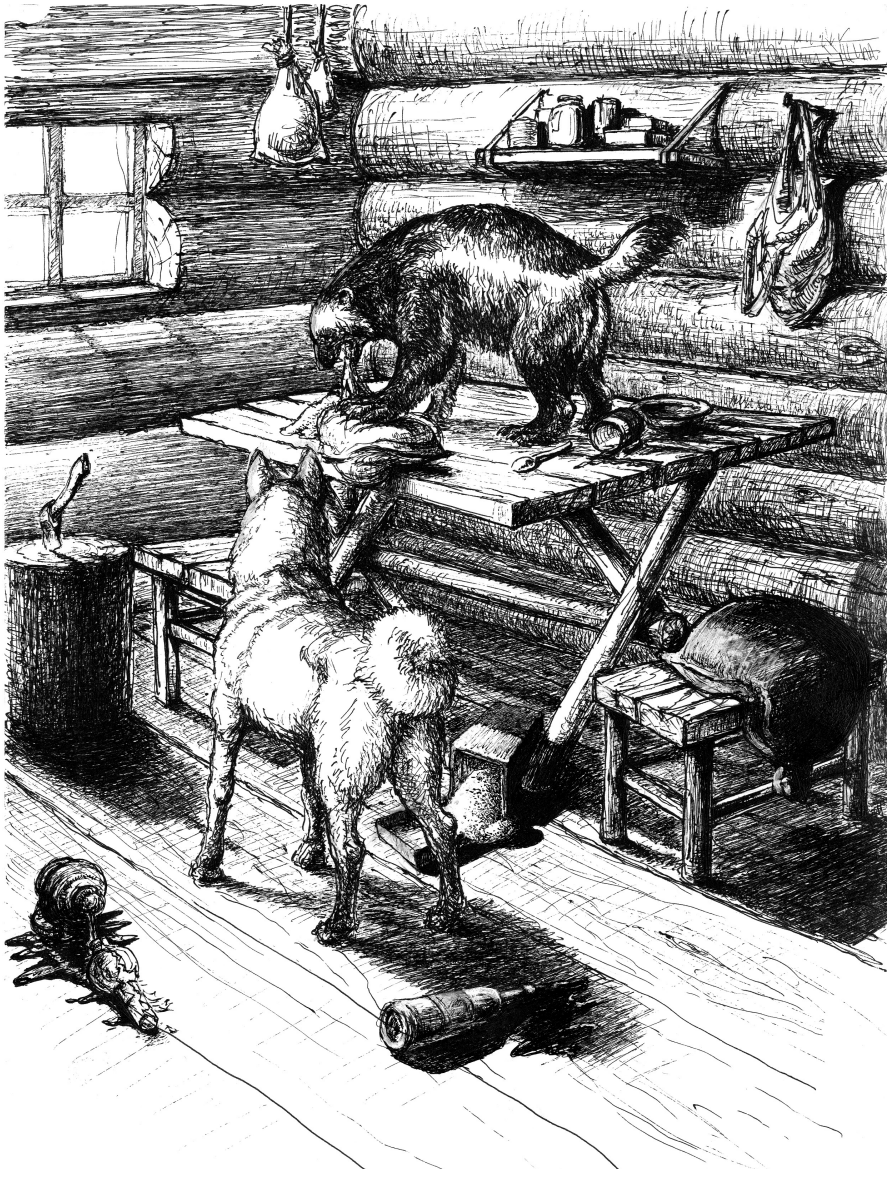
Натерпевшийся страху Топ, обойдя владения заклятого врага стороной, вернулся к Мавру и какое-то время промышлял вместе с ним. Однако клокотавшая в нём жажда мести не давала покоя. В конце концов он набрался смелости и отправился на разведку. На этот раз Мавр последовал за ним. Там, где снег был особенно глубок, они переходили на накатанную тропу двуногого.

Избушка Круглолицего-Лысого встретила их побелевшим от инея окошком. Удостоверившись, что хозяина нет, Топ подошёл к двери. Запустил длинные когти в щель и осторожно открыл её. В нос ударили десятки запахов. Самый сильный из них – ненавистный запах обидчика. Внутри логово оказалось просторней, чем представлялось снаружи. Вдоль стен на полках стояли железные банки, коробки, с потолка свисали туго набитые мешочки, на пристенных крючьях висела одежда. Широкий топчан был застелен шкурами.

Топ первым делом с яростью набросился на вонючий овчинный полушубок, потом переключился на подвешенные к матице узелки. Прыгая со стола, вонзал в них когти и, раскачиваясь, с треском раздирал ткань. Оттуда струйками сыпались мелкие камушки, белая пыль. Она щекотала, забивала ноздри. Топ драл всё подряд. Мавр поначалу с недоумением наблюдал за другом, но вскоре, заражённый его яростью, тоже принялся рвать, трепать всё, что попадалось на глаза.

Сбросив на пол стоящие на полках банки, Топ лизнул рассыпавшиеся по полу белые крупинки. Они оказались настолько горько-солёными, что он с отвращением зафыркал и вцепился зачем-то в столешницу. Успокоился лишь тогда, когда отгрыз от неё изрядный кусок. А Мавр в это время с аппетитом поглощал мелкие кристаллики, рассыпанные рядом. После неудачной дегустации Топ не решился последовать его примеру. Окропив нары пахучими выделениями, он напоследок выдавил лапой оконное стекло.

Озирая результаты погрома, росомаха, сладко жмурясь, вытянула пушистый хвост в одну линию со спиной. Эта поза означала: «Отличная работа!» Мавр согласно помахал хвостом: «Да уж! Постарались!»

* * *

Подойдя к заимке, Семён Львович снял лыжи и принялся старательно отряхиваться от нападавшей с деревьев кухты. Только тут он заметил, что дверь приоткрыта.

Представшая взору разруха сначала ошеломила его, а потом привела в бешенство. В адрес грабителя понеслись такие про-

клятия и пожелания, что, осуществись они даже наполовину, росомаший род прекратил бы своё существование. Несколько остыв, Подкова обратил внимание на чётко отпечатавшийся на рассыпанной муке след, похожий на волчий. Выходит, росомаха бесчинствовала не одна – с ней был волк. Хотя волк с росомахой – это абсурд!

И тут незадачливого охотника прожгла догадка: «Неужели Мавр! Как же он с росомахой-то сошёлся?.. Стоп, стоп, а не тот ли это росомашонок, что у Пули жил? Тогда понятно, почему он такой наглый».

С этого момента зловредная парочка занимала все его мысли. Как же их изничтожить?! Собак нет, да и стрелок он никудышный. Капканы, как ни обрабатывай, они чуют и, даже попав, уходят. Надо придумать что-то более надёжное.

Наскоро устранив последствия погрома, Подкова поехал в Верхи. Не стал даже проверять капканы – зачем лишний раз огорчаться? И так ясно – добычи в них не будет.

Завершив в селе торговые дела, прошёл по домам штатных охотников: может, кто чего и подскажет. Из опытных промысловиков дома застал лишь деда Ермила.

Старик встретил хозяина автолавки настороженно, но за стол всё же пригласил. Пока старуха ставила самовар, пропустили втихаря по маленькой. Видя, что дед подобрел, Подкова рассказал о своей беде, утаив только, что на пару с росомахой орудует собака.

– Да уж! Не позавидуешь тебе. Росомаха – хитрая животина. Мне тоже от неё досталось. – Тут дед замолчал, раздумывая, дать совет или нет. Поколебавшись, произнёс: – Вот что я тебе скажу. Есть один способ избавиться от неё – яд стрихнин. Но он под запретом. Даже Степан не смог достать. Коли добудешь – росомахе конец.

– Найду, лишь бы толк был. Мы ведь с разными конторами и городами работаем. Где-нибудь отыщем… А как им пользоваться?

– Проще простого. Берёшь небольшой – так, чтобы зараз в пасть взяла – кусок мяса, делаешь надрез и таблетку поглубже закладываешь. Тока опосля руки хорошо помой. Дюже опасная штуковина. До войны мой брательник через неё отравился. Три дня блевал. Чуть не окочурился. И ещё: на приваду, штоб птицы не склевали, два-три пера положи, тогда не тронут.

Не сразу, но Подкова раздобыл-таки упаковку стрихнина. Жажда реванша в тот же день погнала его в тайгу. Пройдя по Дальнему путику, он отыскал свежие следы росомахи. Разложив приваду, Семён Львович три дня безвылазно просидел в зимовье – боялся вспугнуть.

Но его задумка сработала наполовину. Приманку со стрихнином съел Мавр. Топа же, обладающего более тонким нюхом, смутил едва уловимый непривычный запах, исходящий от аппетитных кусков мяса. Появившиеся вскоре изменения в поведении друга только усилили его подозрения. Лайка вдруг принялась жалобно скулить. Затем начались конвульсии, сопровождающиеся рвотой. Когда спазмы в желудке отпускали, Мавра начинали одолевать видения.

Вот он, чтобы спасти хозяина, вцепляется в медвежий зад. Вот после удачной охоты подходит к костру, садится рядом с другими собаками и зачарованно наблюдает за изменчивой игрой красных язычков. Вот уже сам хозяин выручает его, застрелив наседающего медведя. Вот они возвращаются с добычей, пораненные и помятые, полные взаимной любви… И тут до него донёсся неповторимый голос хозяина. Он звучал где-то рядом. Пёс кинулся на голос и провалился в чёрную бездну…

Топ, конечно, не понимал, от чего умер Мавр, но интуитивно связал смерть друга со странно пахнущим мясом.

* * *

Промысловики, завершая сезон, рассторaживали последние капканы, опускали пасти, кулёмки. Иные, загрузив волокуши, уже ушли с добычей в село.

Когда исходящие от людей запахи ослабли, а следы от их длинных «лап» стали пахнуть лишь снегом, Топ принялся педантично наведываться в избушки и других охотников. Забравшись внутрь, остервенело рвал, грыз всё, что попадалось на глаза.

Он понимал, что его разбои не могут оставаться безнаказанными. Что могущественные двуногие будут добиваться его смерти. И теперь следует быть особенно внимательным. Перед каждым шагом осматриваться и принюхиваться – не таится ли в снегу лязгающая челюсть. А самое лучшее – покинуть этот край. Тем более что после смерти друга его здесь ничто не держало. Воинственный пыл остыл, а переполнявшая сердце жажда мести была сполна удовлетворена.

Снег растаял, а Топ всё не уходил. Он уже колебался: может, остаться? Тут всё так привычно! Еды в достатке. Да и люди ушли из тайги – чего спешить?

Глава 27

Новый участок

В разгар лета на обширном горельнике поспела малина. Её уродилось так много, что нижние ветки склонились до земли. Сладкоежка Топ зачастил сюда. Однажды, лакомясь сочными, алыми ягодами, он услышал голоса людей. Привстав на задние лапы, разглядел поднимающуюся по горельнику большую «стаю» двуногих и мельтешивших среди них собак. Они шли прямо на него. Появление людей в тёплое время года было для него столь необычным, что он не сомневался: это за ним. Надо бежать!

А куда, Топ давно определился – за синевший вдали острозубый хребет, который находился дальше всех от места обитания двуногих.

На второй день пути он достиг водораздела, представлявшего собой плоский щебнистый гребень, поросший короткой и редкой травой. По нему вилась каменистая тропа, набитая за многие годы медведями. Кое-где видны их свежие лёжки: клочья шерсти, помёт, примятые, погрызенные ветки. Ниже – тощие языки кедрового стланика. Жадно цеплялись в каменистую почву карликовые берёзы, изредка, где-нибудь в затишке, можно было встретить невысокую, скрюченную ветрами и морозами лиственницу.

От ближнего скального зубца ветерок донёс запах мохноногого канюка. Вскарабкавшись по уступам, Топ обнаружил гнездо – хаотичное нагромождение сучьев с плоским дном внутри. Вокруг валялось много погадок – комочков непереваренной шерсти и костей грызунов, отрыгнутых птицами из желудка. Птенцов в гнезде не было. Видимо, уже встали на крыло.

Отсюда были видны три расходящихся веером кряжа, разделённых межгорными долинами. Их склоны за многие тысячелетия изрезали ручьи и ледниковые сходы. Над ними на уровне облаков парили беркуты. В одной из долин слезой поблёскивало озеро. Прежде чем начать спуск к нему, осторожный зверь ещё раз внимательно прощупал глазами незнакомую местность. Не обнаружив ни единого намёка на присутствие людей (остальное его не беспокоило), запрыгал по шаткому курумнику вниз.

Путь к водоёму преграждал перестойный пихтач с участками многоярусных ветровалов. Свисавшие с нижних ветвей сизые бороды лишайника то и дело облепляли морду паутиной. Приходилось смахивать её лапой.

Вот и озеро. Над водой мечутся крикливые чайки. В высокой траве тихо переговариваются гуси. Топ замер – попробовать подкрасться?

Но опыт подсказывал, что днём эту сторожкую птицу ему не добыть. Он побрёл по берегу, принюхиваясь к витавшим вокруг запахам. И тут ветер нанёс самый чудный. От этого аромата Топ всякий раз терял контроль над собой. Это был запах мёда. Лихорадочно процеживая воздух, определил источник – старая сосна.

Проворно взобравшись на неё, нашёл в ребристой коре крохотное, отполированное до блеска отверстие, сквозь которое туда-сюда неутомимо курсировали пчёлы. Запах, сочащийся из дырочки, пьянил. Чтобы расширить отверстие, Топ обхватил одной лапой ребристый ствол, а второй начал расковыривать леток. Немного увеличив диаметр, дальше работал зубами. Грыз, не обращая внимания на укусы рассвирепевших хозяек. Они жалили не только покрытую короткой шерстью морду, но умудрялись с противным жужжанием протискиваться сквозь густую шерсть и к животу, и к груди. Вонзать свои копьеподобные жала в места, где шкура понежнее и почувствительнее.

Когда отверстие стало достаточно большим, Топ принялся извлекать куски сот, истекающие янтарными тянучками. С жадностью поглощая их прямо с прилипшими пчёлами, он время от времени потирал искусанный нос тыльной стороной лапы. В его урчании слышались как восторг от неповторимого наслаждения, так и страдальческие нотки от болезненных укусов.

Наевшись, Топ отправился к озеру – после сладкого хотелось пить. Утолив жажду, взобрался на утёс и вытянулся на прогретой за день плоской глыбе. Зверь был в прекрасном расположении духа – новое место очаровало его.

Глава 28

Счастливые молодожёны

Год пролетел незаметно. Очередное лето выдалось тёплым и щедрым на пищу. Буйная растительность не только скрадывала шаги, но и хорошо маскировала. Это значительно облегчало охоту. В покое и сытости Топ заматерел, налился подкожным жиром. Шерсть на спине и боках залоснилась, а на ногах и животе отливала вороновым крылом.

Как и положено в эту пору, Топа стало одолевать любовное томление. Хотелось ласки и нежного общения с себе подобной. В прошлом году у него уже была семья*, но, выкормив потомство, они расстались.

---

* Половая зрелость у росомах наступает, как правило, после двух полных лет жизни.

Теперь в поисках подруги он, оставляя на холмиках и камнях любовные послания, удвоил суточный ход. Обследовал распадки, поднимался на окрестные вершины, но своей старой партнёрши не находил. Зато на стрелке хребта обнаружил след другой соплеменницы. От него исходил до того притягательный запах, что Топ от охватившего волнения задышал шумно и часто.

По чередованию размеренного шага с лёгкими прыжками он определил, что это молодая, полная сил росомашка. Вытянув вперёд влажный чёрный нос, Топ помчался по струйке понравившегося ему запаха. Вот и её мочевая метка. Понюхав, он буквально опьянел: по телу волной прокатилась сладкая дрожь. Ему захотелось пропитаться ароматом этого влажного пятна. Топ припал к нему и, извиваясь, стал тереться. Затем вскочил и побежал, забыв обо всём на свете.

Нагнав росомашку, он замер от восхищения. До чего красивы были её глаза, шубка с золотистой шлеёй! Покорённый самец принялся галантно прохаживаться перед красавицей, делать свечки. Но она не реагировала.

Отдышавшись, кавалер предпринял последнюю попытку: разбежался и, высоко подпрыгнув, перевернулся в воздухе. Приземлившись, с надеждой глянул на избранницу. Но она смотрела так, как будто ожидала большего, а не дождавшись, разочарованно потрусила дальше. Всё ещё на что-то надеясь, незадачливый ухажёр последовал за ней. Покачивая хвостом, он всячески проявлял симпатию. Однако стоило ему попытаться приблизиться, как росомашка зло щерилась.

Топа обескуражил этот явный провал, но он не терял надежды найти себе пару. Проходя в день десятки километров, выловил наконец в струях ветра ещё один волнительный дух. Следуя за ним по лесной тропе, догнал самку с полуторагодовалой дочкой*.

---

* В предыдущий год во время гона росомаха не обзавелась кавалером. Оставшись пустой, ходила с детёнышем прошлого помёта.

Мамаша отреагировала на его появление весьма благосклонно. Чтобы закрепить успех, Топ был обходителен как никогда. Его старания оценили. Выражая симпатию, росомаха подошла и обнюхала его. Когда то же самое попыталась сделать взрослая дочь, мать злобно цвыркнула на неё.

После знакомства звери встали на задние лапы и, тыкаясь чёрными носами, перешли к «поцелуям». А успешная вечерняя охота ещё больше скрепила их союз.

С появлением галантного жениха общество дочери стало тяготить самку. Она всё больше охладевала к ней. Держала её на расстоянии, а к концу второго дня окончательно прогнала. Через неделю уже самому Топу пришлось отстаивать право на обожаемую подругу перед другим самцом. Порванные уши и многочисленные шрамы на морде конкурента выдавали в нём заядлого драчуна.

Бесцеремонно подойдя к Топу, он угрожающе обнажил клыки, но, когда их взгляды скрестились, пришелец уловил в глазах Топа такую силу и уверенность, что смутился и, наигранно ворча, удалился. А Топ с Лаской продолжили наслаждаться любовными играми.

Летняя пора для пернатых и четвероногих обитателей тайги самая благодатная: тепло и кормов вокруг хоть отбавляй. Под пологом прогретого леса созревали, сменяя друг друга, жимолость, земляника, черника, костяника, голубика. Отъедались на щедрых дарах тайги выводки тетеревов, рябчиков, глухарей. Без устали пополняли свои кладовые шустрые белки, подвижные, как ртуть, бурундуки.

С середины лета даже такие хищники, как медведь и соболь, переключаются на вегетарианское меню. Не осталась в стороне и наша парочка. Их стол разнообразили сладкие, сочные ягоды, молочные орешки кедрового стланика. Не ленились они забираться и на высоченные кедры. Там, среди пучков длинной хвои, гроздьями висели уже отяжелевшие связки шишек. Росомахи сбрасывали их на землю. Быстро спустившись, собирали в кучу и, сев рядом, расплющивали каждую шишку зубами. Когтями выбирали ещё мягковатые скорлупки с ядрышками и, тщательно разжевав, с наслаждением проглатывали.

Как-то на завалившихся косулю росомах вышла волчья стая. Молодожёны приготовились к обороне, но серые даже не остановились. Отвернув морды, они протрусили стороной: в эту пору все сыты.

* * *

Незаметно подкралась пора жёлтых листьев.

С запада наползала армада тяжёлых, низких туч, и, как бы разминаясь, медленно и лениво закрапал холодный дождь. Вскоре полило так, что росомахи вынуждены были укрываться под елью. Водяная пелена временами становилась столь плотной, что контуры ближних деревьев размывались. Монотонный шум бессчётных капель, усиленный порывами ветра, сливался с рокотом быстро набухающего ручья. Затаились звери, птицы. Притихли даже кедровки с сороками.

Обложило основательно: дождь лил, то стихая, то усиливаясь, трое суток. Тайга пропиталась водой до такой степени, что влага проникла даже сквозь самые густые кроны елей. Мучительный озноб не оставлял промокшую парочку ни на минуту. Чтобы не замёрзнуть в отсыревшей шубе, звери вырыли под корнями ели нору и забрались в неё. Когда голод заставил Топа выбраться из обжитого убежища, он с удивлением обнаружил: дождь прекратился, но тайгу накрыла такая волна хлынувшего с севера холода, что ветви берёз, хвоя елей надели стеклянные чехольчики, а стволы заплыли прозрачной глазурью.

В налетавших порывах ветра нос уловил запах медведя. Топ с этими громилами никогда не связывался, но не брезговал поживиться остатками их трапез. Поводя носом, он шумно засопел. Запах шёл с берега озера.

Осторожно подкравшись, Топ обнаружил на оледенелых листьях вмятины от медвежьих лап. На некоторых – замёрзшие капельки крови. Вот и сам миша. Прячась за валёжинами, Топ осторожно приблизился к косматой горе. Из полураскрытой пасти торчали жёлтые, в обломках коры, клыки. Шерсть на ногах вся в ледышках, на широких лапах смёрзшиеся комочки грязи. На задней – громадный железный капкан. Между мощных дуг белела оголённая кость. С носа свисала сосулька. Всё ясно! Околел, горемыка!

Поев сухого жилистого мяса, напоминающего по вкусу и жёсткости древесину, Топ привёл к туше Ласку. Насытившись, они обосновались неподалёку. Заморозки по утрам выбеливали траву и кусты. В изумрудное поле елей вплетались огненным янтарём лиственницы. Стайки берёз на склоне соседней сопки стояли облитые золотом. С трудом верилось, что совсем недавно они были зелёными. Но праздник не вечен. Деревья изо дня в день теряли своё роскошное убранство. Опавшие листья покрывали землю жёлто-красным ковром и, высыхая на солнце, скручивались в хрустящие под ногами лодочки.

В этом году белки необычайно рано сменили неказистую летнюю шубку на шикарную зимнюю. Топ знал, что это верный признак скорых морозов. И точно, лес за несколько дней оголился и оцепенело застыл до весны. Там, где недавно царил сумрак, стало светло и просторно.

Теперь сюда частенько заглядывали низовые ветры. Они поднимали в воздух упавшие листья, сметали их в ямы, забивали в расщелины. Две выбеленные солнцем сухостоины, раскачиваемые ветром, соприкасаясь, жалобно скрипели. Топ любил эти «песни» леса.

Глава 29

Зима

Начало зимы выдалось студёным, бесснежным. Невысокое, бледное солнце скупо делилось теплом. Мороз пронизывал всё живое. Прокалённые стужей стволы звонко лопались. Едва прикрытую снегом почву испещрили глубокие трещины. Холод вливался сквозь них и рвал, скручивал корни деревьев, замораживал закопавшуюся в землю живность.

Мороз был до того силён, что кормившиеся на ольхе рябчики попеременно поджимали то одну, то другую лапку: согревали их внутри перьевой муфточки. У них к зиме на пальцах (так же, как и у глухарей, и тетеревов) вырастала роговая бахрома. Она в два раза увеличивала площадь опоры при ходьбе по снегу, а в гололёд помогала удерживаться на обледенелых ветках. Если летом ноги рябчиков оперены только до колена, то сейчас их тёплые, несколько расклёшенные «штанишки» опускались до самых коготков.

Добывать пропитание становилось всё сложней. Росомах выручали сделанные осенью запасы. Но вот и они кончились. Топ припомнил, что на мшистых реднах, на бруснике всю прошлую зиму держались большие стаи куропаток и одиночные глухари. Может, и сейчас они там?.. Увы! На снегу ни единой лунки, да и ягод почти нет.

Середина зимы для росомах самое голодное время. Старые заначки съедены, а зайцы и олени по ещё неглубокому снегу легко уходили от них, тихоходов. Олени к тому же ещё полны сил – запасы осеннего жира не иссякли, да и ягель пока легко копытить. Вот навалит снега, тогда шансы уйти от росомах у них невелики. Так что супругам приходилось довольствоваться чужими объедками. Мяса

на них немного – в основном кости, но и над ними потрудиться стоило. Особенно над трубчатыми – ведь внутри них необычайно сытный костный мозг. Лишь мощные челюсти и крепкие зубы росомах в состоянии добраться до этого лакомства.

Ситуация изменилась после обильного снегопада с затяжной метелью. Теперь вероятность успеха в охоте у обладателей лапснегоступов заметно возросла. Как только непогода угомонилась, Топ отправился в пихтач, обвешанный бородатыми лишайниками. Там жила кабарга – пятнистый и как будто сгорбленный из-за непропорционально длинных задних ног олень с большими грустными глазами. Топ уже несколько раз пытался догнать его, но безуспешно. Олень всякий раз играючи уходил по натоптанным тропкам. Нынче их засыпало, и кабарга вряд ли сумеет бежать столь прытко.

Притаившись в том месте, где тропки скрещивались, Топ дождался его. Увидев летящий мохнатый шар, кабарожка сумела в немыслимом отскоке увернуться от когтей и запрыгала, увязая миниатюрными копытцами в пухлой перине, к скале. Топ кинулся вдогонку. Задевая ветки, он оставлял за собой снежные шлейфы от падающей кухты. Через несколько минут перепачканный кровью ловкий хищник уже нёс добычу к своей избраннице. С этого дня Топ с Лаской не испытывали недостатка в пище.

В зиме тем временем наметился перелом. И хотя морозы ещё кусались, разгоравшееся солнце несло первую весть о скорой весне. Это было очень кстати – у Ласки подходила пора щениться. Настал день, когда она повела Топа в глухой, заметённый снегом распадок с несколькими башнеобразными останцами в изголовье. Чтобы надёжно спрятать выводковое логово от непрошеных гостей, супруги вырыли в снежной толще многометровый канал. Его конец удачно упёрся в просторную скальную нишу. Здесь, прямо на камнях, чуть прикрытых ветками и листьями, и устроили «родильную палату».

Глава 30

Новое потомство

Три незрячих щенка появились на свет ночью. Счастливая мать тщательно вылизала каждого с головы до хвостика. Первые дни малышей покрывала не шёрстка, а кремовая, слегка вьющаяся подпушь, с более длинными и тёмными волосками на лапках. Сами подошвы ещё долго были голыми.

Детёныши, оккупировав вкусно пахнущее, тёплое и мягкое материнское брюхо, либо спали, либо энергично сосали густое молоко. Теперь вся забота о пропитании легла на Топа. В жилистом и сухом мясе павших оленей не было недостатка, а вот за парным надо было побегать. Чтобы резкий запах не выдавал его, Топ перед каждым выходом тщательно вылизывал свою шубу и подолгу барахтался в снегу.

Самой подходящей для охоты погодой были безветренные, сопровождающиеся снегопадом дни. Особенно хорошо, если снег падал крупными, пушистыми хлопьями и так густо, что видимость резко ухудшалась. Обладающему тонким нюхом Топу это не мешало: он подходил к намеченной жертве, ориентируясь преимущественно на запах.

В один из таких благоприятных дней Топ забрёл в старый, основательно заросший молодыми соснами и осиной горельник, полого спускающийся к ключу. Сквозь частую сеть снежинок он разглядел несколько бурых пятен. Поцедив воздух, определил – лоси!

Обитая прежде в перестойной, дуплистой тайге, в которой животные не могли дотянуться до тонких, нежных веточек, а кора старых деревьев была грубой, лоси до предела ослабели. Стадо только вчера обнаружило этот богатый сочными кормами подрост. Животные с жадностью откусывали пучки хвои, тонкие мёрзлые побеги; обгладывали длинными, крепкими зубами горьковатую осиновую кору. Чтобы добраться до самых нежных веточек, грудью пригибали молодые стволики и, пропуская их между ног, объедали аппетитные вершинки.

Лоси были до того слабы, что, пока пробивали траншею к следующему дереву, несколько раз останавливались отдыхать. От напряжения у них даже бока вздымались. Видя такую беспомощность, Топ решил атаковать немедля. Шанс заполучить гору парного мяса так воодушевил его, что силы удвоились.

Заметив приближающуюся росомаху, стадо скучилось. Однако, стоя по брюхо в снегу, сохатые* были лишены возможности использовать своё страшное оружие – копыта. Дрожа от возбуждения, Топ подошёл к стоящему несколько поодаль худому комолому бычку. Запрыгнув ему на спину, он стал вгрызаться в холку. Бычок, пытаясь сбросить наездника, отчаянно затряс, замотал головой, но безрезультатно…

Убедившись в смерти сохатого, Топ издал торжествующий рык и на глазах всего стада, не жуя, набил желудок парным мясом. Затем отгрыз от туши увесистый шмат и поспешил к семье.

---

* Самцов лосей (быков), оттого что их рога похожи на обыкновенную соху, нередко называют сохатыми.

Двигаясь по туннелю, Топ тихонько урчал. Его «песня» вызвала в логове радостное оживление. Беззубые, тупомордые малыши, неуверенно ступая неокрепшими лапками, подползли к нему на запах и полизали аппетитно пахнущую плоть: есть мясо они пока не могли. Зато их мать одолела его в один присест.

На двадцатый день глаза малышей открылись, но в них ещё долго стояла голубовато-молочная муть.

Как ни противилась зима, но настал день, когда весна, вооружённая жаркими лучами ожившего солнца, окончательно одолела её. Пропитанные тёплой влагой пузатые тучи в два приёма «съели» отмякшие сугробы. После этого надолго установилась ясная солнечная погода. Ласковые апрельские ветры мигом высушили южные склоны. На открытых бугорках проклюнулись сиреневыми платочками цветки сон-травы. Их уже обхаживал дородный, с оранжевым загривком шмель. Преображались и деревья: лиственницы покрылись лёгкой, седоватой дымкой, «заплакали» берёзы, ветви сосен затопорщились розовато-кремовыми свечками, припудренными белой пыльцой.

По пробуждающемуся от зимней спячки лесу то и дело рассыпалась чистая и пронзительная дробь дятлов. Этих трудяг природа не одарила красивым голосом, и, чтобы не пугать самочек своим неблагозвучным пением, ухажёры пользуются отщепами и сучками деревьев, которые играют роль музыкальных инструментов. Подобные серенады их подругам, похоже, были по душе.

Подбадривая неловких щенят, Ласка вывела их на волю. Яркий свет ослепил глаза и напугал малышей. Но уже в следующую вылазку они были посмелей.

«Как просторно вокруг! Сколько красок! Какой горячий шар над головой!» – вероятно, думалось им.

Они осторожно обследовали камни, заросли кедрового стланика, от которого шёл пьянящий смолистый дух. Мамаша отщипывала пучки хвои и жевала. Ребятня следовала её примеру.

Внешне схожие, малыши сильно отличались по характеру. Старший, спокойный, медлительный, любил полежать. Младшие сестрёнки, наоборот, постоянно были в движении. Наевшись, боролись, гонялись друг за дружкой, кувыркались так, что казалось, будто они лишены костей. От вечной возни и беготни перед логовом всё было вытоптано. Пытаясь расшевелить братца, они прыгали на него, кусали за уши, хватали за хвост, а тот только сладко жмурился. Лишь изредка отмахивался либо, набычив голову, недовольно урчал.

* * *

Занятый заботами о пропитании, Топ находил время и на воспитание детей. Учил подкрадываться, пластаться по земле, надолго затаиваться и молниеносно, без промаха нападать. Такая учёба шла ежедневно: к осени малыши должны быть готовы к самостоятельной жизни.

А учителем он был строгим. Не обращая внимания на отчаянные вопли, без колебаний наказывал неслуха болезненным шлепком либо рыкал так, что провинившийся от ужаса припадал к земле. Если это не помогало, хватал не в меру расшалившегося отпрыска за холку и хорошенько встряхивал. В результате детёныши слушались отца не только с полуслова, но и с полувзгляда.

Добывать пищу Топ обучал на практике. Для этого он частенько приносил ещё живую добычу и подзывал потомство. Тут уж братцу не было равных. Он первым набрасывался на жертву и трепал её, пока та не затихала. Как-то отец положил перед детьми крыло куропатки. Старший на неподвижную добычу не прореагировал. Сестрёнок же вид перьев привёл в необычайное возбуждение. Они припали к земле и не сводили с «добычи» глаз. Ползком подкрались на расстояние прыжка и дружно набросились на «птицу». Упираясь в землю лапками, начали тянуть изо всех сил, каждая в свою сторону. Испугавшись вдруг загалдевших на дереве ворон, они разжали пасти и замерли. Отец покачал головой, как бы гово-

ря: «Не обращайте внимания, это не опасно». Тут наплыла серая туча, посыпалась морось. Малышня озябла, заскулила, охотничий пыл у них сразу угас. Ласка увела их под буреломный отвал.

От изуродованной молнией сосны донёсся робкий щелчок, похожий на стук падающих капель. Топ прислушался. Минутная пауза, и новая осторожная очередь… ещё одна. Точнее, череда столь любимых звуков: скрежет, цвирканье, переходящие в точение. Глухарь! Если добыть, дня на три хватит!

Петух сидел с опущенными коричневато-пепельными крыльями на нижнем суку и, ослеплённый страстью, исполнял одну любовную оду за другой. Начинал с серии щелчков – сухого тэканья, затем следовала звонкая трель. А завершалась песня коротким, на три-четыре секунды, точением. В этот момент глухарь как бы отключается: не слышит и не видит. Высоко вскинутая чернявая с красным окоёмом вокруг глаз голова на зелёной с синим отливом шее вибрирует, а распушённый веером хвост подёргивается так, что слышно шуршание перьев.

Топ, стелясь по земле, подкрался почти вплотную к дереву. Взобравшись на обомшелую валёжину, он уже готовился к прыжку, как в стороне, глухо квохча, низко пролетела рыжеватая глухарка. Хищник замер. Капалуха села на соседнюю сосну и принялась, не обращая на певца внимания, откусывать кончики веточек и завязи шишек. Благодаря острым краям светло-жёлтого клюва, делала она это в одно прикусывание.

Топ успокоился и, когда петух в очередной раз устремил к небу украшенную брусничными бровями голову, прыгнул на него. Задние лапы при толчке соскользнули с влажной коры, и хищник лишь едва дотянулся до кончиков чёрного с белым крапом хвоста. Глухарь, оглушительно хлопая громадными крыльями, взмыл вверх, а огорчённый неудачей Топ побрёл искать другую поживу.

Вскоре тишину леса взорвал резкий хохот ошалевших от брачных страстей куропаток. Они с криком перелетали с места на место, красуясь перед наблюдавшими за ними курочками. Тут уж Топ не оплошал. Два петушка отчасти компенсировали неудачу с глухарём. Одного он съел сам, а второго отнёс в логово.

В конце мая семья спустилась в долину. Здесь, на речной пойме, уже вовсю зеленели не только осины, но и лиственницы, а загустевший лес оглашался звонким пением лесных птах.

Детвора росла быстро. В три месяца они внешне уже мало отличались от родителей, только были в четыре раза меньше весом. После каждой удачной охоты и сопутствующей ей трапезы молодняк принимался беззаботно резвиться: гоняться друг за другом,

кувыркаться, нападать из засады. Взрослые не отставали. Кувыркались, прыгали вместе с ними. Тут уж начиналась общая свалка.

Мирно и безмятежно протекали долгие летние дни. Семья обычно отдыхала в пещерке возле родничка, бьющего прямо из-под корней ели. В ней не докучала мошкара и прочие кровососы, а в жару было прохладно. У входа на каменной плите частенько грелись на солнце свернувшиеся в клубок змеи. Когда росомахи проходили мимо, те, шелестя кожей, расползались по своим убежищам. Звери не обращали на них внимания – еды и без того хватало.

К июлю, когда стали поспевать ягоды, выводок перебрался в горельник. Первой вызрела жимолость. Тёмно-синие продолговатые ягоды имели приятный, кисло-сладкий с лёгкой горчинкой вкус. Следом подошла черника, красящая язык в чёрный цвет.

Вот и любимая голубика поспела. Невысокие, с коричневыми стеблями кустики были столь густо усыпаны тёмно-синими, будто припудренными плодами, что за ними почти не было видно листочков. Набив желудки, звери ложились на спину и, радуясь солнцу, переворачивались с боку на бок. Лениво помахивая хвостами, урчали от сытого блаженства.

В начале сентября неожиданно выпал снег. Не сбросившие листву ветви под его тяжестью ломались, а некоторые, согнувшись до земли, образовали шатры. Снег вызвал необычайный восторг у молодняка. Они купались, резвились, барахтались в искрящемся пуху. Опрокидываясь на спину, скатывались со склона. Взбирались

обратно и, раскачавшись на гибких ветвях черёмухи, плюхались на снег и вновь съезжали вниз. Особенно им нравилось, что мягкий, пушистый покров приятно холодит ступни. Дурачились так до тех пор, пока мать строгим стрекотом не призывала их к себе.

Топ с наступлением холодов оставил семейство и принялся, как обычно, бродяжничать в одиночку. Обойдя несколько отрогов и ключей, он не встретил ни одной достойной внимания добычи. Приходилось довольствоваться лишь нерасторопными куропатками. Ему всё чаще вспоминались тропы двуногих, на которых всегда можно было поживиться мясом из амбарчиков. Эта лёгкая добыча дразнила, не давала покоя.

ЧАСТЬ III

ВОЗВРАЩЕНИЕ

> Уничтожение диких животных – это предостережение людям, указывающее на то, что ожидает их самих в недалёком будущем.
>
> *Бернгард Гржимек*

Глава 31

Плен

С очередной почтой Подкова привёз Степану бандероль из охотуправления. Отдавая её, не преминул напомнить:

– Степан Ермилович, долг-то не весь погашен. За просрочку уже проценты пошли.

– Да помню, помню. Рассчитаюсь. Но и ты не забывай, что Мавра должен вернуть.

– Сколько объяснять – сбежал он от меня почти сразу.

– Это не моя проблема. Ко мне он не приходил. Так что и с тебя проценты будут.

Подкова хотел было что-то возразить, но передумал и поспешно вышел.

Степан распечатал бандероль. В ней было несколько пачек бланков по учёту и письмо с заданием отловить и доставить в город одну росомаху. В отдельной коробочке капсулы для усыпления животного и инструкция по их применению. Также сообщалось, что в охотуправление пришёл для него мотоцикл.

Наконец-то!

Окрылённый, охотовед засобирался в тайгу. Расспросив мужиков, где кто видел в последний раз росомашьи следы, решил начать поиски с перевальной седловины у Сахарной Головы.

Росомашьих следов там действительно было много. Соорудив три амбарчика, в крайних оставил по глухариному крылу, а в средний положил аппетитный кусок оленины. В него предварительно вложил две капсулы снотворного. Чтобы привлечь росомаху, разбросал между амбарчиками накроху. А сам устроился в буреломе, метрах в ста пятидесяти. Чтобы не замёрзнуть, накидал на снег лапника и забрался в меховой спальник.

Росомаха появилась в тот же вечер. Охотовед с удивлением наблюдал, как она отгрызла ветку и, потыкав ею у входа, ушла. Степан сообразил, что это та самая росомаха, которая безнаказанно опустошала путики промысловиков и гадила в их избушках.

«Что же ей не понравилось? Почему ушла? Видимо, смутило отсутствие капкана. Теперь сюда вряд ли вернётся».

Когда рассвело, Степан вытащил из пещерки приманку со снотворным и перебрался в соседнюю ложбину, где тоже встречались следы росомахи. Соорудил новые амбарчики и, установив на входе капканы, положил в пещерки приваду.

Две ночи дежурства прошли впустую. Степан уже подумывал сменить место, но на третью его терпение было вознаграждено.

Прежде чем приблизиться к амбарчику, росомаха долго нарезала вокруг него круги, подходя с каждым разом ближе. Принюхивалась, присматривалась. Наконец отгрызла ветку. Когда железные челюсти вцепились в неё, безбоязненно вытащила мясо. Съев его, запрыгала дальше.

Выждав минут двадцать, Степан вылез из спальника и пошёл по следу. Опустошив вторую пещерку, зверь направился в долину. Прыжки становились всё короче. Прежде прямая строчка завиляла. Метров через четыреста охотовед наткнулся на росомаху, лежащую за валёжиной. Увидев его, она с трудом встала и, сделав несколько неуверенных шагов, опять легла. Охотовед, дождавшись, когда зверь окончательно уснёт, подошёл. Теперь росомаха на его приближение не прореагировала.

Степан никогда не признал бы в этом матёром, холёном звере милого, весёлого увальня – Топа, если б не характерное белое пятнышко на груди.

– Так вот кто донимал Подкову! Ай да Топ! Прямо-таки таёжный мститель! Робин Гуд!

Пока зверь не проснулся, охотовед поспешил связать лапы. При этом для надёжности задние притянул к передним. После

чего надел на голову мешок из плотной ткани. Накидав на снег еловых веток, уложил на них спящего пленника, а сам побежал за оставленными в засаде вещами. Степан торопился – действие препарата скоро закончится.

Засунув росомаху в спальный мешок (обездвиженный зверь быстро замерзает), привязал к нему верёвку и, выбирая путь почище, повёз спящего пленника к избушке.

Очнувшись, Топ никак не мог понять, что с ним происходит. Во тьме и непривычной тесноте его затуманенный препаратом мозг фиксировал лишь мягкие толчки. Потом его приподняли и вывалили на пол. Колпак с головы слетел, и Топ зажмурился от света. Когда глаза привыкли, огляделся. Он находился в бревенчатой, пахнущей дымом избушке. Она была ему хорошо знакома. Это её они с Мавром сторожили. А вон и хозяин Мавра. Сидит, наблюдает.

«Наверное, думает, что это я убил его собаку, и решил отомстить. Как же ему объяснить, что Мавр умер от плохого мяса?»

Топ заворочался, пытаясь встать, чтобы позой, выражающей дружелюбие, «сказать», что он не причастен к смерти его собаки. Но прочные путы не позволили ему даже приподняться. Стремясь освободиться от них, он извивался, дёргался всем телом, но безрезультатно.

Зверя охватила паника. Прежде он никогда не испытывал ощущения такой беспомощности. От нервного перенапряжения Топ забился в конвульсиях. Подобная реакция не обеспокоила охотоведа. Он знал, что у диких зверей, особенно взрослых хищников, попавших в неволю, такие припадки не редкость. Конвульсии тем временем становились всё слабее и наконец прекратились. Степан подошёл к росомахе и присел напротив.

– Не бойся, Топ! Я тебе ничего плохого не сделаю. Ты меня узнал? – охотовед погладил росомаху по спине.

Топ опять попытался выразительным взглядом донести до человека, что он неповинен в гибели собаки.

Степан чувствовал, что зверь пытается ему что-то «сказать», но истолковал по-своему.

– Топ, дорогой, мы, конечно, друзья, но я тебя не отпущу. Поедешь в зоопарк. Там кормят, лечат. Тут тебе опасно оставаться. Ты так насолил здешним охотникам, что они рано или поздно тебя убьют. Зоопарк – твоё спасение.

По тому, что зверь немного успокоился, Степан решил, что он его понял.

Переночевав в зимовье, охотовед на следующий день перевёз Топа домой. Сколотив из толстых плах клетку, стал ожидать пятого декабря (автолавка приезжала в Верхи два раза в месяц: пятого и двадцатого числа). Степану не хотелось лишний раз обращаться к Подкове, но по-иному росомаху в город не доставить. А не хотелось потому, что опять начнёт ныть насчёт долга, обвинять его в том, что он сам и выкрал Мавра.

Эту поездку Топ запомнил на всю жизнь: на ухабистой, с ребристыми намётами снега дороге постоянно трясло, кидало из стороны в

сторону, больно било о деревянные стенки клетки. От едких, щиплющих нос и глаза выхлопных газов его тошнило.

Степан с сотрудником охотуправления сдали росомаху в багажное отделение аэропорта. Уходя, охотовед обернулся:

– Прощай, Топ! Пусть на новом месте тебе будет хорошо.

Степан и не предполагал, что им предстоит ещё встретиться при весьма необычных обстоятельствах.

Глава 32

Неволя

В зоопарке Топа поместили в клетку из железных прутьев, стоящую в отдельном помещении. Весь день к нему подходили люди в синих халатах и восхищались:

– Красавец!

– А мех-то какой: пышный, блестящий!

– Такой росомахи у нас ещё не было!

После томительного двухнедельного карантина под присмотром ветеринарного врача Топа перевели в просторный вольер. На металлическую сетку повесили табличку: «Росомаха. Самый крупный представитель семейства куньих. Возраст – 4 года. Кличка Платон».

Вправо и влево от Топа тянулись вольеры с другими обитателями зоопарка. Очутившись после тесной клетки в просторном, обтянутом сеткой вольере с грудой камней и массивных коряг, Топ опрометью бросился вдоль стенки, ища лазейку, но тщетно – повсюду было стальное сито. Попробовал разорвать его зубами, да лишь сколол эмаль на одном из них.

Цепляясь когтями за ячейки, взобрался наверх. Однако сетка была повсюду. Тогда Топ начал рыть когтями землю, но вскоре упёрся в бетонный пол. Убедившись, что отведённое ему пространство не имеет выхода, зверь притих. Съев оставленное ему мясо, забрался в бревенчатое логово.

Ночь прошла спокойно, а утром вокруг зашумело, забурлило: в проходы хлынул разношёрстный поток двуногих. Топа поразило невероятное число запахов, исходящих от них. Он довольно быстро привык к тому, что люди толпились возле его ограды, и старался не обращать на них внимания. Если кто допекал, он нервно скалился и отворачивался. Единственный двуногий, приход которого радовал Топа, – это белобородый человек в синем комбинезоне, который каждый день кормил его и убирал внутри вольера.

Справа, за сеткой жила волчица. Она смирилась со своим положением, и даже летевшие в неё камешки не будили в ней духа мщения. С утра до вечера лежала, положив голову на лапы, с равнодушным видом поглядывая на посетителей исподлобья. По ночам же наводила своим воем тоску на всю округу. Зато в вольере слева всегда кипела жизнь: в отдельных секциях деловито сновали огненные колонки, с достоинством прогуливались знающие себе цену красавцы соболя.

Когда утром раздавался тугой, округлый звук: «Платон! Платон!» – Топ понимал, что сейчас он получит порцию мяса, и вылезал из выкопанной под конурой норы. Высокий, с белой шерстью на морде человек подкатывал тележку и, выложив еду, начинал с ним беседовать. Что он говорил – Топ не понимал, но ласковые нотки в голосе успокаивали его, напоминали счастливое детство.

Как-то смотритель принёс в вольер металлический шар. Топ сразу принялся с азартом катать его по полу. Потом запустил под него длинные когти и, когда ему удалось поднять шар, прижал к груди и перекувыркнулся с тяжёлой, скользкой игрушкой через голову. И так несколько раз подряд. При этом его небольшие живые глазки светились такими весёлыми огоньками, а мешковатые движения выражали такую радость, что смотритель невольно заулыбался.

– Ну ты, Платоша, даёшь! Циркач! А говорили: осторожно, осторожно! Зверь, мол, злобный, пакостливый. Ну какой же ты злобный – вон какой весельчак да игрун!

Несмотря на хорошее питание, просторный, удобный вольер, неволя тяготила бродягу Топа. Стоило ему закрыть глаза, как память уносила к лесистым распадкам, бурливым ключам, воскрешала моменты удачных охот, игры с нежной подругой. Эти воспоминания наполняли сердце тоской и вызывали страстное желание бежать.

Наступило время долгого, высокого солнца и по дорожкам зоопарка сразу забегало больше маленьких звонкоголосых человечьих детёнышей. Крики, постоянный гвалт утомляли зверей. Топ тоже стал раздражительным и большую часть времени прятался в норе.

В один из таких дней обитателей зоопарка не покормили. Стемнело, но никто из смотрителей так и не появился. Привыкшие к чёткому распорядку, голодные звери выли, ревели, скулили, грызли, бодали сетку и железные прутья.

Только в середине следующего дня по зоопарку поплыли запахи, предвещающие еду. Донеслись шаги, скрип колёс. Следом показались два человека. Белобородого среди них не было. На тележке стояли два бачка с похлёбкой, фляга с водой и ящик с мясом. Раздавая еду, люди переговаривались между собой. Тот, что тол-

кал тележку, сразу не понравился Топу. Пустые рыбьи глаза, тонкие губы, искривлённый улыбкой рот, а главное, запах, шедший от него, выдавали злобную натуру. Бросив росомахе кусок мяса, люди прошли дальше.

На следующий день Рыбий Глаз опять появился, но уже один. Подойдя к вольеру Топа, он прочитал вслух: «Росомаха… Платон». Возле двери табличка поменьше: «Внимание! Входя и выходя, запирай замок».

Оглядев Топа, он пропел:

– Пла-а-а-тон – из тебя выйдет хороший ша-а-а-пон! – и заржал, довольный.

Топ же продолжал катать шар.

– Что, брат, хорошо на дармовых харчах? Играй да играй!

Введённый в заблуждение добродушием и игривостью симпатичного «медвежонка», он зашёл в вольер, чтобы убраться, а дверку до конца не прикрыл. В тот же миг бурая молния метнулась в образовавшуюся щель и саженными махами понеслась между клеток.

Глава 33

Свобода!

Выскочив на улицу, Топ помчался, высоко вскидывая зад, отчего в какие-то моменты все четыре лапы не касались земли. Бежал без остановки, подгоняемый страхом и криками людей, заглушаемыми рёвом накатывающихся то сзади, то с боков железных чудищ. Прохожие в страхе шарахались в стороны. С демонически горящими глазами и хриплым пенным придыхом, Топ и впрямь был ужасен.

У столба с круглым красным глазом на него чуть не наехал железный дом на колёсах (точь-в-точь как у Круглолицего). Перепуганный зверь понял, что из этого кишащего людьми и машинами муравейника ему сейчас не выбраться. Надо где-то спрятаться и дождаться ночи…

Когда шум вокруг стих, зверь выбрался из убежища и при свете фонарей пошёл, подчиняясь древнему инстинкту ориентировки, на северо-восток, туда, где находился его родной горный массив.

Перед рассветом на смену высоким многоглазым каменным домам появились деревянные. За ними просматривался лес. Скорей под его защиту! Вбежав в высветленную белыми стволами берёзовую чащу, росомаха перешла на размеренный шаг. Жадно вдыхая чистый, настоянный на травах и листьях воздух, Топ с наслаждением углублялся в родную стихию. Кое-где торчали одряхлевшие

пни, зияли, карауля неловких, рытвины, прикрытые ажурным папоротником. Топа весь этот лесной кавардак только радовал: он обрёл самое дорогое для дикого зверя – свободу! От избытка чувств беглец запрыгал, закувыркался, путаясь в высокой траве.

Двигаясь в выбранном направлении, он невольно оглядывался на каждый треск и шорох. Если обзор закрывали кусты, вставал столбиком, чтобы посмотреть, не преследуют ли его. Убедившись, что погони нет, опускался на передние лапы и продолжал бег.

За месяцы, проведённые в неволе, Топ отвык от длительных переходов, и сейчас его сердце билось так, что, казалось, вот-вот разорвёт грудную клетку. Следовало отдохнуть и перевести дух. Взбежав на лесистый увал, он растянулся на траве.

Ненавистную вонь железных чудищ сменили ароматы прелой листвы, сырой земли. Над головой, на кончиках сосновых веточек, светились полупрозрачные капельки смолы. Они наполняли воздух знакомым с детства запахом.

Передохнув и успокоившись, беглец продолжил путь. Как весной птиц тянет на север на родные гнездовья, так и Топа генная память вела туда, где он родился.

Завершался первый день свободы. На смену тягучим сумеркам как-то незаметно пришла ночь, а Топ всё бежал. Далеко позади остались огни человечьего жилья. Но вот впереди сквозь чуть шелестящие от ветра кусты мелькнул слабый свет. Проступили тёмные силуэты домов.

«Там могут быть собаки, обойду-ка стороной», – решил он.

Уже вторые сутки бежал, радуясь вновь обретённой свободе, Топ. Но как ни велико было желание побыстрее удалиться от города, желудок всё настойчивей требовал пищи. Топ, конечно, подкреплялся на ходу травой и ягодами, но, чтобы восстановить силы, необходимо было мясо. Тут очень кстати из-под берега шумно сорвалась пара крякв и понеслась по воде, оставляя на ней две дорожки жемчужных кружков. Одна из уток, всем видом убеждая росомаху, что ранена, стала отставать. Но опытный хищник на неё даже не глянул. Сразу полез в траву. В ямке между кочек обнаружил пятерых утят и одно яйцо. Они составили его ужин и завтрак одновременно.

На исходе дня Топ, пересекая плотную, отполированную бобрами тропу, увидел уныло бредущее по берегу пушистое, похожее на бочонок существо. Оно мрачно поглядывало по сторонам. Иногда останавливалось и рылось в береговом мусоре. Это создание было похоже на косматую короткомордую собаку. Топ прикинул: размером с меня, но больно неуклюж – справлюсь в два счёта.

И тут до него донеслись едва уловимые шорохи. Он замер и, двигая ушками, прислушался. Косматое создание тут же куда-то исчезло. А в глубине леса замелькали призрачные тени. Из-за высокой травы и густого кустарника Топ не сразу распознал в них свору собак. Разойдясь в цепь, они окружали его. Что-то зловещее было в их молчании и слаженных движениях.

Убегать бессмысленно – догонят. Тратить драгоценный мускус жалко – дорога длинная, ещё не раз может пригодиться. Оглядевшись, Топ отступил к дереву и, вскарабкавшись по стволу до первой толстой ветки, растянулся на ней во всю длину. Разномастная стая расселась под ним. Решили взять измором!

Из-за горы выкатилась и зашныряла в разрывах туч жёлтая долька луны. Тут собаки отчего-то заволновались, вскочили и побежали, то и дело оглядываясь. По их следам вскоре протрусили волки. Учуяв запах росомахи, они на неё едва глянули: знали, что от вонючки следует держаться подальше. Вскоре чуткую тишину леса разорвал душераздирающий визг.

Топ же долго ещё лежал на развилке дерева, принюхиваясь и всматриваясь во всё, что происходило внизу. Убедившись, что ему больше ничего не угрожает, спрыгнул на траву. В ней его внимание привлекла то разгорающаяся, то почти гаснущая точка. Раздвинув стебельки, разглядел маленького жучка, излучающего мягко тлеющий свет. У себя в тайге он таких не встречал.

Шёл третий день свободы.

Чтобы экономней расходовать силы, Топ старался пользоваться наторёнными звериными тропами. На закате со стороны реки послышалось громкое чавканье. У комля могучего дерева копошился огромный незнакомый зверь. Туловище клиновидное, шерсть бурая, грубая. На голове высокие мохнатые уши. Вытянутый нос венчал подвижный пятачок, по бокам грозно поблёскивали круто загнутые клыки. Вепрь, а это был он, ворошил листву, «пахал» мощным рылом дерновину, что-то выбирая в земле. Его маленький волосатый хвостик беззаботно вертелся.

Из-за поваленного дерева показалась пара мохнатых ушей. Они двигались, как локаторы, и вскоре оттуда вышла, бдительно оглядываясь, старая кабаниха – вожак табуна. Она недоверчиво покосилась на Топа и что-то прохрюкала. И тут же выбежали с визгом шерстистые детки с вертикально задранными хвостиками-ниточками.

Вдруг многодетная мамаша резко остановилась, словно наткнулась на незримую преграду. Хвост её, как флажок, взметнулся вверх и застыл, приняв форму вопросительного знака. В наступившей

тишине Топ услышал сопение – чушка усиленно втягивала в себя воздух. Затем утробно ухнула и понеслась вниз по косогору. Семья устремилась за ней. Замелькали вразнобой полосатые поросята, подсвинки, чёрные молодые кабанчики.

Топ не стал выяснять причину столь стремительного бегства незнакомых зверей. Подгоняемый безотчётным страхом, он тоже поспешил ныряющими прыжками дальше.

Лес расступился, пошли болота, измазанные слоистыми пластами тумана. Куда ни глянь – кочкарник, топи, вода. Сколько уже Топ за свою жизнь перевидал их. Одни чистые, безлесные, с тесно стоящими в ржавой воде высокими кочками. Другие – изумрудная гладь, напоминающая пастбище с одинокими берёзками, а ступишь – волны кругами расходятся. По таким зыбунам могут ходить лишь широколапые росомахи. Все остальные звери ищут обход. Но самые пакостные и труднопроходимые болота таятся в густых, мшистых чащобах. Они представляют собой бесконечную череду затхлых, пузырящихся ям, опутанных корнями деревьев. На таких болотинах ухо следует держать востро даже росомахам – того и гляди, засосёт.

Голодный Топ пробирался по кочкарнику к горному массиву. Кругом торчала осока, между ними неглубокие озёрца, больше похожие на заиленные лужи. Топ понимал, что тут добыть что-либо маловероятно, а организм всё настойчивей требовал мяса.

Неожиданно из-за густой стены осоки открылся бойкий водоток, полный рыбы. Высовывая рты, они хватали насекомых, тучами вьющихся над водой. Топ стал прикидывать, откуда лучше подойти, чтобы не спугнуть стайку. В этот момент впереди в тумане кто-то зашевелился. Проступили нечёткие очертания горбоносого лося с вильчатыми рогами, говорящими о его молодости.

Осторожно озираясь, он выходил из заводи, где спасался от гнуса. В слегка колеблющихся от лёгкого ветерка молочных струях тумана животное напоминало сказочное видение. Бык то и дело кашлял, фыркал, пытаясь освободиться от раскормившихся в слизистой оболочке носа личинок оводов.

Лось с каждым шагом приближался и скоро должен был оказаться рядом с Топом. У того взыграл азарт охотника: смогу ли одолеть? Хоть и молодой бык, но попробуй доберись до вены или шейных сухожилий: прочная кожа и густая шерсть – надёжная защита от клыков.

А лось уже совсем близко. Теперь он казался Топу просто огромным. Однако голод порой помогает совершать безрассудные поступки. Помощник ветер тянул на росомаху, и сохатый не слышал её запаха. Когда он поравнялся с Топом, тот прыгнул. Метил в шею, но чуть промахнулся. Быстро перебирая когтистыми лапа-

ми по мокрой шерсти, добрался до загривка. Работая мощными челюстями, стал остервенело рвать, грызть шкуру.

Обезумевший от боли и ужаса, лось понёсся по болоту, пытаясь скинуть страшного наездника, но длинные когти росомахи держали надёжно. Долго носился, роняя пену, великан, но, когда Топ наконец перекусил шейные сухожилия, увенчанная шерстистыми, ещё не окостеневшими рогами голова безвольно упала на грудь. Сохатый зашатался и рухнул в густую осоку...

Утолив голод, росомаха прилегла. Когда она вновь приступила к трапезе, ей показалось, что лось как-то странно дёрнулся. Топ насторожился и приподнял голову. В этот момент передняя нога-ходуля «выстрелила» из-под брюха ему в морду. Придя в сознание, Топ еле разомкнул челюсти. Половина передних зубов была выбита. По очереди выталкивая языком их обломки, с радостью убедился, что клыки целы. Спёкшаяся кровь закупорила распухшие ноздри так плотно, что дышать росомаха могла только ртом. Пройдя к воде, Топ опустил в неё морду. Потихоньку фыркая, бедолага прочистил носовые проходы и вернулся к своему трофею. Но как ни подступался к туше, оторвать даже небольшой кусочек мяса травмированной пастью не смог. А есть хотелось. Зверь огляделся. На холме возле болота могут быть куропатки, подумал он. Надо проверить.

Ему повезло: куропатки там действительно были. Подкрепившись, Топ продолжил путь.

Характер леса постепенно менялся. На смену светлому, преимущественно лиственному, начался дремучий, тёмнохвойный. Под его плотным сводом редко увидишь кустарники, подлесок, траву. Устланная пышным моховым ковром земля бугрилась старыми обомшелыми валёжинами, колодами, дряхлыми пнями. Молчаливая, угрюмая и бескрайняя, как океан, страна – тайга! Видимость из-за густых, зелёных лап, обвешанных бородами лишайника, падала до трёх-пяти метров. (Изредка встречались открытые пространства, утыканные чёрными скелетами горелых стволов.)

Хорошо, что у зверей есть внутренний компас. Без него в такой чаще можно плутать годами. Шёл Топ в основном ночью, когда вероятность встречи с двуногими была минимальна. Перед рассветом выбирал скрытное место для отдыха и чутко дремал. С приближением сумерек подкреплялся, чем придётся, и продолжал путь.

Когда дорогу преграждала речка, Топ безбоязненно входил в воду и, загребая широкими лапами, как вёслами, переплывал на другой берег. Дважды его путь преграждали большие полноводные реки. На них, как ни старался Топ плыть прямо, мощное течение сносило на километр, а то и на два.

На илистых и песчаных берегах всё чаще встречались отпечатки медвежьих лап. А сегодня Топ вышел прямо на семью косолапых. Она отдыхала на краю хорошо продуваемого берегового уступа. Медведица блаженно развалилась на дерновине, подставив солнцу грудь и брюхо. Передняя лапа расслабленно свешивалась вниз. Этим не преминул воспользоваться один из малышей. Подпрыгнув, он ухватился за неё и моментально взобрался на живот к матери, где и устроился, словно на мягкой перине. Вскоре рядом появился братец, и они стали, потешно фыркая, барахтаться на мамаше. Она же басовито урчала, щурилась от удовольствия, но, уловив в ветре чужой запах, беспокойно огляделась. Увидев Топа, рявкнула на него так грозно, что тот поспешил ретироваться.

Ясная, сухая погода разнообразилась грозами. После того как однажды у Топа на глазах от удара молнии раскололся и загорелся большущий кедр, он боялся грозы и при её приближении начинал, забыв обо всём, зарываться в землю.

Грозе всегда предшествовал шквалистый ветер. Под его натиском мохнатые папахи деревьев, судорожно всплёскивая ветвями, метались из стороны в сторону, роняя на землю обломки сучьев, а стволы трещали, натужно выгибаясь. Некоторые из них лопались. А иные, выворачивая корнями пласт земли, валились целиком. Бесчинствовал ветер, как правило, недолго, но ветровалы оставлял значительные. Топ не понимал, как невидимое существо может творить такую разруху.

Лишь только напор ветра ослабевал, с небес начинали низвергаться косые струи. Тайга озарялась слепящими вспышками и вздрагивала от раскатов грома. Порой ливень был столь обильным, что безобидные ручьи на глазах превращались в клокочущие мутные потоки, несущие ветки, коряги, а прибрежный песок буквально вскипал под ударами дождевых капель. Бывало, что дождь переходил в град. Тогда ледяные шарики срезали траву, кромсали листья деревьев, ударяясь о камни, разлетались в разные стороны.

Глава 34

Долгая дорога домой

Косматый зверь брёл нескончаемой сумрачной тайгой двадцатый день. Его шаг по-прежнему был ровным, чётким, как и в первые дни пути. По прямой линии следа было видно, что он точно знает, куда идёт. Позади остались сотни километров. О том, что его ждёт впереди и когда покажутся горы, где он родился, Топ не знал.

Он просто шёл, подчиняясь зову родины. Когда появлялись попутные звериные тропы, он пользовался ими. Это было не только удобно, но и полезно – то и дело набегали зайцы, олени.

В одной из долин Топ уловил запах дыма. Снедаемый любопытством, он круто отклонился от нужного направления. На галечном берегу шустрой речушки чадил дымокур. Рядом убежище двуногого из туго натянутой гладкой шкуры цвета пожухшей травы. Поодаль по колено в воде человек. Зачерпывая корытцем гальку с песком, он покачивал его, сливая содержимое в речку. Эта странная процедура повторялась всё время, пока Топ наблюдал за ним. Как ни силился зверь понять смысл этих однообразных движений, так и не смог найти им объяснение. В нём даже пробудилось сочувствие к этому несчастному, занятому бессмысленным перекатыванием камушков в корыте.

* * *

Завершался второй месяц пути. Равнины с мрачными мшистыми ельниками всё чаще чередовались с холмистыми возвышенностями, заставленными бронзовыми колоннами сосен.

С наступлением тьмы тайгу теперь частенько тревожил страстный рёв-стон сохатых. Настала пора, когда быки разыскивают нежных подруг и бьются с соперниками за право быть их возлюбленными. Мычание неслось с разных сторон и эхом металось по лесу. Один лось простонал совсем рядом. Вскоре оттуда донёсся стук рогов, прерывистое дыхание и треск сучьев под копытами. Вот в орешнике замелькали охристые «лопаты» с многочисленными отростками, налитые кровью глаза, вздыбленная на загривке шерсть, широкая грудь, поджарый круп таёжных великанов. Быки, упёршись рогами, месили копытами землю, отстаивая право огулять стоящую поодаль лосиху. В это же время главный информатор – ветер – принёс Топу волнующую весть – где-то рядом косой. Росомаха медленно двинулась на этот запах…

Ночь неохотно сдавала свои позиции, но медленно восходящее светило с каждой минутой неузнаваемо преображало мир: гасило звёзды, сдирало мрак сначала с макушек холмов, затем и со склонов, обнажая ложбины. Вот и кедровки проскрежетали побудку. Повылезали из земляных норок и молниями замельтешили по лесу бурундуки, слетели с деревьев в траву кормиться ягодами рябчики. Тайга пробуждалась, а Топ, вычистив шершавым языком морду и лапы от крови наполовину съеденного зайца, наоборот, готовился ко сну на мягкой рыжей перине из накопившейся за многие годы хвои.

На следующем переходе его ожидал приятный сюрприз: сквозь бронзовые стволы сосен показались зазубрины гор. Вид острых вершин, подпирающих небесный свод, необычайно воодушевил Топа – значит, дом близок! Он любил горы. Ему нравилось чередование серых потоков из громадных валунов с зелёными языками кедрового стланика. Нравилось, как по межгорным ложбинам сбегают шумные пенистые ключи и как из узких холодных расщелин, заваленных гранитными глыбами, выползают, цепляясь за выступы скал, клочья тумана. Долина, по которой поднимался Топ, сужаясь, постепенно превращалась в тесное ущелье.

Придерживаясь правого склона, Топ продолжал упорно углубляться в лабиринт гор. Скалистое ущелье всё поднималось и поднималось уступами, местами почти отвесно. Чем выше взбирался Топ, тем холоднее становился воздух. В расщелинах забелели снежники. Их становилось всё больше, а изголовье ущелья и вовсе оказалось сплошь забито крупнозернистым снегом. Слева, на севере, высился остроконечный ослепительно белый пик, безраздельно господствовавший над всей округой. Он венчал суровый, безжизненный водораздел одного из Хребтов.

Перевалив на его восточный склон и спустившись в долину, Топ опять попал в лето. Полное безветрие, богатейшее разнотравье, стаи куропаток, сосновые боры очаровали уставшего путешественника, и он решил задержаться тут.

Обосновался на межгорном плато, ограждённом от северных ветров гребнем, состоящим из множества игольчатых пиков. Его подножье подпирали заросли кедрового стланика. На загнутых вверх ветках висели гроздья бурых с фиолетовым отливом шишечек. Спрятанные в них орешки обеспечивали сытую жизнь многим обитателям этих мест.

Глава 35

Медведь

День ото дня холодало. Северный ветер безостановочно гнал в тёплые страны стаи птиц, а по земле перебирались поближе к глухим дебрям медведи. В заваленных снегом берлогах они спокойно проспят до весны. Могучие звери шли напролом каждый своей дорогой, оставляя дымящиеся в прохладном воздухе колбаски из непереваренных кедровых скорлупок: прежде чем залечь в берлогу, они должны полностью освободить кишечник.

Топа приближение зимы не пугало. Пищи было полно. В один из промозглых, холодных дней он после удачной охоты на куропаток брёл по неровно затвердевшей от утренника земле мимо почерневших стволов к роднику. Под лапами гремел пожухлый лист, потрескивал новорождённый ледок. День только начинался, но из-за посыпавшихся из туч хлопьев снега было светлее обычного. Белые мухи бесшумно падали весь день. К вечеру тайгу укрыло белым одеялом. Поднявшийся ветер загонял снежинки в щели, полости, надувал за скалами сугробы. За долгую зиму там вырастут целые холмы. Зайцы и куропатки, не успевшие сменить свой серенький наряд на белый, были хорошо заметны на снегу. Это облегчало Топу охоту. После очередной успешной вылазки он, как обычно, взобрался на возвышенное место – скалистый утёс. Соскрёб когтями налипший на широкие ступни снег и, пригретый полуденным солнцем, свернулся в клубок. Разбудил его треск веток. По долинке брёл мосластый медведь. Коричневая шерсть, слипшаяся от смолы и репьёв, свешивалась с боков клочьями. По тому, как часто косолапый отдыхал, было понятно, что он идёт из последних сил: то ли болен, то ли стар.

Топ сразу определил – миша не жилец, но он так плотно поел, что поленился преследовать топтыгина. Только через день, когда желудок опустел, он двинулся по его следу. Там, где медведь ложился, от груди отпечатывался глубокий жёлоб. По нему и вмятинам от острых локтей было видно, насколько худ зверь.

Всё говорило о том, что у Топа хороший шанс заиметь гору мяса. Чем дальше, тем чаще встречались лёжки. Редкая, особенно на животе, медвежья шуба не защищала от мороза. В одном месте в остекленевший снег впаялись коричневые шерстинки – видно, долго лежал. Следы вели к роднику с солоноватой водой. Он не замерзал даже в сильные морозы, и его любили посещать копытные.

Здесь снега было меньше, и вместо борозды тянулась цепочка ямистых отпечатков. В них виднелись пятна крови: похоже, голые ступни полопались и кровоточили. Возле родника медвежьи следы смешались с волчьими. По ним Топ прочитал: серые взяли бедолагу в кольцо и атаковали. К пятнам крови прибавились клочья шерсти, как медвежьей, так и волчьей. Ветер успел согнать их в снежные стаканы. Миша каким-то чудом вырвался из оцепления, и толчея следов протянулась, сходясь и расходясь, вдоль берега ещё метров на сто. Развязка наступила под обрывом.

Частокол белеющих рёбер обозначил место пиршества волчьей стаи. На истоптанном снегу валялась и недоеденная голова. Это всё, что осталось от некогда могучего зверя.

Сделав большой круг, Топ убедился, что серые покинули эту территорию, и вернулся к останкам медведя. Прожив здесь несколько дней, он доел не только голову, но и перемолол, перетёр крепкими коренными зубами мозговые кости. На медвежий дух как-то забрёл старый волк. Твёрдый, тяжёлый взгляд выдавал в нём нелюдимого бирюка. Топ отдыхал в это время неподалёку. Он был сыт и не стал отстаивать свои права. Серый попытался погрызть оставшиеся кости, однако зубы старика не смогли с ними справиться. Похватав от безысходности пропитанный кровью снег, волк так и удалился ни с чем. Когда от медведя ничего не осталось, и Топ покинул это место.

* * *

Зима достигла пика своего могущества. Украшенные алмазной бахромой деревца трещали от стужи. В эти дни мало кто отваживался высунуть нос из своих убежищ – мороз сразу пробирал до нутра. Лишь ворон, украшенный заиндевелыми бакенбардами, продолжал шуршать крыльями над тайгой, оставляя за собой след кристаллизованного пара. Заметив кого-либо, он от удивления оглашал промороженное пространство раскатистым «к-р-р-у-у!».

Топ тоже отлёживался в глубокой снежной норе. Однако голод заставил его выбраться. Вышел не в сумерках, а днём – солнце всё же смягчало стужу.

Мороз сразу вцепился когтистой лапой в морду. Пронзив калёными иглами ноздри, вытек из глаз слепящей влагой. А лоб заломило так, словно с головой провалился в полынью.

В тугом, жгучем воздухе Топ не чувствовал ни единого запаха – всё выстужено. Выручали глаза. Изучая на снежной пелене немногочисленные следы, он видел только старые. Чтобы не обморозить нос, Топ периодически прятал его под мышку. Подушки лап, несмотря на то что густо опушены шерстью, тоже приходилось по очереди вжимать в мохнатое брюхо.

Из распадка донёсся странный стук: как будто кто-то стучал дубиной по стволу. Спустившись пониже, Топ увидел однорогого сохатого, бившего оставшейся «лопатой» по стволу берёзы: лесной великан решил избавиться от второго рога – устал, видимо, ходить с перекошенной на один бок головой.

Неожиданно сверху посыпалась, кружась, шелуха кедровых шишек – не белка ли? Увы! Это были недоступные Топу клесты! Дойдя до круто обрывающегося склона, он свернулся в клубок и скатился на дно впадины, оставляя за собой гладкий, волнистый

жёлоб. Отряхнувшись, двинулся вдоль заваленного снегом русла. Его внимание привлекла струйка пара, поднимающаяся из-под каменного козырька. Взобравшись на снежный намёт, Топ увидел отверстие, густо обрамлённое пушистым инеем. Что же там внутри? Может, берлога? Принюхался – медведем не пахнет.

Протискиваясь в чёрный зев, он коснулся головой игольчатой бахромы. Холодная осыпь прошелестела по спине. Когда глаза немного привыкли к мраку, он разглядел невысокий грот. Стены ребристые, с выходами слоистых пород. Здесь было заметно теплей. Любознательный зверь решил осмотреть пещеру. Осторожно ступая по камням, он прошёл в более просторный зал. Тут чувствовался сквозняк. Двигаясь навстречу воздушному потоку, Топ услышал мелодичные звуки, как будто серебряный молоточек бил по наковальне: тинь… тинь… тинь... Чем дальше он шёл, тем громче тинькало и прозрачней становилась тьма. Пройдя поворот, Топ увидел сноп голубоватого света, льющегося сверху сквозь высокий узкий пролом. Снег, окаймлявший его, от тёплого воздуха таял, и капли со звоном падали в озерцо.

На берегу лежали крупные кости каких-то животных. Голодный путешественник попытался погрызть их. На вкус они напоминали обычный камень. В воздухе что-то прошуршало. Топ поднял голову и разглядел тёмные комочки. Это были летучие мыши, свисавшие с шершавого свода вниз головой. Их было много: сотни, если не тысячи.

Цепляясь когтями за неровности стены, Топ вскарабкался повыше и снял один комочек. Мяса немного, но оно оказалось нежным и приятным на вкус. Радости росомахи не было предела. Топ даже подпрыгнул от восторга: теперь можно не беспокоиться о пропитании! А если учесть, что в этом каменном мешке тепло и полно воды, будущее представлялось сытым и спокойным.

Глава 36

Перевал

Тёплая пещера и летучие мыши помогли Топу легко пережить зиму. Когда мороз слабел, он выходил охотиться наружу. Летучих мышей, до которых было легко дотянуться, становилось всё меньше. На плато уже попахивало весной. Всё длиннее дни, всё выше над застывшими горами солнце и ласковее его лучи. Снег кое-где залоснился настом.

Деревья, тронутые первыми вздохами тепла, оживлённо зашептались. У приствольных кругов завитал едва уловимый запах прелых

листьев, прошлогодней травы и влажного мха. С проплешин доносился дикий хохот ошалевших от весенних страстей петушков куропаток, перемежающийся с жизнерадостным теньканьем весёлых синичек.

Как только сошёл снег и подсохла земля, Топ продолжил путь в родные края. Со скальной гряды хорошо просматривалась вереница конусовидных гольцов Главного Хребта. В глубоких морщинах пепельных склонов лежали не успевшие растаять плотные надувы. Зубцы гор, уходя не север, растворялись в лёгкой дымке.

Топа потрясла мощь и высота этой горной цепи. Водораздела неутомимый путник достиг за дневной переход. С него открылись новые, более низкие отроги, переходящие в зелёную равнину, поблёскивающую плошками озёр. Казалось, дальше уже нет ничего кроме этой изумрудной глади. Но где-то там, вдали, должен быть ещё один горный массив, к которому так стремится Топ.

Издавая трубные крики, над ним пролетел на север журавлиный клин. Теперь в нём звучала ликующая радость, не то что осенью, когда, покидая родовые места, журавли курлыкали протяжно и печально.

Предвкушение встречи с родным краем прибавило зверю сил: прыгая с камня на камень, он устремился вниз. Спускаясь вдоль ручья, Топ то и дело вставал на задние лапы. Делал он это не только, чтобы выбрать лучшую дорогу, но и чтобы не встретиться с людьми – ведь тут они уже должны быть. Когда до равнины оставалось совсем немного, склон неожиданно оборвался отвесной стеной. С неё с разбегу слетал, рассыпаясь на стеклянные гроздья, окрепший ручей. Косматый путешественник спустился по гранитным уступам к водобойному котлу. Возле него на обширной площадке, густо заросшей берёзками и осиной, стояли длинные серые строения, окружённые столбами с колючей проволокой. Они были похожи на те, что встречались за хребтом, но здесь за изгородью ходили собаки и двуногие. Чтобы не попасться им на глаза, Топу пришлось сделать петлю.

Глава 37

Зверобои

Вскоре сплошную тайгу стали разрывать непривычно широкие тропы, местами уже заросшие молодыми деревьями, и поляны, усеянные пнями с ровным срезом. На некоторых уцелевших кедрах угадывались шрамы от затёсов. Беспокойство Топа нарастало. Он физически ощущал приближение беды. В подтверждение тому издалека донёсся рокот. Так же рокотало железное логово Круглолицего.

Пока Топ решал, с какой стороны в этот раз обойти опасное место, рокот прекратился и воцарилась тишина. Вернее, не тишина, а смена звукового фона. Для росомахи шелест листьев, птичий гомон, стук дятла, остервенело выколачивающего из дерева хлеб насущный, были столь привычны, что он их не замечал.

Вскарабкавшись для лучшего обзора на дерево, Топ увидел людей, поднимающихся по косогору с огнебойными палками в руках. В это время из подлеска показался небольшой табунок оленей. Судя по тому, что люди замерли, они тоже заметили животных. Громыхнули выстрелы. Передняя оленуха упала, а остальные бросились врассыпную. По тому, как тяжело бежал рогач, Топ понял, что он ранен. Один из двуногих припустил было за ним, но вскоре почему-то вернулся.

Умудрённый жизнью, Топ решил дождаться, когда зверобои разделают добычу и уйдут – тогда можно будет поживиться внутренностями. Увы! Охотники унесли тушу целиком. Полизав траву, обрызганную кровью, Топ почувствовал, как он голоден, и решил догнать раненого оленя.

Пройдя чуть более километра, обнаружил его на берегу лопочущего между валунов ручья. Голова рогача по самые уши лежала в воде – видимо, пытался пить. Съев мяса столько, сколько смог осилить за раз, Топ не стал даже отдыхать – хотел побыстрей покинуть эту опасную территорию.

Глава 38

На родине

Когда ровную линию горизонта вновь изломали лиловые зубцы, у Топа не было сомнения – это его горы! В центре истосковавшийся взор ласкал белоголовый купол, по бокам – столообразные вершины пониже.

Последние километры преодолел без единой остановки. Взойдя на первый кряж, прилёг отдохнуть в окружении разлапистых кедров. Воздух, густо насыщенный ароматом хвои, хотелось вдыхать бесконечно долго. Горы от него разбегались так далеко, что казалось, нет им ни конца ни края. На самом же деле этот горный массив был не столь и велик: не более восьмидесяти километров в самой широкой части.

Здесь Топу всё было знакомо. Прямо перед ним – родной участок. Там он встретился с Лаской… Найдёт ли её? Этот вопрос волновал его больше всего. Подлетела сорока и, прыгая по веткам,

с воодушевлением что-то протараторила, словно поприветствовала старого знакомого.

В надежде найти свою подругу Топ направился к пещерке, в которой они частенько отдыхали и прятались от мошки. Вот и падь с родничком-живуном, бьющим из-под узловатых корней. Его даже в самые сильные холода обмётывало льдом лишь у берегов. Где-то тут и должен быть проход в пещерку. Точно – вот он.

Забравшись в сухой грот, Топ с волнением обнюхал мох, листья, устилавшие каменный пол. Они до сих пор хранили родные запахи, но свежих среди них не было. Улёгшись на прохладную плиту, он прикрыл глаза. Давние, уже полузабытые события вдруг стали всплывать из тайников памяти, звучать и видеться будто наяву. Вспомнил, как счастливо и беззаботно они с Лобастым жили у двуногих, с каким воодушевлением он осваивал науку самостоятельной жизни, как выручил его Амур, как с Мавром наказали Круглолицего, как с Лаской растили малышей. «Эх, найти бы её!»

Топ страстно желал встречи с милой его сердцу росомашкой ещё и потому, что настало время гона. Но сколько ни ходил, ни колесил он по участку и за его пределами, следов подруги не обнаружил. Ушла! Куда? Неизвестно.

Поскольку в пещерке даже в самые знойные дни было прохладно и не докучал гнус, Топ в ней и поселился. Жил, придерживаясь простого распорядка. В течение дня, спасаясь от жары, дремал в гроте. С приближением вечера вставал и отправлялся на охоту. Вернее, даже не на охоту, а на кормёжку: как известно, летом с питанием проблем нет. Тут тебе и сочные коренья, и мёд, и яйца, и птицы, и грызуны.

Как ни странно, со временем Топа потянуло к двуногим. Во сне ему всё чаще виделись пышнотелая хозяйка, добрейший Пуля. Как хорошо и весело жилось с ними! Эти сны-воспоминания бередили душу зверя, но он так и не решился сходить в село.

Глава 39

Разгул браконьерства

В начале осени Подкова наряду с товарами повседневного спроса привёз в Верхи два снегохода «Буран» и предложил их взять в аренду промысловикам, про которых знал, что те втихаря браконьерят. По условиям договора они должны были в течение

двух лет ежегодно сдавать ему по двести килограммов брусники, клюквы, по восемьдесят штук рябчиков, двадцать тетеревов, десять глухарей, а главное – по полторы тонны мяса. Чтобы охотовед не поднял шум, какого мяса, в договоре не указали. При выполнении этих условий снегоходы переходили в собственность охотника.

В следующий заезд парк снегоходов пополнился ещё одной машиной и бочками бензина к ним. Обладатели скоростной, не знающей усталости техники, охотники теперь могли загнать любого зверя. Оставалось только дождаться, когда ляжет снег. А лёг он буквально день в день с открытием промыслового сезона – 15 октября. Уже через неделю выбеленные окрестности покрыла густая сеть следов от траков снегоходов. Две гусеницы и одна опорно-поворотная лыжина позволяли «Буранам» без особого труда передвигаться по таёжной глухомани, легко раздвигая подрост своим полукруглым носом.

Ребристые ленты на снегу появились даже в прежде недоступных местах. Рядом зачастую виднелись следы в ужасе бежавшего зверя. О развязке красноречиво повествовал окровавленный снег.

Добычливей всего охота была на безлесых горельниках и марях. Да и непролазная тайга день ото дня делалась всё более доступной: стремясь побольше заработать, опьянённые лёгкой добычей, браконьеры не ленились растаскивать завалы или прорубать, пропиливать мотопилами в них проходы.

Заготовки мяса у Подковы резко возросли. Он ликовал – доходы с каждого рейса утроились, и деньги, вложенные в снегоходы, отбились в первый же сезон. А алчные арендаторы радовались, что обзавелись такими замечательными помощниками. Увещевания же Степана не превышать нормы отстрела не останавливали их: милиция далеко, а охотовед пошумит, пошумит да перестанет – ему тут жить.

Больно было Степану Ермиловичу видеть, как тайга скудеет, но время было лихое – мир перевернулся: зло торжествовало! Иные мужики словно с цепи сорвались. И получалось, чем бессовестней и наглей вёл себя человек, тем больше зарабатывал. Казалось, что этому безумству не будет конца…

Пусто стало в тайге. Прежде каждый шаг в лесу был наполнен сладостным, счастливым ожиданием: вот сейчас из-за куста выскочит заяц или из снежной спальни вылетит красавец глухарь. Теперь это всё в прошлом.

Глава 40

Ласка

Окрестная тайга за три года превратилась в безжизненную пустыню. Можно было пройти несколько вёрст, а на снегу встретить лишь миниатюрные строчки мышиных следов, разделённые кое-где тоненькой ниточкой от хвоста. Среди зверей уцелели лишь те, кто посмекалистей. Одни из них забрались на неприступные для снегоходов крутяки, другие и вовсе покинули этот горный массив.

Бродя зимой по осиротевшим распадкам в поисках чего-либо съестного, Топ вдруг оживился: ветер принёс давно искомый, но уже успевший несколько стереться в памяти запах. Прихватив запашистую струйку, он побежал, следуя ей, веря и не веря: это был запах Ласки. Вскоре увидел и её следы, чётко отпечатанные на уплотнённом ветрами снегу. Они неторопливо вихляли среди деревьев парной строчкой. Топ очумел от радости. Дальше след пошёл прямо, без отклонений, а шаг стал шире. «Интересно, куда это она заспешила?» Топ припустил что было сил: ему не терпелось увидеться с росомашкой.

Вскоре Ласка и вовсе перешла на махи. Похоже, её что-то встревожило. Сбоку появилась широкая ребристая лента, оставляемая железным чудищем, на котором теперь ездили многие двуногие. В носу от едкого запаха засвербило.

Ласка бежала к изголовью распадка. Широкая лента, спрямляя изгибы, не отставала. И тут Топ упёрся в небольшой вытоптанный круг весь в пятнах крови. Следы Ласки в этом месте обрывались…

Потрясённый, Топ был готов вцепиться в горло и разорвать двуногого, убившего его подругу, но понимал, что железное чудище ему не только не одолеть, но и не догнать. В другом распадке тоже появились ребристые ленты. У одной из них лежали головы и внутренности трёх оленей. Топ понял: люди достигли такого могущества, что могут убивать столько, сколько захотят. И, если он не хочет повторить судьбу Ласки, лучше покинуть эти места. Куда идти, он давно знал, – на север! Однако выход Топ откладывал со дня на день – с обжитым участком всегда тяжело расставаться. К тому же всё бойчее капало с выбеленных снегом ветвей и двуногие стали покидать тайгу.

Надежды на то, что быстро тающий снег, как обычно, обнажит останки погибших в морозы животных, не оправдались: в опустевшей тайге их уже и не могло быть.

Топу давно хотелось нежной, парной зайчатины. По схваченному утренником глянцевому снегу, сохранившемуся ещё на север-

ных склонах, загнать косого было несложно. Наст в это время столь прочен, что на нём оставались лишь царапины от когтей. Зверь вспомнил, что на днях на берегу Ворчалки упала здоровенная осина, и он ныряющими прыжками направился туда: зайцы обожают её мясистую, горьковатую кору. Но, увы! Ни одного следочка – повсюду лишь девственный снег. Пришлось опять довольствоваться мышами. Хорошо, хоть их было в достатке.

Во сне Топу стали видеться то громадные туши лосей, то табунки доверчивых куропаток. Голод и эти навязчивые видения наконец погнали его прочь.

Глава 41

На севере

На ветках прибрежных ив уже плотными семейками высыпали пухлявые комочки вербы, припорошённые золотом сладкого нектара. Не отставали от верб и осины. На одних деревьях серёжки висели красноватые, на других – зеленоватые: мужские и женские дары флоры. Луговые цветы ещё спали. Поэтому ровный гул пчёл стоял только над этими деревьями.

Топ спустился с хребта к широкой, полноводной, местами распадающейся на узкие рукава реке и зашагал туда, откуда ветер всегда приносил холод и дожди. Гладь равнины изредка пучили длинные песчаные увалы, поросшие соснами. Пружинистый слой из опавших хвоинок чередовался с серебристыми полями шарообразных клубов ягеля. На солнцепёке он был низким и хрупким: стоило наступить на мшистый клубок, он с лёгким хрустом рассыпался. А вот в тенистых и влажных местах ягель превращался в упругую противоположность: стоило наступить – он под лапой податливо проминался, а как только Топ убирал её – тут же принимал исходную форму.

Болотистые участки устилал ковёр, сотканный из корней травянистых растений и низкорослых кустарников. Он был столь хлипким, что только широколапые росомахи могли пройти по нему.

Эти топи то и дело разрывались голубыми блюдцами озёр. На них в изобилии гнездились водоплавающие. Вечерами от их криков вибрировал воздух. В этом многоголосье можно было различить и надрывное кряканье уток, и гоготание гусей, и пронзительный свист куликов. Птиц влекли сюда богатые корма и недоступность их гнездовий для вороватых лис и песцов.

Топ же благодаря широким лапам ходил по этим болотинам свободно. Бесцеремонно сгоняя с гнёзд мамаш, он с удовольствием лакомился лежащими в них яйцами, отдавая предпочтение крупным гусиным: надкусывал скорлупу и высасывал содержимое через образовавшееся отверстие. Опорожнённые таким образом яйца внешне выглядели целыми. Топ, в отличие от песцов, клал их обратно в гнездо. После такого хитроумного ограбления некоторые гусыни продолжали добросовестно высиживать пустышки.

Шагая по берегу одной из проток, Топ вышел на широкий, со слабым течением плёс. От него нёсся шум, напоминающий треск сучьев. Зверь привстал на задние лапы: протоку переплывали дикие олени. Животные плыли так плотно, что ветвистые рога, стукаясь друг о друга, издавали этот необычный треск.

Запрыгивая на берег, олени шумно отряхивались, после чего жадно хватали подвижными мясистыми губами всё, что росло под ногами: кустики карликовой берёзы, брусники, траву, отдавая предпочтение сытному ягелю.

Топ дождался, когда эта лавина двинется дальше, и тоже переплыл протоку. Вскоре он обнаружил, что за стадом оленей следуют две росомашьи семьи. Осторожный зверь поначалу держался на некотором удалении от них. Но, видя, что его появление соплеменниками воспринято доброжелательно, присоединился к ним.

Охотились, вернее сказать, пасли оленей росомахи просто: ложились в двадцати-тридцати метрах от пережёвывающего жвачку стада и наблюдали. Определив, кто послабей, гнали его несколько десятков метров. Если чувствовали, что с ходу не догнать, оставляли в покое. А если намеченная жертва бежала не прытко, продолжали погоню. Когда животное начинало сдавать, делали резкий рывок и валили с ног. Иных и преследовать не приходилось: доставали в несколько прыжков.

Правда, один олень, круто повернувшись навстречу преследователям, встал на дыбы и принялся так неистово молотить передними ногами воздух, что росомахи, поражённые необычной храбростью животного, отступили.

Топ среди сородичей оказался самым сильным и дерзким. Он мог схватить оленя за шею и ещё живого таскать по траве или ивовому стланику из стороны в сторону, хотя вес жертвы в четыре-пять раз превосходил его собственный.

Несмотря на обилие мяса, росомахи никогда не оставляли костей – разгрызали даже самые толстые. Особенно долго приходилось возиться с рогами. Удерживая основной ствол передними лапами, они, с усилием ворочая головой, перепиливали-перетирали

его коренными зубами. Тут уж хищники не считались со временем: роговые опилки были их излюбленным лакомством.

Иногда намеченного к трапезе оленя выручала близость реки или озера. Хотя росомахи хорошие пловцы, в воду они заходят неохотно. Поначалу самые азартные пытались продолжать преследование и в реке, но олени, будучи намного выше в ногах, дождавшись, когда преследователи подплывут, с хриплым мычанием били их копытами. После пары таких уроков росомахи перестали атаковать оленей в воде.

Смекалистый Топ изобрёл более безопасный способ охоты. Приблизившись к стаду, он падал навзничь и, тяжело дыша, начинал кататься из стороны в сторону, якобы корчиться в судорогах. Олени прекращали кормиться и с любопытством наблюдали за странным поведением хищника. В это время его соплеменники подкрадывались к стаду почти вплотную и атаковали, как правило, успешно.

Правда, в жаркие дни эта хитрость не давала нужного результата. Облепленным слепнями и оводами животным было не до зрелищ. Они безостановочно били по брюху и бокам задними и передними ногами либо стряхивали резким подёргиванием шкуры вонзивших в них острые носы-стилеты кровососов.

В лесотундре встречались и домашние олени, но росомахи с ними не связывались: они находились под охраной некрупных, но необычайно голосистых оленегонных собак и их двуногих хозяев. Зачем рисковать, если еды и так достаточно?

К середине лета, когда арктическое солнце, едва коснувшись далёких холмов, снова отскочило вверх, росомахи переключились на другую, ещё более лёгкую и доступную добычу: на линных гусей. Встав цепью, они отрезали беспомощным птицам дорогу к воде и гнали в тундру, где давили сначала тех, кто на виду, а потом добирали затаившихся в зарослях карликовой берёзы.

В конце лета тундра кишмя кишела расплодившимися леммингами и пищухами. Топ первым переключился на этих разжиревших на разнотравье и сочных корешках грызунов.

Животы у росомах от обильной кормёжки округлились, чёрные смородинки глаз весело и беззаботно блестели. Охватившее Топа любовное томление побудило его сойтись с одной из самочек, но через месяц она стала тяготить его своей бестолковостью. Когда глупышка в очередной раз испортила охоту, он оставил её.

Росомахи не брезговали и отъевшимися за лето песцами. Топ презирал этих «собачат» за трусость, но давил и ел с удовольствием, тем более что их мясо было питательным и вкусным.

В начале осени, когда миновала пора комаров, стада копытных хлынули обратно в тайгу*. Пасшие их росомахи двинулись следом. Топ же остался: зачем уходить, когда вокруг столько еды и двуногие не докучают. Он с недоумением смотрел вслед удаляющейся лавине оленей и бегущим за ними сородичам. В это время в небе что-то загудело, и из-за низких облаков вынырнула огромная зелёная птица. Покружив над тундрой, она хищно зависла над оленями. До Топа донеслись резкие щелчки огнебойных палок. Стадо разделилось на две части и в панике понеслось в разные стороны. Несколько оленей осталось лежать на земле. Росомахи же гурьбой кинулись обратно. Птица стала их преследовать.

Топ видел, как его бывшая подруга волчком закрутилась на месте, а её отец сунулся в траву, словно провалился в глубокую яму. Рокочущая громада опустилась рядом. Из неё выпрыгнули двуногие и, забрав убитых, улетели. Топ был потрясён: ведь и он мог оказаться среди них!

Световой день тем временем становился всё короче, а тени длиннее.

После нескольких волн холода тундру накрыли снега. Робко выплывавший по утрам диск поблёкшего солнца, прокатившись вдоль линии горизонта с востока на запад, спешил укрыться от пронизывающих ветров за холмами.

Настал день, когда к земле пробился последний, жиденький луч. Это был прощальный привет светила, покидающего этот край на три недели. Следующие два дня небосвод в полдень ещё подсвечивался невидимым уже солнцем, но на третий полярная ночь окончательно вступила в свои права.

Жизнь съёжилась, попряталась в сугробы, расползлась по глубоким норам. Каждый выживал как мог. В этом оледенелом полуночном крае мороз порой достигал такой силы, что белая сова, распушив перья, становилась похожа на шар.

Топ хоронился от стужи и пронизывающего ветра, зарываясь в снег. Затянувшаяся ночь его жизнь не осложнила. Он и прежде предпочитал охотиться в сумерках или темноте. Кишевший всевозможной живностью край теперь словно вымер. Выручали устроенные с лета запасы. Не все схроны уцелели, но и оставшихся было достаточно.

Как-то небо несколько посветлело. По чёрному, украшенному гроздьями созвездий своду ритмично забегала полупрозрачная, серебристая лента. Дрожа и пульсируя, она, казалось, дышала. Вре-

---

* Главная причина осенней миграции северных оленей на юг в леса состоит в том, что на открытых пространствах тундры снеговой покров под воздействием ветров сильно уплотняется, что делает невозможным добывание корма.

менами по ней с шорохом прокатывались зеленоватые сполохи, но вскоре нежные переливы потухли, и поднялся ветер. Над промороженной тундрой понеслись, многоголосо воя, выравнивая всё на своём пути, снежные вихри. Чтобы сберечь тепло, Топ опять глубоко закопался в снежную толщу.

Глава 42

Авария

Несмотря на то что в тундре жизнь была сытной и спокойной, Топ уже на второй год затосковал по горам и тайге. Ему стало казаться, что нет на свете места краше и богаче, чем его родной край. Конечно, там много двуногих с громобойными палками, но Топ хорошо изучил их повадки и был уверен, что сумеет избежать опасных встреч и ловушек.

Была ещё одна причина, по которой его потянуло на родину. Спокойная, размеренная жизнь угнетала его. Ему не хватало некоей состязательности с прямоходящими. Раньше он гордился тем, что, сколько бы они ни ставили на него ловушек, сколько бы ни гоняли по тайге, он всегда выходил победителем. Это было для него своего рода увлекательной, сопряжённой со смертельным риском игрой.

Очередная волна морозов стала последним толчком: он таки отправился на родину. Чтобы облегчить путь, воспользовался самой удобной дорогой – широкой лентой закатанной в лёд реки. Правда, были в этом выборе и свои минусы. Не имея преград, ветер на некоторых участках разгонялся так, что сквозь мутную позёмку не всегда можно было разобрать, где же русло.

Бежал Топ по косым, тянущимся поперёк реки застругам практически без остановок. На берег выходил лишь подкрепиться и передохнуть где-нибудь в затишке. Любимых белых куропаток добывал ночью из снежных спален, а если голод давал о себе знать днём, засекал их на белоснежном покрове по чёрным бусинкам глаз и нескольким тёмным перьям в хвосте (эти перья помогают куропаткам не терять друг друга в полёте).

Когда до родных гор оставалось полтора, от силы два перехода, Топ решил побаловать себя зайчатиной. В заваленной снегом ложбине, обрамлённой с трёх сторон чешуйчатыми стволами лиственниц, снег был исчиркан не только набродами столовавшихся куропаток, но и топаниной беляков. Затаившись у хорошо наторённой тропы, хищник стал поджидать косого. Вот и он.

Прыжок! Осечка!

Матёрый беляк ловко увернулся, а Топ плюхнулся в снег крайне неудачно: острый сучок поваленной лиственницы пробил ступню задней лапы насквозь. Росомаха сгоряча кинулась было в погоню, но почти сразу встала – из-за застрявшего обломка каждый прыжок отдавался острой болью. Пришлось сесть, чтобы выдернуть занозу зубами. Боль сразу ослабла. Зализав рану, Топ побрёл с намерением добыть хотя бы куропатку. Увидев след рыси, свернул на него, надеясь поживиться остатками её трапезы. Пробежав с километр, разглядел за застругом рысь, рядом с ней лежал недоеденный беляк. Крапчатая кошечка, подняв голову, нервно двигала ушами-локаторами. Заметив Топа, устрашающе зашипела. В этот момент с неба донёсся слабый рокот. Он становился всё явственней. Топ узнал его: так же рокотала зелёная птица, напавшая на стадо оленей и убившая семью росомах.

Приглядевшись, засёк на фоне свинцовых туч и самого грозного стервятника. Он быстро рос в размерах. Похоже, птица тоже заметила их – стала снижаться. Когда она зависла над росомахой, вокруг поднялась снежная круговерть, а от нестерпимого грохота заложило уши. Топ, помня, что его сородичей в аналогичной ситуации не спасло даже бегство, нырнул в снег и, зарываясь в него, одновременно уходил в сторону.

Он не видел, как открылась дверца, и человек направил на убегавшую кошку карабин. Как из него вылетали огонь и клубки дыма. Как рысь, кувыркнувшись через голову, неловко распласталась на пушистой перине. Зато слышал, что рокот вдруг резко усилился, и земля содрогнулась от удара. После этого наступила пугающая тишина.

Топ замер и ещё с полчаса не шевелился... От горячего дыхания снег перед его носом протаял и не мешал дышать. Время шло, а тишина ничем не нарушалась. Осторожно высунув морду из убежища, росомаха увидела, что грозная птица сидит на почерневшем снегу в нескольких прыжках от него. С её зелёной спины свисают узкие крылья, а из-под смятого брюха идёт дым. На грязном снегу лежал человек, чуть поодаль – мёртвая рысь.

Раздался скрип, и дыра в боку птицы расширилась. Из неё показалась голова двуногого. Топ тут же спрятался в снежной норе и опять превратился в слух. Сверху временами доносились непонятные звуки: стук, скрежет. Вслушиваясь в них, росомаха не заметила, как заснула.

Степан Ермилович при падении вертолёта, можно сказать, легко отделался: расшиб голову, колено и, судя по острой боли при

вздохе, кажется, сломал ребро. Его спасло то, что он был пристёгнут к сиденью. И не просто пристёгнут, а плотно притянут к его спинке. Он всегда бравировал тем, что игнорировал ремень безопасности, но, когда они взлетали с Трофимова участка, почему-то пристегнулся и, подчиняясь чьей-то безмолвной команде, даже затянул ремень до упора.

«Никак ангел-хранитель подсказал!» – с благодарностью подумал Степан, глядя повлажневшими глазами на небо. Опираясь на стенку, он пробрался в кабину. Командир полулежал, уткнувшись лицом в залитую кровью приборную доску.

– Иван Петрович, как ты?

Ответа не последовало. Осторожно приподняв голову, Степан невольно содрогнулся от неподвижного взгляда расширенных зрачков. Пульс не прощупывался. Сомнений не было – командир мёртв. Бездыханное тело второго пилота лежало на земле – при ударе его выбросило в открытую дверь.

Голова гудела, но мысли пролетали одна за другой:

«Надеяться на помощь бессмысленно: на всю округу и был-то один вертолёт, и тот теперь разбит… До Верхов не больше пятидесяти километров, а до промысловых избушек и того меньше… За три дня всяко одолею, но прежде надо второго пилота в вертолёт как-то затащить...»

Поскольку стёкла кабины были выбиты, охотовед, дабы звери не попортили тела вертолётчиков, перенёс их в мятый, но без разрывов салон. Порылся в сумках. Добыча скудная – четыре пирожка с картошкой. Зато оленины и дичи, сданной промысловиками, предостаточно. Нарубив топориком мороженой мякоти, сложил её в полиэтиленовый пакет и засунул в рюкзак.

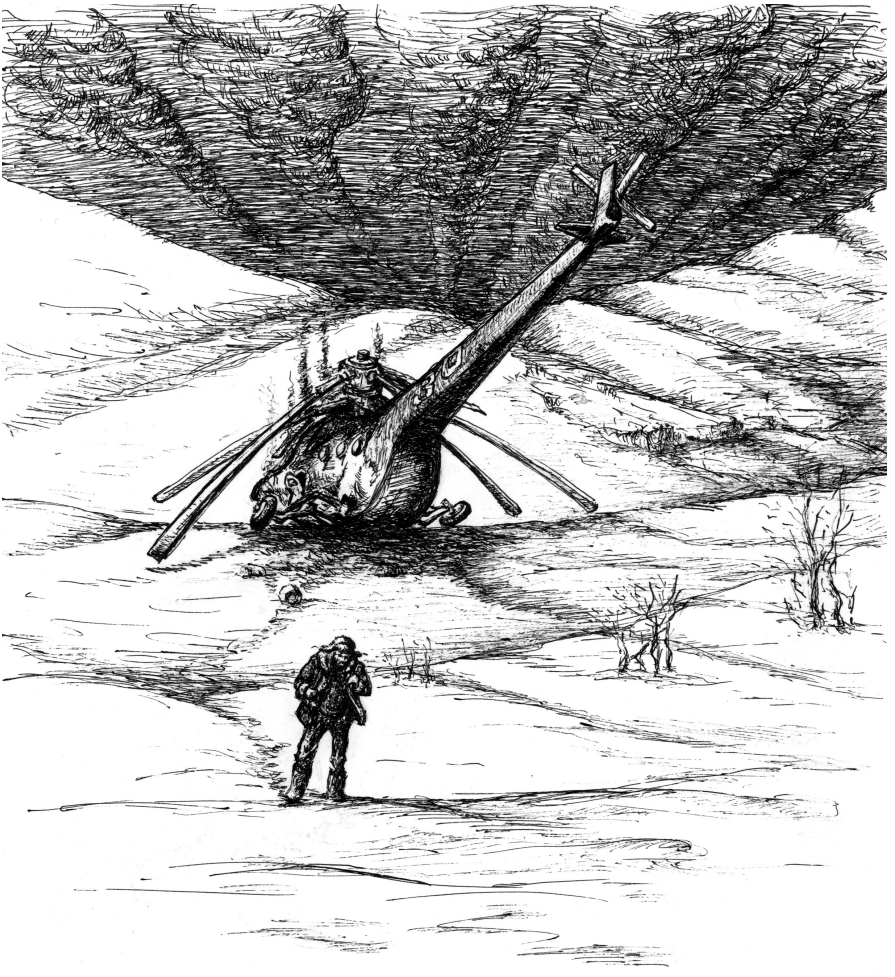
– И чего я спальник с лыжами не взял? Не на себе ж было нести, – расстраивался Степан.

Пока собирался, солнце перевалило зенит.

Открыв дверцу, охотовед попытался с ходу спуститься, но не тут-то было – земля почему-то поплыла: то удалялась, то приближалась, то вообще уходила вбок.

– Ого! Похоже, сотрясение!

Он с минуту не мог понять, куда ставить ногу. Поймав наконец момент, когда примятый снег замер, встал на него. Притянув обрывком стального тросика деформированную дверцу к фюзеляжу, поковылял на юг, с трудом переставляя травмированную конечность. Поначалу каждый шаг давался через силу, но постепенно мышцы и связки разогрелись. Боль и скованность притупились. Но

на душе становилось всё горше и горше: Степан считал, что именно он повинен в гибели людей.

Когда в иллюминатор увидел одновременно росомаху и рысь, его ликованию не было предела: звери возвращаются в их леса! Окликнув командира, выразительно затыкал пальцем в стекло. Тот заулыбался и, сбавив до предела высоту, подал знак второму пилоту сделать фотографии. Тот же, открыв дверь, вместо этого принялся палить из карабина. Командир обернулся на выстрелы и что-то прокричал. В этот миг вертолёт качнулся и резко пошёл вниз…

Глава 43

Тяжёлая дорога

Топа разбудил приближающийся хруст снега и шумное дыхание. Шаги всё ближе! Неужели обнаружили? Нет, кажется, удаляются! Росомаха осторожно высунула нос и поцедила воздух. В нём появилось несколько новых запахов. Один из них Топу показался знакомым. Где он слышал его?

Ого! Так это же запах того странного двуногого, который в детстве подкармливал его, а после поймал и отвёз в тесном ящике в громадный человечий муравейник. От него можно ожидать любого подвоха – надо быть начеку.

Топ выбрался из снежной норы лишь спустя час после того, как стихли шаги. Вокруг царило такое безмолвие, что уши улавливали шёпот падающих снежинок. Железная птица уже не чадила. Снег вокруг был в ямистых следах человека. Вот тут он срубил и очистил от веток берёзку и пошёл в ту же сторону, куда направлялся Топ.

Вскоре зверь догнал его. Человек шёл медленно, опираясь на палку. Но это была не огнемётная, а обычная палка – из той срубленной берёзки. Топ забежал вперёд, дабы воочию убедиться, что нюх не обманул его. Да, это был тот самый двуногий с мордой, густо заросшей шерстью.

* * *

Степан, прислонившись к дереву, восстанавливал дыхание: сломанное ребро мешало дышать полной грудью. Стоило вдохнуть чуть глубже, как бок пронзала боль, а лоб покрывался испариной. Ко всему прочему земля под ногами опять закачалась. Ему бы полежать дня два-три, но нет – надо идти. И чем быстрее, тем лучше. Однако прибавить скорость не давало распухшее колено.

Отдыхая, охотовед прокручивал события сегодняшнего дня.

«И далась нам эта клюквенная настойка! – ругал он себя. – Взяли бы с собой и вечерком дома посмаковали… Эх! Задним-то умом все сильны!»

Зная, что зверя в их тайге почти не осталось, а попытки остановить браконьерский беспредел не находили поддержки ни у начальства, ни у милиции, Степан Ермилович в прошлом году договорился в областном земельном комитете, чтобы госпромхозу выделили промысловые участки на Главном Хребте, и оформил их на семерых надёжных, честных охотников. Самый ближний участок

находился в 180 километрах от Верхов. Для пешей заброски далековато. Хорошо, что командир авиаотряда пошёл навстречу землякам: выделил единственный исправный вертолёт. Правда, пришлось пообещать ему трёх соболей для жены.

А с Подковой и охотниками, выбившими практически всю живность на снегоходах, договоры на аренду старых участков были расторгнуты. Но главным своим достижением Степан считал увольнение Подковы из потребсоюза. Теперь на автолавке к ним ездил сын Макарыча.

Уже в первый же рейс жители села с удивлением обнаружили ощутимую разницу в закупочных ценах. Оказывается, Подкова занижал их на тридцать процентов. Люди кляли пройдоху и радовались, что теперь будут получать за свой труд заметно больше. Из снегоходов на ходу остался лишь Лукьяновский. Поскольку участка он лишился, когда у него поспевала брага, напивался и бесцельно гонял по озеру, горланя: «Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг", пощады никто не желает».

Сегодня с утра Степану удалось облететь все новые участки и принять у промысловиков заготовленное мясо, пушнину; раздать продукты, боеприпасы до конца сезона. На последнем хлебосольный Трофим угостил клюквенной настойкой. Для пробы по кружке выпили, потом повеселили душу второй.

– Хорошо у тебя, Трофим! Такая красота вокруг! Пожить бы пару недель, – вздыхал расчувствовавшийся второй пилот.

Промысловик оживился:

– Так в чём дело? Оставайтесь! Поохотимся, погуляем маненько! Настойки хватит!

– Спасибо, отец! Нам пора. Давай по последней.

«Вот ведь! И в самом деле последняя получилась». – Степан тяжело вздохнул и побрёл дальше.

Укрытая снегом марь в этом месте даже зимой не промерзала: будто кто подогревал изнутри. При каждом шаге под снегом чавкало. Унты от налипавших комьев отяжелели. Это тревожило путника: «Хватит ли сил дойти до ближней зимушки?» При воспоминании о зимовье в голове сразу зароились вопросы: цела ли там будет печурка? Найдётся ли что поесть?

Беспокоился он не случайно. В последние годы многие промысловики из-за отсутствия зверя побросали свои участки. Если в прежние времена невозможно было представить зимовье без железной печки, дров возле неё, подвешенных под потолком полотняных мешочков с сухарями, солью и крупой, то сейчас в ином и спичек не сыщешь.

«Хорошо бы на Петрову избушку выйти. Она ближе всех будет. У него наверняка порядок, хозяйственный старик… Обсушусь, обогреюсь, чайку попью, отлежусь в тепле, а уж потом домой», – размечтался охотовед.

Короткий зимний день отгорал. Марь местами пучилась невысокими гривками, утыканными худосочными елями. На одной из них Степан и решил обустроиться на ночь. Переведя дух, первым делом сбил с унтов оледеневшие ошмётки. После этого натаскал кучу сушняка. Наломав мелких веточек, вынул из кармана коробок спичек, завёрнутый в полиэтиленовый пакет, и высек одеревеневшими пальцами огонь. Порывистый ветер, как ни закрывался охотовед, тут же задул пламя. В ход пошла вторая, третья спичка – все гасли.

«Не торопись! Подожди, когда порыв ослабнет», – уговаривал он сам себя. Наконец огонь перекинулся на сухие палочки. Через пару минут перед Степаном полыхал костёр. Окрестности сразу скрыла стена непроницаемого мрака. Мечущееся на ветру, словно лисий хвост, пламя временами вырывало отдельные куски пространства, но через секунду они вновь исчезали во тьме. Одежда заклубилась паром.

Немного согревшись, охотовед стянул унты и повесил промокшие носки на воткнутые палки сушиться. Сами унты грел издали: боялся, что покоробится кожа. Икры ног то и дело стягивало болезненной судорогой. Чтобы избавиться от неё, приходилось подолгу массировать одеревеневшие мышцы.

Сухие ветви, тонкие стволы прогорали быстро, и Степан вынужден был за ночь несколько раз отправляться за дровами. А ходить нужно было всё дальше и дальше. (Поблизости осталась лишь трухлявая осина.) Но даже тогда, когда костёр горел в полную силу, спать толком не получалось. Приходилось каждые пять минут поворачиваться к огню то грудью, то спиной: пока грудь согреется, спина заледенеет.

Рассвет встретил как избавление. Ночёвка сил не только не прибавила, а наоборот – убавила. Настрогав оленины, Степан позавтракал и, проваливаясь между кочек, продолжил путь через болотину. На одной из гривок наткнулся на кусты, увешанные плодами шиповника. Съев их вприкуску с двумя оставшимися пирожками, путник, обласканный лучами солнца, прилёг, подложив под голову рюкзак. От тепла и сытости по телу растеклась такая приятная истома, что он задремал.

Степан не видел, как по нему проплыла широкая тень и на матовую спину соседнего сугроба неслышно спланировал орлан-белохвост. Сложив огромные крылья, стервятник пытливо вглядывался в неподвижно лежащего человека. Приспущенные крылья

подрагивали от нетерпения, крючковатый с зазубринами клюв то и дело хищно приоткрывался. Решив, что человек мёртв, орлан издал торжествующий клёкот. Степан, приоткрыв глаз, увидел рядом с собой громадную птицу и непроизвольно вздрогнул.

– Ишь ты! Моей плоти захотел! Шиш тебе, разбойник! – произнёс он и потянулся за посохом.

Стервятник, сверкнув жёлтыми глазищами, нехотя отлетел. Степан же поспешил встать. Голова сразу пошла кругом, в глазах потемнело. Опёршись на посох, он всё-таки устоял. Когда ему стало лучше, зашагал под звуки негодующей перебранки снежинок, безжалостно сминаемых оледенелыми подошвами.

До вечера одолел ещё порядка семи километров. В морозном мареве уже проступали знакомые с детства силуэты горных вершин, и самая высокая среди них – Сахарная Голова.

Выбрав место, где было больше всего сухостоин, Степан, прежде чем рыть в снегу яму под кострище, привычным движением попытался скинуть рюкзак и… взвыл от ужаса – его за спиной не было. Вспомнилось, что после перекуса рюкзак подложил под голову… Выходит, там оставил... Слава богу, что спички в кармане. Правда, всего семь штук. Чиркнул одной – головка прошипела, но так и не вспыхнула: видимо, отсырела. Степан вынул оставшиеся и разложил вместе с коробком на ствол посушиться. Солнце, хоть и склонилось к горизонту, ещё немного грело. Через минут двадцать предпринял вторую попытку – на этот раз удачную.

Огонь, задавленный густым дымом, наконец пробился крохотным язычком пламени. И вот уже трепещет увенчанный искрами костёр. Снег здесь был плотным, и Степан, немного обсохнув, стал вырезать ножом кирпичи. Из них сложил отражающую стенку. Благодаря ей вертеться ночью не пришлось.

Утром напомнил о себе голод. Порылся в карманах – ни единой крошки. Нашёл только скомканный фантик от конфеты. Развернул – «Мишка на Севере». Жена дала в дорогу. Вспомнив про рюкзак, полный мяса, Степан тяжело вздохнул. Но не возвращаться же за ним. Хоть и голодный, а надо идти дальше.

Преодолевая приступы тошноты и головокружения, встал и побрёл к темнеющим горам. Поначалу, как всегда, шлось тяжело, но шаг за шагом размялся.

– Эх! Были б лыжи, уже чаи б гонял! – в который раз пенял себя охотовед. – На них куда быстрей. Да кто ж думал, что так получится!

Через пару часов почувствовал, что выдыхается. Тем не менее, подгоняемый бьющими в спину студёными вздохами ветра, продолжал с тупым отчаянием идти, утопая временами в снежных на-

мётах по пояс. Вконец измотавшись, понял – надо сделать хотя бы снегоступы! Без них никак!

Нарезав ножом гибких ивовых веток, сплёл две округлые площадки. Разрезал ремень на три полоски. Двумя притянул получившиеся снегоступы к унтам, а третьей подвязал штаны. Поскольку теперь ноги почти не проваливались, идти стало полегче.

«И чего сразу не сделал? Столько мучился! – удивлялся сам себе Степан. – Бестолковым становлюсь. Старею, что ли?»

В разрыве туч показался слепящий глаз солнца. Сразу потеплело. Обласканный его лучами, охотовед решил передохнуть. Привалившись к стволу ели, долго полулежал, перебирая всплывавшие в воспалённом мозгу обрывки воспоминаний и мыслей, не имея сил связать их воедино…

Вот он ловит на реке вещи, выпавшие из люльки мотоцикла, вот палит из тяжеленного, выше его, дедовского ружья и безбожно мажет, вот радуется весеннему буйству пернатых на озере, вот мастерит из перчатки соску для росомашат…

Веки то и дело смеживались. Путник не заметил, как впал в забытьё. Проснулся от того, что кто-то царапал его бушлат из солдатского сукна. Огляделся – никого. А в голове настойчиво звучало: «Вставай! Иди!»

Степан подчинился. Прочитав единственную известную с детства молитву «Отче наш», пошёл, опираясь, дабы не перегружать травмированное колено, на посох. Впереди, в метрах ста от него, сквозь заволакивающую глаза муть просматривалось тёмное пятно. Поначалу Степан не обращал на него внимания – мало ли с чего съехал снег и обнажил черноту. Но как только он пошёл, пятно стало удаляться. И, что интересно, удаляться в сторону Верхов. А может, всё это ему мерещится от голода? Отгоняя морок, путник потёр глаза. Но пятно не исчезло. Всё так же мутно маячило впереди. Степан остановится, и оно замрёт.

«Кто это может быть? Наверное, волк пасёт, выжидает, когда отдам концы. Нет, скорее всего, деревенская собака ведёт в деревню. Хотя нет, собака подошла бы… Может, одичавшая?»

Пытаясь догнать таинственного проводника, Степан неимоверным усилием воли заставил себя прибавить шагу. Прошёл час, но расстояние не сокращалось. Тем временем задувший с севера ветер оттеснил облака за горизонт. Эта перемена не обрадовала путника: знал, что следом окрепнет мороз. И точно: бороду и воротник бушлата вскоре стал выбеливать иней. В воздухе густо замельтешили искорки изморози. Чтобы ночью не замёрзнуть, надо было поторопиться подобрать место для ночёвки.

Устроился под защитой бурелома. Лес здесь был поосновательней, и Степану удалось свалить для костра три выбеленные време-

нем сухостоины. Уложив их так, чтобы две оказались снизу, а третья сверху, запалил под ними костёр. Когда стволы объяло пламенем, от них пошло такое ровное, щедрое тепло, и Степан проспал несколько часов, что называется, без задних ног.

Разбудила пронзившая, как стрела, мысль: «Замерзаю!»

Лесины прогорели. Обнажившаяся земля, пропитанные влагой от растаявшего снега трава и листья вокруг кострища ещё парили, но фиолетовые язычки пламени едва попыхивали. Одна головешка, стрельнув, вздрогнула, будто в агонии, и рассыпалась в прах. Только слабая струйка дыма говорила о том, что жар всё ещё прячется где-то в углях. Степан почувствовал, как сильно застыл. Руки он ещё ощущал, а вот ног как будто не было.

«Надо оживить костёр, иначе околею!»

Подложив оставшийся хворост, охотовед раздул огонь. Когда пламя окрепло, подтянул к нему концы едва тлеющих стволов. Согревшись у набравшего силу костра, снял унты. Белые, как мрамор, пальцы ног промёрзли так, что не сгибались. Степан принялся растирать их колючим снегом. Минут через пять ступни стало покалывать. По мере восстановления кровообращения боль нарастала. Вскоре, скрючившись на снегу, он орал на весь лес:

– А-а-а-а! Ещё-ё по-о-охо-одим! А-а-а!!!

Вытерев насухо порозовевшие пальцы, надел тёплые носки и стал разминать мышцы ног. Когда кровь наконец зациркулировала, подремонтировал снегоступы и, собрав волю в кулак, поковылял дальше. Тут Степан с тревогой заметил, что и зрение стало подводить: ни с того ни с сего всё расплывалось, теряло очертания, меняло цвет. Да и головные боли усилились. Тёмное пятно впереди исчезло, но появилось ощущение, будто кто-то его преследует. Обернётся – никого! Однако это ощущение было до того явственным, что он продолжал то и дело оглядываться.

«Неужто смерть? Не её ли тёмная тень сейчас мелькнула среди деревьев? Выжидает своего часа, гадина! Не дождёшься!»

Временами одолевали слуховые галлюцинации. Степан отчётливо слышал то лай собак, то голоса людей, то колокольный набат. Он уже не сознавал толком, куда и зачем идёт. В мозгу пульсировала одна мысль: не останавливайся… не останавливайся…

Наконец в цепочке уже отчётливо видимых гор показался приметный проём со скалой-пальцем. Степан сразу узнал его – в километрах пяти оттуда отцово зимовье.

– Как я промахнулся? Целил ведь на Петрову избушку.

А расстраиваться было от чего: от этого места до села было намного дальше. К тому же впереди два перевала. Невысоких, но ему сейчас и по ровному-то идти в тягость.

– О, Боже! Дай мне силы...

Опять задул, тараня горы серыми и плоскими, как льдины, тучами, северный ветер. Сухая крупа шурша текла по заснеженному руслу ручья. Ветер напирал, заходя то с одной стороны, то с другой. На прямых участках он разгонялся так, что снег, свиваясь в плотные смерчи, валил с ног. Колючие крупинки забивали рот, глаза… Каждый шаг давался со всё большим трудом, но Степан брёл и брёл за вновь появившимся впереди проводником. Когда силы оставляли его, прислонялся, словно умирающий зверь, к дереву и, прикрыв глаза, отдыхал. Стоять и не шевелиться было истинным наслаждением! А самым трудным – оторваться от ствола…

Открыв глаза после очередного привала, он обнаружил лежащую у ног куропатку. Она была ещё тёплая. Степан не удивился. Он воспринял её появление как должное, полагая, что это дар лесного духа. Мужики рассказывали о более удивительных случаях.

Сняв привычным движением шкурку с перьями, путник, почти не жуя, съел неожиданный подарок. Идти стало легче. Уже смеркалось, а избушки всё не было. И проводник исчез. Степан растерялся. Он уже не понимал, где он и куда идёт. Поэтому решил остановиться на ночёвку.

Кое-как свалив несколько сушин, Степан запалил предпоследней спичкой костёр. Ели вокруг стояли разлапистые, с густой хвоёй, и охотовед устроил себе из их ветвей роскошное, пружинящее ложе. Рухнув на него, почти сразу провалился в бездну. Костёр прогорел, а путник продолжал спать. Разбудили мягкие и настойчивые толчки в спину. Открыв глаза, огляделся. Никого! Подтянув оставшиеся хвосты сушин к центру, дождался, чтобы огонь охватил их, и опять повалился на лапник. А окрепший мороз времени не терял. Когда через пару часов Степан попытался освежить костёр, ни руки, ни ноги не слушались. Да и дрова кончились.

«Всё. Крышка!» – лениво подумал он и задремал. Перед его глазами всплыли лица жены и дочери.

– Нет, сдаваться нельзя! Как они без меня?

Перебарывая апатию, он каким-то чудом завалился набок, затем (после нескольких попыток) перевернулся на живот. Самым трудным оказалось подтянуть под себя ноги и встать на колени. После этого, опираясь на посох, принялся по частям поднимать тело.

Перед тем как сделать первый шаг, долго стоял, шатаясь и трясясь от непрекращающегося озноба. На него в эти минуты страшно было смотреть. Глаза глубоко запали, почерневшая, потрескавшаяся от мороза кожа на лбу и остро выступающих скулах свисала струпьями. Зубы стучали, сотрясая подбородок и спутавшуюся бороду.

Перед Степаном опять встал вопрос: куда идти? Ах, да! Вон проводник чернеет… «Вперёд! За ним!» – приказал он себе. Но, сделав несколько шагов, сообразил, что не надел снегоступы. Один нашёл сразу – торчал из-под лапника, а от второго остался лишь кусок покоробившегося ремня – остальное сгорело в костре. Видимо, пока спал, нечаянно столкнул ногами.

Как быть? Снежный покров в горах заметно глубже и рыхлей. Каждый шаг требовал немалых усилий. Что делать? Подумав, охотовед, переломив несколько самых густых лап пополам, положил их друг на друга и притянул остатком ремня к подошве унта. Получилась широкая, плотная площадка. Опираясь на неё, можно было худо-бедно идти. Правда, через час от такой ходьбы кровь так запульсировала в висках, что, казалось, вот-вот треснет черепная коробка. Перед глазами замерцали цветные круги – красные, зелёные, жёлтые. Возникая ниоткуда, они наплывали один на другой, переплетались в яркий клубок, после чего разбегались, чтобы вновь соединиться.

Слуховые галлюцинации от переутомления усилились. Но особенно тревожило ухудшение зрения. Всё стало нечётким, расплывчатым. Степан с трудом различал лишь контуры ближних деревьев и уже практически не ориентировался. Хорошо, хоть чёрное путеводное пятно впереди не исчезало. Огненные круги завертелись всё быстрее и быстрее, в глазах потемнело, и путник потерял сознание.

Глава 44

Последний урок

– Как он?

– Слава Богу, ожил.

– Ермилыч, ты нас слышишь?

Охотовед открыл глаза и, обведя людей блуждающим взглядом, промычал что-то нечленораздельное.

Его приподняли и дали попить горячего чаю. Взгляд Степана стал более осмысленным. Он огляделся. Напротив него сидели на корточках Лукьян с Пулей. Поодаль стоял снегоход. Вокруг тайга.

«Искали! Не бросили!» – сообразил наконец охотовед. В голове опять зазвенело, и он отключился.

Окончательно пришёл в себя через сутки уже дома. Здесь было тепло. Пахло дымком самовара, свежезаваренным чаем, геранью, стоящей в горшках на подоконниках, и тем духом надёжного семейного гнезда, которое свивают любящие супруги годами.

Жена, осторожно смазывая ноги, лицо и руки гусиным жиром, рассказала ему, что, когда вертолёт не вернулся, командир авиаотряда, взяв троих людей, вылетел на «аннушке» с лыжными шасси на поиски.

– Место падения обнаружили на второй день. Одним рейсом вывезли погибших и весь груз. По следам поняли, что ты жив и идёшь

в сторону Верхов. Мужики на лыжах с собаками вышли навстречу. А Лукьян с Пулей ездили на снегоходе вдоль хребта. Они и нашли тебя. Фельдшер – отец Сергий – сказал, что чуть припоздай, сердце от мороза могло бы встать.

Вечером, узнав, что Степану лучше, к нему заглянул и сам батюшка, следом ввалились соседские мужики. От радостного возбуждения они то и дело слегка похлопывали начальника по плечу, как бы убеждаясь, что он жив.

– Спасибо, мужики! Спасибо! Большое спасибо! – только и повторял растроганный Степан. – А вам отдельная благодарность! – обратился охотовед к Лукьяну с Пулей.

– Ты не нас благодарить должен, а росомаху.

– То бишь Топа, – уточнил Пуля. – Это он нас привёл к тебе. Так бы не нашли – тебя уж замело. Зверь, а тоже с понятием. Правда, как увидел, что мы тебя откопали, ушёл в горы. Представляешь, даже не обернулся. Вроде как обидели его чем.

Степан смутился:

– Так оно и есть… Обидели...

Уфа, 2014 год

ЛОХМАТЫЙ

(Рассказ)

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Фёдор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упёршись сильными ногами в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал красивые резные наличники на окнах новенького дома зятя.

Распахнулась дверь, и из нее с шумом вывалились, похохатывая, плотная, во всем похожая на отца дочь Наталья и следом высокий жилистый зять.

– Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замёрзнешь, – выпалила она.

– Да пора мне, Натаха, – сказал Лапа, кивая на расплющенный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока ещё неухоженный, необжитый двор.

– Лохматый! – властно позвал он собаку и направился к переминающемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедко. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взбил в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом мешок муки.

– Бывайте здоровы! Ждём в гости, – крикнул он, обернувшись.

Крупный, с мощным загривком лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина. Миновав посёлок и густую сосновую посадку, въехали в берёзовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за ощетинившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

«А всё-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, – подумал Лапа. – Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако, башка у меня с толком», – самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завиляла по стиснутой увалами долине ручья. Сани на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядиться выручкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяй или простодыра» – говорил он о таких. «Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер называется! Цемента не может подкинуть... Тоже мне, порядочный! Тьфу!» – сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко.

Конь тревожно прядал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря взглядом по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто! Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

– Но! Но! Пошёл! – сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя тот и без того уже перешёл на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, нёсся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьём петлёй огибала высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матёрый вожак не спеша перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух нёсся Гнедко.

Лапа, нахлёстывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чуял, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался – посёлок уже был слишком далеко.

– Авось упрежу, – успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор.

Внезапно мерин дико всхрапнул и, взметая снег, шарахнулся в сторону – наперерез упряжке вылетела стая. Мощный главарь с ходу прыгнул на шею Гнедко. Ещё миг – и тот бы пал с разорван-

ным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Человек опомнился, схватил мешок муки и с силой метнул в стаю.

Увесистый куль ещё не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время Лапа успел выправить сани на дорогу.

– Давай! Давай! – осатанело заревел он, нещадно лупцуя мерина кнутом. Обезумев от страха и боли, Гнедко нёсся, стреляя ошмётками снега из-под копыт.

Он обошёл умчавшегося было вперёд Лохматого.

«Неужто оторвёмся?» – мелькнула надежда.

Сани неслись по ухабам, то возносясь, то падая. На поворотах наездника бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Фёдор Дементьевич ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, клацая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряжкой Лохматого, но пёс в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратимо настигая выдыхавшегося коня.

Лапа уже слышал их прерывистое дыхание. Ещё немного – и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают долгожданную добычу на куски. Он сдёрнул с себя овчинный тулуп и швырнул на дорогу. Звери набросились на него, но, обнаружив обман, возобновили погоню с ещё большей яростью.

Человек снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но, однажды одураченные, серые не обращали на них внимания. Разгорячённая преследованием стая жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к финалу.

Охваченный страхом, Фёдор Дементьевич, не умолкая, исступлённо вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстрей, Гнедко, быстрей!» – то, обернувшись назад, устрашающе тряся топором на стаю: «Порублю! Всех порублю!»

Казалось, ещё несколько секунд – и матёрый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, ещё живого, на куски...

Мужик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнём – собака? Живая тварь, кровь – вот что нужно стае! Он ногой пихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Всё его существо выражало недоумение и обиду.

– Пошёл, паскуда! – срываясь на петушиный фальцет, завизжал разъярившийся Лапа и нанёс сапогом увесистый удар.

Лохматый скособочился и, сомкнув челюсти, мёртвой хваткой вцепился в борт саней.

Волки были совсем близко. Человек упёрся спиной в передок, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пёс, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.

«Всё, конец», – подумал Лапа, передёргиваясь. В беспощадной памяти остался немигающий укорительный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный, Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как сотрясается от пережитого ужаса и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх кусок брезента и настороженно вглядывался в удаляющийся непроницаемо-чёрный лес. Страх постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но, раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно ёжился.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запалённого коня: «Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки».

Подъезжая по унылой, пустынной улице к своей красавице избе за сплошным крашенным забором, расчувствовался: «Мог ведь и не увидеть боле».

Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

«Спит, чертовка. Ей-то что», – злился Фёдор Дементьевич, вылезая из саней. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Торопливо засеменили. Лязгнул засов. Дверь приоткрылась. Лапа, не взглянув, прошёл мимо тощей фигуры в сени. Щёлкнул выключателем – темно.

– Лампочка перегорела, Федя, – тихо пояснила жена.

Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

– Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, – оправдывалась хозяйка.

– Мечи на стол, замёрз, – скомандовал муж, опускаясь на табуретку. – Эх, чёрт, Гнедко-то на улице, – и, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил.

Распряг и завёл мерина в тёплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

– Ешь! Это тебе за справную службу, – Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду.

– Ты чего?.. Чего ты? Это ты зря! Да если б не Лохматый – нам бы конец! Понимаешь – всем конец! Я спас тебя… Спас! – горячо зашептал, оправдываясь, хозяин. Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону.

«А может, и не погибли бы? – неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. Топором саданул одного, глядишь, другим острастка, а то и на порубленного собрата позарились бы».

От этой простой мысли Фёдор Дементьевич сник. «Совсем я расклеился. Чего голову себе морочу... Что сделано, то сделано... сделано правильно».

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, муж сел, прижался спиной к тёплой печке и замер.

– Как съездил, Федя? Видал молодых-то?

– Видал... Живы-здоровы. Хоромы здоровущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

– Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, – робко возразила супруга.

– Ничего, у себя всегда успеется.

– Мясо-то продал?

– А то! Мясо – не редька, только свистни, – Лапа нащупал завораживающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана свёрток.

– Держи, – развернул он цветастый платок.

– Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. А красавит-то как!

– Будя трепаться, – грубовато оборвал муж, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена ещё более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

– Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

– Ложись-ка лучше, сам покормлю. Посмолю заодно перед сном, – торопливо возразил он, – да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Фёдор Дементьевич заставить себя думать о происшедшем как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнём.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспалённым взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает тёмный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъярённой стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Напряжённо вслушиваясь в них, он незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, неумолимо затягивая живую петлю всё туже и туже. В голове возник нарастающий гул.

– А-а-а! – заметался Лапа.

– Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? – трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на неё – не мог взять в толк, где находится, всё ещё жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец узнал дом, жену.

– Фу-ты, – облегчённо выдохнул он.

– Чего кричал так, Федя? – допытывалась встревоженная супруга.

– Мяса, видать, переел. Мутит. Недоварила, верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жёсткую ладонь на его голове. Лапа осторожно убрал её на подушку. Сон не шёл. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чём-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принёс его, ещё безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растёт сильный, не признающий чужих страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза, как ликовал, суматошно прыгал, захлёбывался счастливым лаем, встречая с работы; с какой готовностью исполнял все желания хозяина.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь.

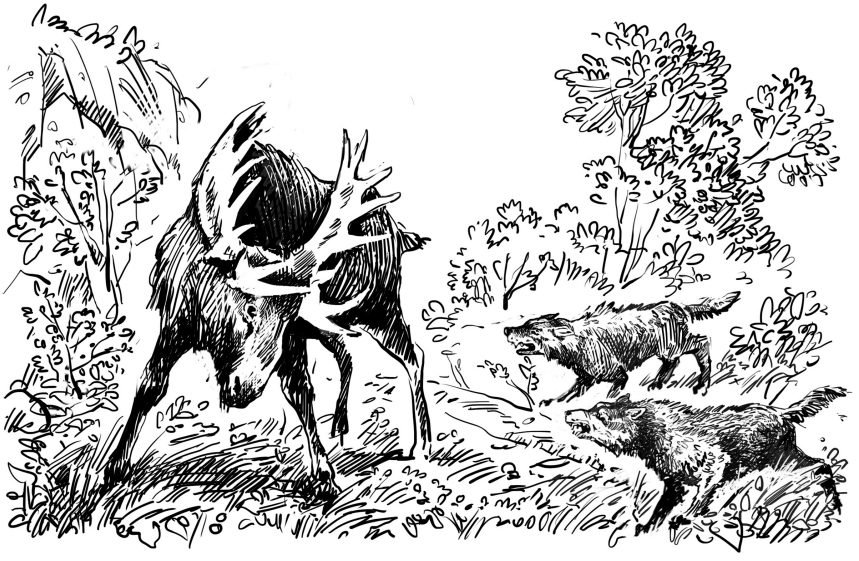
У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо, болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в клочья шерсть, злобно ощерившаяся пасть.

– Лохматый?! Ты?! Не может быть…

Растерявшись, Лапа невольно попятился, запнулся о порог и упал...

В голове вновь возник и стал нарастать гул… смерти…

СВОРА

(Рассказ)

В один из долгих июльских вечеров волчья стая томилась на лесистом утёсе в ожидании сигнала разведчиков. Над ней клубилась туча безжалостной, надоедливо-звенящей мошкары. Сгоняя наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник.

Наконец от подножья Южного хребта донёсся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим – «чую добычу». Спустя некоторое время призывный вой вновь поплыл над тайгой, наводя на всё живое безотчётную тоску.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встрепенувшихся хищников: «Слышим, жди!»

Видящие «носом» не хуже, чем глазами, волки затрусили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, звери готовы были в любой миг замереть либо молнией ринуться на жертву.

Вёл стаю матёрый волчище – Дед. Он даже издали заметно выделялся среди прочих более мощным загривком, широкой грудью с проседью по бокам.

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв вожделенный запах добычи, перешли в намёт. Густой лес не замедлял их бег: подсобляя хвостом-правилом, они ловко маневрировали среди стволов и переплетений веток…

Горбоносый лось, дремавший в нише скалистого обрыва, заслышав вой, вскочил, беспокойно затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, он понял, что схватки не избежать. Прижавшись задом к отвесной стене и опустив голову, вооружённую мощными рогами, бык приготовился к бою.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше всё должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, а остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгорячённый бегом и предвкушением горячей крови, Дед совершил ошибку: прыгнув на быка, с ходу угодил под сокрушительный встречный удар – острое копыто проломило грудь. Зато подскочившие с боков волки сработали чётко и молниеносно: лось беспомощно осел на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник – Смельчак первым сомкнул мощные челюсти на горле поверженного быка и, дождавшись, когда тот, захлёбываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на раненого Деда, Смельчак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил и его час! «Отныне я вожак!» – говорили его поза и грозный оскал.

Смельчак, выделяясь отвагой и силой, несомненно, являлся достойным преемником. Он был настолько ловок, что умудрялся прямо на ходу вырывать куски мяса из бегущей жертвы. А главное, обладал сверхъестественной способностью подчинять собратьев своей воле.

Воцарив, новый вожак, поправ справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда, стал действовать по правилу – «как хочу, так и ворочу». И волки безоговорочно подчинились Смельчаку. Это стало доставлять ему особое, прежде неведанное наслаждение – наслаждение властью.

Уступчивость стаи подпитывалась тем, что в первые годы его правления складывались очень благоприятные условия для сытной жизни. Оленей во Впадине расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их каждый день. Обильная добыча помогла упрочить владычество Смельчака и нескольких приближённых угодников: вокруг вожака образовалась как бы стая в стае.

Власть и превосходство над всеми довольно скоро растлили деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, рыскали и охотились рядовые волки, Смельчак со свитой угодников выходил из-за деревьев только тогда, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу они отнимали её силой, но мало-помалу сами добытчики свыклись с этим беспределом и, завершив набег, послушно отходили в сторону в ожидании своей очереди. Изредка, когда охота ожидалась необременительно лёгкая, шайка Смельчака, чтобы размяться, тоже участвовала в ней.

Питались звери так хорошо, что их шерсть приобрела особый блеск, отчего при свете луны казалась серебристо-белой. Ум и хитрость Смельчака позволяли успешно завершать все набеги, отличавшиеся, как правило, бессмысленной жестокостью. Возможность играючи, без усилий добывать поживу привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные волки втянулись в этот дикий разбой.

Промышлявшие в этих местах охотники из староверческого села Варлаамовка стали то и дело натыкаться в лесу на зарезанных, но нетронутых телят. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела, оглушённая потерей, медведица. Безвольно опустив передние лапы, она раскачивалась из стороны в сторону, вздыхала, горестно поскуливала. Люди в сердцах проклинали серых, но в то же время полагали, что на всё воля Божья.

Стая чувствовала себя хозяйкой всей Впадины и бесцеремонно промышляла даже возле селения: затравленные олени, ища защиты, всё ближе жались к людям.

Как-то олений табунок в надежде, что волки не посмеют подойти к строениям вплотную, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола, окружавшего поселение. Не успели они задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Напуганные животные вскочили, притиснулись друг к другу. Один из них ни с того ни с сего начал вдруг с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались в безмолвный мрак, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвившись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из тьмы леса со всех сторон, и вскоре табунок превратился в метущийся хаос: обезумевшие животные вскидывались, падали, хрипели, захлёбываясь кровью. Вся эта резня продолжалась не дольше десяти минут. Когда разбуженные лаем собак мужики пальнули для острастки в черноту, всё уже закончилось.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясённые скитники окаменели. Казалось, что даже горы и те с немым укором взирали на кровавое побоище.

– Сие – проделки диавола в волчьем обличии! Пора дать ему укорот! – воскликнул общинный староста.

Ещё до этой трагедии, время от времени изучая по следам жизнь стаи, первостатейный стрелок Колода – кряжистый бородач лет сорока – смекнул, что ею верховодит умный и кровожадный зверь. Он был уверен, что если удастся выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, опытный охотник не единожды выходил на место отдыха волков, но вожак – умная бестия – всегда ускользал со стаей раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Сам же Смельчак скрытно наблюдал за охотником довольно часто. Колода чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружьё, зверь успевал исчезнуть – словно растворялся в воздухе.

Кровожадность стаи так возмутила охотника, что он, не колеблясь, первым присоединился к праведному делу восстановления справедливости и покоя в окрестностях их селения, полагая, что всем миром удастся быстро избавиться от шайки серых разбойников.

Изучив район обитания стаи и определив наиболее часто посещаемые ею места, охотники устроили с вечера засады на всех возможных проходах.

Колоде с братом Матвеем достался караул возле ключа, отделявшего кедрач от осинника. Натеревшись хвоёй, они сели в кустах, держа ружья наготове. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, вскарабкался на косогор упитанный барсук. И только волков не было видно, хотя стая всё это время бродила рядом, искусно минуя засады.

Среди ночи у не смыкавшего глаз Колоды возникало ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не разглядел Смельчака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним соперником и, развернувшись, увёл стаю в путаную сеть отрогов и распадков.

Последующие засады также не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с версту бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами вытащить стрелу, но рана была смертельной. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали – от волка исходила невыносимая вонь.

– Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, – удивился Матвей.

– А что ты хочешь? Они же слуги диавола, – пояснил кто-то из стариков.

После потери собрата стая словно испарилась. Ставшие уже забывать о её существовании, люди через несколько месяцев вновь были по-

трясены жестокой и бессмысленной резнёй: большинство зарезанных оленей лежали нетронутыми. Повторные облавы, пасти, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки не пропали даром. Поднаторевший Смельчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох.

Как-то раз, переплывая речку, Смельчак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору, Смельчак разжал зубы…

А однажды зимой серые, обежав в поисках оленей все окрестные горы, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: приученные к бдительности животные не позволяли приближаться. Догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной по насту!

Инстинкт подсказал Смельчаку, что стаю выдает резкий волчий запах. И тогда перед набегом звери, следуя примеру вожака, долго тёрлись о снег, политый мочой оленей, и их свежий помёт. Эта немудрёная процедура позволила подойти к табуну настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогача. Стая попировала и залегла на долгожданный отдых. Случайно наткнувшиеся на место трапезы охотники вспугнули зверей. Объевшиеся волки убегали поначалу, не торопясь, грузно прыгая, но, когда меткий выстрел Колоды уложил одного из них, они изрыгнули съеденные куски мяса на снег и махом оторвались от преследователей. Одна из пущенных вдогонку пуль настигла отстававшего волка. Раненый зверь зашатался. Изнемогая, повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу смерти… Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда люди никогда не заходили: считали, что в них обитает нечистая сила.

Колода, изучивший повадки стаи, уверовал, что их вожак и в самом деле порождение дьявола. Не мог же Господь наделить столь выдающимися способностями такую бездушную тварь!

Смельчак тоже хорошо знал своих гонителей, особенно Колоду, чуя в нём сильного противника, тушуясь порой от его уверенного и проницательного взора. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он бесил Смельчака, но вместе с тем и непостижимым образом притягивал, порождал желание вновь схлестнуться, помериться силой.

Осмотрительно избегая прямой стычки, волк, дабы доказать своё превосходство, замыслил прикончить его верного товарища – ручную рысь по кличке Лютый. Маленьким, умирающим котёнком Колода подобрал его в лесу. Живя рядом с ним, рысёнок превратился в его самого преданного друга, понимавшего человека с полуслова. Да и сама стая давно точила клыки на независимого и изворотливого кота. Но котяра в те дни, когда уходил из селения пострансствовать, спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре вскоре всё же представился.

По изменениям в следах Лютого серые поняли, что кот повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь на склоне отрога, она заметно прихрамывала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустился в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь поспешила к внушительному скалистому останцу. Бежала с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрылённая доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти настигнутый кот успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Колода с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди, молча посшибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого, хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли увечного, подошёл к другу. На дне пропасти лежали разбившиеся о камни окровавленные разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смельчак, повинуясь своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Колоду, спускающегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата своры приближённых стала для Смельчака потрясением. Лишь на следующий день он вернулся в стаю, отдыхавшую в глухом распадке. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немыслимых позах, в тени деревьев. Увидев Смельчака, они по привычке встали, но смотрели на него напряжённо, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый. Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и открыто демонстрировал своё непочтение.

– Ну что, померимся силой? Давай! Я готов! – говорил он всем своим видом.

Смельчак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни не прошёл даром: он утратил былую силу и ловкость. Однако, даже отдавая отчёт, что, скорее всего, уступит Широколобому, Смельчак не мог добровольно сдать власть – гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый настороженно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Взбешённый, Смельчак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись, встали друг против друга, выражая решимость отстаивать право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, но звери с места не сходили. Наконец Широколобый, отступая назад, принудил Смельчака сделать бросок. А противник только и ждал этого – отпрянув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать ненавистный загривок.

Смельчак вырвался, но сильно ударился головой о ствол берёзы и, метнувшись в чащу, умчался прочь. Ещё никогда он не чувствовал себя таким опозоренным…

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смельчак всё бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец он добрался до местности, где зияли тёмные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьём, а следы пребывания людей отсутствовали.

Постепенно Смельчак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, столкнулась со Смельчаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смельчак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жаждой превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненного супруга ни на шаг, а когда тот околел, ещё долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смельчак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев протухшего мяса, Смельчак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали – его тут же начинало рвать. Не способный быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью и упорством преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шёл и шёл, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось с перепугу, напрасно тратило силы, но постепенно шаг его тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовал жертву, лишал последних сил. А Смельчака же близость добычи, наоборот, заводила, придавала силы. Наконец наступал момент, когда до предела измотанное, загнанное животное, чуя неминуемость гибели, смирялось с уготованной участью и покорно останавливалось, уже безучастное ко всему. И, когда Смельчак подходил к нему, как правило, даже не пыталось сопротивляться – расставалось с жизнью безропотно…

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось избежать его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смельчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролётные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи*. Принюхался – точно, она! Брюхатая осторожно брела по перекату прямо на него. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поесть свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смельчак выверенным прыжком оседлал её и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапности нападения корова, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой пополз к воде, а потрясённая мамаша удалилась в лесную чащу…

Выполняя просьбу отца-травозная, Колода после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света

---

* Период рождения телят у лосей растянут. Отёл порой случается в июне и даже в июле.

Господня все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шёл по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихворнувшей матери. Приседая на корточки, он с именем Христовым да именем Пресвятой Богородицы срывал ту траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Колода ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смельчак?! Он резко обернулся и внизу, у воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза, вернее, один полуоткрытый глаз сразу выдали его – точно, Смельчак!

– Вот это встреча! Так ты, вурдалак, оказывается, жив?! – воскликнул человек.

Зверь вздрогнул, ещё сильнее прижал к загривку уши и втиснул голову в песок. В его взгляде засквозили испуг, тоска, чувство полной беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились – то ли от жалости к самому себе, то ли оттого, что было трудно смириться с бесславной участью обречённой жертвы.

А охотник смотрел на поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смельчак отвёл взгляд, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Колоды вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворённость. Смельчак, словно почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

– Нечего плакаться, получил ты, брат, по заслугам.

Охотник спрыгнул с обрыва на прибрежную косу и направился к Смельчаку. Тот в ужасе съёжился, дёрнул грязным, как дворовая метёлка, хвостом и как будто всхлипнул.

– Не робей, лежачих не бью, – охотник склонился над зверем и… наткнулся на угасающий взгляд. Волк был мёртв…

Набрав травы, Колода вернулся в хижину и рассказал отцу о неожиданной встрече.

– Всё как у людей, – задумчиво растягивая слова, проговорил старик. – Рано или поздно за всё приходится платить.

СОДЕРЖАНИЕ

О Камиле Зиганшине и его прозе. *Н. Н. Дроздов* 3
От автора 4

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ *(Повесть)*

Часть I. Пышка

Глава 1. Лавина 5
Глава 2. Ермил 9
Глава 3. Весна идёт 15
Глава 4. Верхи. Отец Сергий 21
Глава 5. Сушь. Бескормица 27
Глава 6. Грабежи 33
Глава 7. Охота 36
Глава 8. Беседы 39
Глава 9. Остров 44
Глава 10. Ночёвка 47
Глава 11. Одиночество 52
Глава 12. Вдвоём 56
Глава 13. Потомство 61

Часть II. Топ

Глава 14. Ермил. Спасение росомашат 65
Глава 15. Рыбак 73
Глава 16. Первая охота 76
Глава 17. Трагическая ошибка 79
Глава 18. Странный двуногий 83
Глава 19. Месть 85
Глава 20. Повезло 88
Глава 21. На промысле 92
Глава 22. ЧП на дороге 94
Глава 23. Предательство. Побег 99
Глава 24. Дружба с Топом 103
Глава 25. Новый промысловый сезон 105
Глава 26. Везучий Топ 110
Глава 27. Новый участок 115
Глава 28. Счастливые молодожёны 116
Глава 29. Зима 120
Глава 30. Новое потомство 121

Часть III. Возвращение

Глава 31. Плен 127
Глава 32. Неволя 131
Глава 33. Свобода! 133
Глава 34. Долгая дорога домой 138
Глава 35. Медведь 140

Глава 36. Перевал 143
Глава 37. Зверобои 144
Глава 38. На родине 145
Глава 39. Разгул браконьерства 146
Глава 40. Ласка 148
Глава 41. На севере 149
Глава 42. Авария 153
Глава 43. Тяжёлая дорога 157
Глава 44. Последний урок 164

ЛОХМАТЫЙ *(Рассказ)* 167

СВОРА *(Рассказ)* 173

В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ 16+

Литературно-художественное издание

Зиганшин Камиль Фарухшинович

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

Повесть и рассказы

Редактор *И. И. Садыкова*
Художник *А. Э. Чушкин*
Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*
Технический редактор *Г. Р. Исхакова*
Корректоры *Г. Ф. Закирова, О. В. Савичева, А. М. Черепкова*

Подписано в печать 19.06.2015. Формат 60x90$^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Palatino Linotype. Печать офсетная.
Усл. печ. *л.* 11,5. Усл. кр.-отт. 12,0. Уч.-изд. *л.* 10,31.
Тираж 2000 экз. Заказ 1.0024.15.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Биишевой.
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Отпечатано с предоставленных файлов.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Уфимский полиграфкомбинат.
450001, Уфа, пр. Октября, 2.